Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Шапортов Дмитрий Александрович

Освобождение от ответственности по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: соотношение с национальным правом

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент
Викторова Наталья Николаевна

Москва - 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава 1. Понятие и признаки препятствия вне контроля 17
§ 1. Толкование Конвенции 1980 г. 17
§ 2. Природа препятствия вне контроля 28
§ 3. Особенности квалификации иностранных и национальных правовых ограничений. Вопрос о продолжительности препятствия 48
§ 4. Степень затруднения исполнения препятствием. Теории невозможности исполнения 72
Глава 2. Случаи освобождения должника от исполнения обязательства 88
§ 1. Освобождение от ответственности при частичном исполнении и поставке дефектного товара 88
§ 2. Освобождение от ответственности должника ввиду препятствия вне контроля на стороне привлеченного им третьего лица 92
§ 3. Допустимость применения института затруднений в рамках Конвенции 1980 г. 96
§ 4. Действительность форс-мажорной оговорки 101
Глава 3. Последствия применения положений о препятствии вне контроля 108
§ 1. Исключение принудительного исполнения в натуре 108
§ 2. Право на расторжение договора и последствия его реализации 113
§ 3. Исключение взыскания убытков и неустойки 122
§ 4. Допустимость взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами 127
Заключение 134
Список использованных источников и литературы 137

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Статья 79 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – «Конвенция 1980 г.»)[1], регламентирующая условия и последствия применения препятствия вне контроля, применяется государственными и третейскими судами уже почти полвека, однако в мире до сих пор не сложилось устойчивой практики применения данной статьи.

Создание международных баз данных, делающих возможным изучение судебной практики и доктрины различных государств, не позволило правоприменителям и ученым выработать единый подход к толкованию и применению исследуемой нормы. Степень затруднения исполнения обязательства препятствием вне контроля является предметом доктринальных дискуссий. Не теряет своей актуальности проблема применения затруднений (англ. «hardship») в рамках отношений, урегулированных Конвенцией 1980 г., поскольку различные виды современных препятствий, в том числе юридических, создают лишь затруднения, но не объективную невозможность исполнения обязательств.

В связи с фрагментарным позитивным регулированием и осуществлением правоприменения национальными судьями при наличии препятствия вне контроля возникают практические проблемы применения некоторых средств правовой защиты, например, взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, так как на практике встречается их квалификация как мер защиты и как мер ответственности, что при освобождении от ответственности по статье 79 Конвенции 1980 г. влечет различные правовые последствия.

Представляется, что значение норм об освобождении от ответственности, используемых в Конвенции 1980 г., является недооцененным в отечественной доктрине, потому что рассматриваемому вопросу не уделяется внимания в исследованиях на уровне монографий и диссертаций. Данное направление

---

[1] Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

исследований не получило широкой популярности в России, несмотря на возникновение большого количества препятствий к исполнению международных коммерческих контрактов в период проведения специальной военной операции и действия односторонних принудительных мер.

В международных коммерческих отношениях всегда возникает вопрос о выборе применимого права. Проблема выбора заключается, в частности, в том, что в праве разных стран установлены различные правила относительно обстоятельств, влекущих невозможность исполнения обязательств или делающих это исполнение экономически невыгодным. Так, субсидиарно применимое право часто оказывает существенное влияние на толкование предписаний Конвенции 1980 г. В связи с этим необходимо исследовать данный аспект соотношения конвенционного и национального регулирования отношений по освобождению должника от ответственности ввиду форс-мажорного обстоятельства.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в настоящее время изучение вопросов освобождения от ответственности по Конвенции 1980 г., а также соответствующих вопросов субсидиарного применения национального права к исследуемым отношениям является как никогда актуальным как для доктрины, так и для устранения проблем, возникающих в практической сфере.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. В российской доктрине отсутствуют монографические исследования, посвященные комплексному и всестороннему анализу института препятствия вне контроля по статье 79 Конвенции 1980 г., его соотношения с аналогичными институтами национальных правовых систем.

Основные труды по Конвенции 1980 г., в частности по препятствию вне контроля, были написаны такими авторами как А.В. Асосков, М.М. Богуславский, Н.Г. Вилкова, В.А. Канашевский, А.С. Комаров, В.И. Кулешова, М.Г. Розенберг.

Отметим, что ряд вопросов не получил в доктрине системного изучения и глубокой теоретической проработки. К таким вопросам относятся: квалификация односторонних принудительных мер в качестве препятствия вне контроля;

степень затруднения исполнения обязательства препятствием вне контроля; допустимость применения института затруднений к отношениям, регулируемым Конвенцией 1980 г.; ограничение свободы договора при включении в договор форс-мажорной оговорки.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как: Е.А. Абросимова, А.В. Асосков, М.М. Богуславский, М.И. Брагинский, К. Бруннер, Н.Г. Вилкова, В.В. Витрянский, Р. Гардинер, Б. Готлиб, Л. Диматтео, В.И. Евинтов, И.С. Зыкин, Я. Ишида, В.А. Канашевский, А.С. Комаров, В.И. Кулешова, Д. Лукофски, У. Магнус, Э. Маккендрик, Д. Масков, П. Маццакано, Б. Николас, Э.Л. Ренсманн, М.Г. Розенберг, Д.П. Стригунова, П. Терри, Д. Хоннольд, А. Хофер, И. Швенцер, П. Шлехтрим, С.М. Эггерс и других.

Методология и методы диссертационного исследования. Диссертантом использовались общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод, а также частно-научные методы познания: сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический, метод юридического толкования. Так, посредством индукции в работе произведено обобщение судебной практики разных стран и выявлена тенденция к квалификации иностранных недискриминационных юридических препятствий при применении статьи 79 Конвенции 1980 г. как фактических обстоятельств. Сравнительно-правовой метод позволил определить, что освобождение от ответственности ввиду форс-мажора строится на ряде одинаковых условий согласно национальному праву стран, установивших виновную ответственность и ответственность без вины. С помощью формально-юридического метода в исследовании дается толкование понятию «избежать», используемому в тексте статьи 79 Конвенции 1980 г., которое подразумевает действия по предотвращению возникновения препятствия вне контроля. Кроме того, благодаря системному методу были рассмотрены нормы Конвенции 1980 г. о восполнении пробелов, учете международных обычаев и о препятствии вне

контроля в системе, что сделало возможным выявление недопустимости применения затруднений при действии Конвенции 1980 г.

Нормативная и эмпирическая основы исследования. Нормативную основу исследования составляют положения Конвенции 1980 г., нормы отечественного и зарубежного законодательства, а также положения источников негосударственного регулирования (lex mercatoria), предусматривающие возможность освобождения стороны от ответственности за неисполнение обязательства при наличии форс-мажора.

Эмпирической основой исследования послужили материалы отечественной и иностранной судебно-арбитражной практики по спорам, возникающим при решении вопросов об освобождении стороны от ответственности за неисполнение обязательства.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся при возникновении препятствий к исполнению обязательств, влекущих освобождение должника от ответственности, в спорах, вытекающих из договоров международной купли-продажи товаров.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы Конвенции 1980 г., отечественного и иностранного законодательства, положения Принципов УНИДРУА, предусматривающие возможность освобождения стороны от ответственности при наличии препятствия вне контроля, а также отечественная и зарубежная судебно-арбитражная практика и доктринальные источники по вопросам применения положений об освобождении стороны от ответственности по договорам международной купли-продажи товаров.

Цель исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании научного представления об условиях и последствиях освобождения стороны от ответственности на основании Конвенции 1980 г. ввиду наличия препятствия вне контроля, возможностях, пределах и последствиях субсидиарного применения национального права к таким отношениям.

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих основных **задач исследования**:

– определение модели, по которой формулируются условия применения препятствия вне контроля в статье 79 Конвенции 1980 г.;

– установление критерия для разграничения препятствия вне контроля по Конвенции 1980 г. и института затруднений, получившего отражение в ряде национальных правовых систем;

– разграничение конвенционного регулирования препятствия вне контроля и национального регулирования непреодолимой силы по праву России;

– определение правил квалификации иностранных правовых ограничений недискриминационного характера в случае, когда они препятствуют исполнению обязательства, урегулированного Конвенцией 1980 г.;

– определение правил квалификации дискриминационных иностранных односторонних принудительных мер («санкций») в случае, когда они препятствуют исполнению обязательства, урегулированного Конвенцией 1980 г.;

– установление особенностей толкования Конвенции 1980 г. относительно восполнения ее внутренних и внешних пробелов в правовом регулировании;

– решение вопроса о допустимости субсидиарного применения института затруднений (hardship) при регулировании отношений Конвенцией 1980 г.;

– определение основания исключения принудительного исполнения обязательства в натуре во время существования препятствия вне контроля;

– установление возможности взыскания предусмотренных договором штрафной и компенсационной неустойки в случае наступления препятствия вне контроля;

– определение допустимости взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами при исключении исполнения обязательства вследствие препятствия вне контроля;

– выявление ограничений свободы договора при формулировании форс-мажорной оговорки в рамках отношений, урегулированных Конвенцией 1980 г.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые выработано целостное представление о препятствии вне контроля согласно Конвенции 1980 г. на основе анализа правоприменительной практики

различных стран мира, а также исследования соотношения и взаимодействия трех регуляторов: национального законодательства (российского и иностранного), Конвенции 1980 г. и международных торговых обычаев.

В данной работе сформулированы и обоснованы следующие **выносимые на защиту положения, обладающие научной новизной и имеющие практическое значение:**

1. С учетом доктрины, судебной практики и на основе автономного толкования Конвенции 1980 г. аргументировано, что модель, по которой строится описание препятствия вне контроля в статье 79 Конвенции 1980 г., относится к смешанной теории невозможности исполнения. Препятствие вне контроля по Конвенции 1980 г. охватывает как объективную невозможность исполнения обязательства, так и обстоятельства, которые обременяют одну из сторон и существенным образом изменяют равновесие договорных обязательств, но не делают исполнение объективно невозможным, что подтверждается судебно-арбитражной практикой таких стран, как Австрия, Германия, Египет, США и Франция.

Данный вывод обусловлен тем, что при разработке Конвенции 1980 г. было принято решение отказаться от использования варианта формулировки статьи 79, в котором применялся жесткий критерий определения степени затруднения исполнения препятствием: «невозможность исполнения», получивший обозначение в подготовительных документах как вариант «А». Вместо этого предпочтение было отдано в пользу применения гибкого критерия разумности ожидания исполнения в сложившихся обстоятельствах (вариант «В»).

2. Обосновано, что при разграничении препятствия вне контроля по Конвенции 1980 г., в той части, что оно влечет лишь субъективную невозможность исполнения обязательства, и затруднений, закрепленных в национальном праве (например, Австрии, Беларуси, Германии, России), надлежит исходить из оценки вероятности успешного исполнения обязательства при увеличении цены договора. При затруднениях цена договора является решающим фактором, определяющим возможность выполнить соглашение. В противном

случае, когда повышение расходов не оказывает существенного влияния на вероятность исполнения обязательства, действуют правила о препятствии вне контроля.

Установление в Конвенции 1980 г. повышенных требований для освобождения от ответственности ввиду препятствия вне контроля по сравнению с национальным институтом затруднений подтверждается практикой Каирского регионального центра международного коммерческого арбитража.

3. Аргументировано, что судебно-арбитражной практике России, Китая и США свойственно толковать положения статьи 79 Конвенции 1980 г. в соответствии с понятиями, используемыми в национальном праве, что противоречит принципу учета международного характера Конвенции 1980 г. Автором впервые проведено разграничение понятия «препятствие вне контроля» (статья 79 Конвенции 1980 г.) и непреодолимой силы в российском праве (статья 401 Гражданского кодекса РФ) по следующим критериям:

– по распространению на случаи ненадлежащего исполнения, выраженного в поставке товара с дефектом (defective performance) – представленные ситуации исключены из сферы действия препятствия вне контроля, но охватываются непреодолимой силой;

– по последствиям расторжения договора – препятствие вне контроля предполагает, что расторжение договора приводит к автоматическому возврату всего переданного по сделке, а не сохранению сторон при своем с правом взыскания неосновательного обогащения.

Помимо вышеперечисленных отличий по Конвенции 1980 г. право кредитора на расторжение договора может быть реализовано только тогда, когда задержка исполнения будет представлять собой существенное нарушение договора, а не в любое время после утраты интереса кредитора в исполнении как при непреодолимой силе. Однако разъяснения о толковании нормы о непреодолимой силе, изложенные в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7, прямо противоречат пункту 2 статьи 450 Гражданского кодекса РФ, закрепляющему право расторгнуть договор только при

его существенном нарушении. С учетом этого необходимо исходить из тождественного подхода конвенционного и национального регулирования к условию реализации права на расторжение договора.

4. При применении к отношениям Конвенции 1980 г. иностранные недискриминационные юридические препятствия к исполнению обязательства должны рассматриваться только как вопросы факта без необходимости определения к соответствующим отношениям применимого национального права, что подтверждается судебно-арбитражной практикой Китая и США.

Данный вывод обусловлен тем, что в противном случае основной вопрос о возможности исполнения обязательства при возникновении форс-мажорной ситуации был бы заменен исследованием коллизионных привязок с целью определения наличия оснований применить различные виды иностранных норм. Такой подход противоречил бы цели, заложенной в институт препятствия вне контроля, радикально сократил бы случаи применения статьи 79 Конвенции 1980 г. и оставил бы на разрешение национального права существенную часть вопросов освобождения должника от ответственности.

5. Принятые иностранными государствами дискриминационные односторонние принудительные меры («санкции») при регулировании отношений Конвенцией 1980 г. подлежат квалификации на основе закона страны суда (lex fori), потому что отношения, возникающие в связи с действием подобных ограничений, тесно связаны с публичным порядком государств и не подчиняются правилам единообразного толкования норм о препятствии вне контроля.

Так, в европейских странах сложилась практика рассматривать подобные ограничения в качестве сверхимперативных норм (преобладающих императивных предписаний), подлежащих применению независимо от права, применимого к самой сделке (например, Англия, Германия, Швеция). В судебной практике России считается, что дискриминационные односторонние принудительные меры иностранного государства («санкции») противоречат национальному публичному порядку, поэтому они не принимаются во внимание как препятствия вне контроля по Конвенции 1980 г.

6. При восполнении пробелов конвенционного регулирования общими принципами Конвенции 1980 г. и национальным правом необходимо принимать во внимание, что пункт 2 статьи 7 Конвенции 1980 г. закрепляет данное требование лишь в отношении вопросов, урегулированных Конвенцией 1980 г., но прямо не разрешенных в ней (внутренние пробелы). Представленное правило восполнения пробелов не подлежит применению в отношении тех вопросов, которые относятся к предмету регулирования Конвенции 1980 г., но прямо в ней не урегулированы (внешние пробелы), как это отражено в аутентичном русском варианте текста Конвенции 1980 г.

7. Исходя из судебной и арбитражной практики Австрии, Германии, Египта, США, Франции, институт затруднений, получивший отражение в субсидиарно применимом национальном праве, не может применяться к отношениям, урегулированным Конвенцией 1980 г., за исключением случаев наличия в договоре соответствующей оговорки. Это обусловлено следующими причинами:

– Конвенция 1980 г. не урегулировала вопросы применения института затруднений, а значит, не содержит внутреннего пробела в этой сфере. Следовательно, разрешить данный вопрос путем применения общих принципов, на которых основана Конвенция, или национального регулирования невозможно;

– затруднения не могут рассматриваться как внешний пробел в конвенционном регулировании, допускающий субсидиарное применение национального права, так как Конвенция 1980 г. содержит статью 79, которая определяет условия и последствия наступления препятствия вне контроля.

Помимо этого, институт затруднений не подлежит применению как международный обычай, так как по данному вопросу существует противоречивая позиция двух наиболее влиятельных правовых систем: романо-германской, которая преимущественно допускает адаптацию договора к новым условиям, и англо-саксонской, исключающей подобное вмешательство в договорные отношения и освобождение от ответственности при затруднениях.

8. Во время существования препятствия вне контроля правоприменителю надлежит исходить из международного характера Конвенции 1980 г. и расширительного толкования ее пункта 1 статьи 79, закрепляющего возможность освобождения стороны от ответственности. Так, данное предписание должно охватывать, в частности, освобождение от исполнения обязательства в натуре.

Доминирующая в доктрине теория о том, что требование исполнения обязательства в натуре исключается во время существования препятствия вне контроля положениями субсидиарно применимого национального права (ввиду предписаний статьи 28 Конвенции 1980 г.), необоснованна ввиду следующего:

– из подготовительных документов видно, что при создании Конвенции 1980 г. ее авторами предполагалось исключение применения принудительного исполнения в натуре в силу общей направленности статьи 79;

– первоначальная цель статьи 28 Конвенции 1980 г. состояла в том, чтобы обеспечить участие стран англо-саксонской правовой системы, в которых сложилась особая практика применения принудительного исполнения обязательства в натуре (specific performance). Таким образом, данная норма не предназначена для того, чтобы исключать исполнение в натуре в каждом случае наступления препятствия вне контроля, дополняя положения статьи 79 Конвенции 1980 г.

9. Возможность взыскания установленной соглашением штрафной неустойки при наличии препятствия вне контроля должна определяться по субсидиарно применимому национальному праву, которое преимущественно исходит из императивного предписания о ничтожности подобных договорных положений (Беларусь, Россия, Швеция). Данный вывод обусловлен тем, что взыскание штрафной неустойки в таком случае представляет собой внешний пробел в конвенционном регулировании, который восполняется в соответствии с национальным правом.

Взыскание компенсационной неустойки в представленных обстоятельствах должно быть в целом исключено, поскольку она представляет

собой компенсацию убытков, которая прямо запрещена пунктом 5 статьи 79 Конвенции 1980 г.

10. Доказано, что при наличии препятствия вне контроля допустимо взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, что подтверждается судебной практикой таких стран, как Австрия и Швейцария. Наличие препятствия вне контроля ограничивает применение лишь Раздела II Главы IV «Убытки» (являющихся мерой ответственности) и не затрагивает действия норм статей 78 и 84 Конвенции 1980 г., посвященных начислению процентов (являющихся мерой защиты).

Размер процентов является внутренним пробелом конвенционного регулирования и подлежит определению на основе субсидиарно применимого национального права. Установление нулевой процентной ставки в соответствующем государстве влечет невозможность их взыскания.

Подход российской судебной практики, не допускающий взыскания процентов при наличии препятствия вне контроля, основан на квалификации процентов по статье 395 Гражданского кодекса России в качестве меры ответственности и распространении данной квалификации на применение положений статьи 78 Конвенции 1980 г., что нарушает принцип необходимости учета международного характера данного международного договора.

11. При применении Конвенции 1980 г. свобода сторон в выборе формулировки форс-мажорной оговорки должна быть ограничена, что подтверждается практикой Международного арбитражного суда при Международной торговой палате. Данная точка зрения аргументируется тем, что действительность договорных положений подлежит определению по национальному праву. Закрепление в соглашении условий, которые противоречат императивным предписаниям применимого права в отношении форс-мажора, в частности условий, ставящих другую сторону в крайне невыгодное положение (например, действующий в России запрет исключения ответственности за умышленное нарушение обязательства), не влечет правовых последствий из-за противоречия данных положений национальному публичному порядку.

Закрепление в договоре случая введения дискриминационных односторонних принудительных мер иностранного государства («санкций») в качестве форс-мажорного обстоятельства может привести к освобождению стороны от ответственности. В случае, когда, согласно закону страны суда, данные меры рассматриваются в качестве сверхимперативных норм, то есть применимых независимо от права, применимого к самой сделке, квалификация таких мер в качестве форс-мажора допускается. При квалификации данных односторонних принудительных мер («санкций») по закону страны суда в качестве противоречащих национальному публичному порядку освобождение от ответственности исключается.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его основные положения и выводы могут быть использованы для дальнейшего развития учения об освобождении от ответственности ввиду наличия препятствия вне контроля по Конвенции 1980 г., а также при проведении научных исследований по смежным проблемам международного частного права (далее – «МЧП»): форс-мажорной оговорке, квалификации односторонних принудительных мер, оговорке о публичном порядке, затруднениях и т.д.

Практическая значимость. Имеющийся в диссертации теоретический материал, а также выводы, сформулированные автором, представляют интерес для дальнейших научных исследований в области освобождения от ответственности и могут быть использованы в преподавании курса «Международное частное право», а также спецкурса «Право международной торговли».

Диссертационное исследование может быть также полезно правоприменителям и участникам отношений, осложненным иностранным элементом, при составлении договоров международной купли-продажи товаров и разрешении трансграничных частно-правовых споров, возникающих из соответствующих сделок, а также квалификации обстоятельств в качестве препятствий вне контроля. В настоящее время имеется потребность в обобщении судебной практики и принятии разъяснений по вопросам применения препятствия

вне контроля российскими судами. В этой связи положения диссертации могут быть приняты за основу при подготовке соответствующего проекта разъяснений высшей судебной инстанции.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности результатов диссертационного исследования подтверждается эмпирической базой, а также судебно-арбитражной практикой по вопросам применения препятствия вне контроля.

Результаты исследования представлены на основе детального анализа российской и зарубежной доктрины, что позволило обеспечить непротиворечивость содержания исследования, внутреннюю логику, аргументированность и новизну научных выводов и предложений автора. Необходимая полнота и объективность исследования, юридическая корректность выводов и предложений, сформулированных в работе, достигнуты за счет использования различных источников права и lex mercatoria, значительного количества научных трудов по проблеме освобождения от ответственности и исполнения обязательства.

Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Основные теоретические положения и выводы диссертации изложены в 7 публикациях, включая научные журналы, рекомендованные Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (4 публикации), и сборники материалов конференций (3 публикации).

Отдельные результаты исследования были изложены в докладах на всероссийских и международных научно-практических конференциях: XXIII Международная научно-практическая конференции (Кутафинские чтения) «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина, 21-24 ноября 2023 г.); Международный конгресс молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина, 5-6 апреля

2024 г.); XXVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности» (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина, 26-29 ноября 2024 г.).

Результаты исследования апробированы автором в рамках подготовки и проведения практических занятий по курсу «Международное частное право» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Структура диссертационного исследования обусловлена его предметом, целями, задачами и состоит из введения, трех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения, списка использованных источников.

Глава 1. Понятие и признаки препятствия вне контроля

§ 1. Толкование Конвенции 1980 г.

На протяжении более 40 лет Конвенция 1980 г. имеет огромное значение для международных коммерческих отношений. Ее нормы применяются судами на разных континентах. Тем не менее, отдельные положения данного международного договора до сих пор не имеют общепризнанного толкования.

По словам Д. Хоннольда, внесшего огромный вклад в развитие МЧП и изучение Конвенции 1980 г., формулировка статьи 79 Конвенции 1980 г., регулирующей освобождение стороны от ответственности при наличии препятствия вне контроля, вероятно, является одной из наименее успешных среди положений всего документа[2]. В юридической доктрине разных стран условия применения статьи 79 Конвенции 1980 г. вызывают множество вопросов. В российской доктрине работы по анализу соответствующих положений международного договора практически отсутствуют. В связи с этим в настоящей диссертации будет представлен анализ нормы об освобождении от ответственности, содержащейся в статье 79 Конвенции 1980 г., практики ее применения, а также будет определен смысл, который был заложен в исследуемую формулировку при ее создании во второй половине XX-го века.

Согласно статьям 31 - 33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – «Конвенция 1969 г.»)[3], при толковании соглашений данного типа необходимо руководствоваться принципом добросовестности, использовать термины в соответствии с их обычным значением, учитывать контекст, а также при необходимости допускается обращение к подготовительным материалам и аутентичным текстам договора. В.И. Евинтов в своей работе отмечает, что исследование аутентичных текстов международных

---

[2] Honnold, J.O. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention : 3rd edition / J.O. Honnold. – Kluwer Law International, 1999. P. 484.

[3] Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. ст. 772.

договоров является необходимым для уяснения подлинного смысла закрепленных норм[4]. Более того, по его мнению, изучение неаутентичных текстов также может рассматриваться как дополнительное средство толкования международных договоров[5]. С учетом направленности настоящего исследования далее будет производиться анализ аутентичных текстов Конвенции 1980 г. на русском и английском языках, а в качестве дополнительного средства толкования будет использоваться перевод Конвенции 1980 г. на немецкий язык.

Практика применения описанных способов толкования международных договоров, наряду с учетом зарубежных научных работ получила за границей достаточно широкое распространение, и это не связано только с исследуемым международным договором. Например, в деле Fothergill v Monarch Airlines Ltd. [1981] A.C. 251[6] Палата лордов Соединенного Королевства указала на необходимость исследования иностранной доктрины и судебной практики, а также подготовительных материалов, чтобы дать правильное толкование Конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г.[7] Применительно к Конвенции 1980 г. можно отметить решение Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма по делу Нафтогаз v Газпром[8], где при разрешении спора суд внимательно изучал представленные сторонами доктринальные позиции в отношении толкования Конвенции 1980 г. К сожалению, в российской судебной и арбитражной практике случаи глубокого всестороннего изучения правовых предписаний относительно препятствия вне контроля судами единичны, но также имеют место[9].

---

[4] Евинтов В. И. Многоязычные договоры в современном международном праве. Отв. ред.: Ульянова Н.Н. — Киев: Наук. думка. — 1981. С. 89.

[5] Талалаев А. Н. Право международных договоров. В 2-х т. Т. 2. Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М.: Издательство «Зерцало-М», 2019. С. 98-99.

[6] Online legal research service «Westlaw».

[7] Конвенция об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII.- М. 1935. С. 326 - 339.

[8] Separate Award. SCC Arbitration № V2014/078/080. 31 May 2017. CISG-online 4683. Point 2555, 2557, 2561.

[9] Решение МКАС при ТПП РФ от 17.12.2007 г. по делу № 35/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

Помимо общих положений права международных договоров в отношении толкования Конвенции 1980 г. действуют также специальные предписания, отраженные в ст. 7, которая закрепляет, что при уяснении и разъяснении ее норм следует учитывать ее международный характер и содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле. Н.Н. Викторова полагает, что в данной статье отражены три принципа толкования исследуемого международного договора: принцип учета международного характера Конвенции 1980 г., принцип единообразного применения, принцип добросовестности в международной торговле[10].

Принцип учета международного характера Конвенции 1980 г. означает осуществление автономного толкования норм данного международного договора без применения национальных правовых концепций[11]. Так, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма в 2017 г. отметил, что п. 1 ст. 7 Конвенции 1980 г. направлен на обеспечение автономного толкования (autonomous interpretation) положений Конвенции 1980 г. и ее общих принципов, иными словами, толкования, свободного от предубеждений национального права[12].

Такое толкование приводит к тому, что судам приходится абстрагироваться от своих национальных правовых систем и проводить точное различие между международным регулированием отношений по купле-продаже и национальным. Например, в решении по делу[13] 2004 г. Верховный суд Австрии отметил, что ответственность по Конвенции 1980 г. шире, чем предусматривается в австрийском праве, а именно, она не основана на вине, как во внутреннем праве.

Название принципа единообразного применения Конвенции 1980 г. само по себе дает достаточное понимание смысла данного предписания: правоприменители из всех стран должны стремиться применять нормы Конвенции 1980 г. единообразно. Реализация данного принципа может быть

---

[10] Викторова Н.Н. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: толкование и применение национальными судами государств: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 55-56.

[11] Викторова Н.Н. Указ. соч. С. 57.

[12] Separate Award, SCC Arbitration № V2014/078/080, 31 May 2017, CISG-online 4683.

[13] OGH. 21.04.2004. № 7Ob32/04p.

продемонстрирована на примере дела, рассмотренного американским апелляционным судом[14] в 2024 г. Тогда суд, отказывая во взыскании убытков в виде расходов на юридические услуги по ст. 74 Конвенции 1980 г., отметил, что в базе данных Университета Пейса (Pace University database on CISG) имеется более 2500 дел из 45 юрисдикций... Тем не менее, в менее 10 (0,4%) из них ссылаются на Конвенцию 1980 г. как на применимое право в вопросе о взыскании расходов на выплату вознаграждений юристам. В связи с этим источники, которые будут использоваться в настоящем исследовании, не ограничены лишь отечественными материалами.

Еще до принятия Конвенции 1980 г. принцип добросовестности при толковании международных договоров получил закрепление в п. 1 ст. 31 Конвенции 1969 г., который установил, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Комментируя данное правило, Р. Гардинер отметил, что в большинстве случаев трудно увидеть какое-либо точное применение принципа добросовестности или его независимую роль. Это может быть обусловлено тем, что добросовестность субъективна в том смысле, что она приписывается лицу, а не объективно формирует отдельную черту толкования (an attribute of an interpretation). Когда в судебных решениях делается ссылка на принцип добросовестности как на элемент интерпретации международного договора, иногда имеется в виду злоупотребление правом (abuse of rights), которое относится к тому как стороны осуществляют свои права, а не к тому, как устанавливается подлинный смысл международно-правовой нормы. Граница между толкованием и применением становится размытой[15].

Несмотря на то, что в XX веке юристам не удалось решить данную проблему в отношении Конвенции 1969 г., принцип добросовестности при

---

[14] U.S. Court of Appeals (8th Circuit). 30.05.2024. № 23-2164. CISG-online 7006.

[15] Gardiner, R. Treaty Interpretation. Oxford International Law Library. 2nd Edition. 2015 // URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/relatedrecords/cr2018_04585.pdf (Date of access: 26.05.2025).

толковании договора в последующем был включен и в Конвенцию 1980 г. в п. 1 ст. 7. Н.Н. Викторова в своей диссертации выделила две функции исследуемого принципа, а именно, он применяется 1) при толковании самой Конвенции 1980 г.; 2) при возложении на стороны обязанности вести себя добросовестно[16].

Последняя функция данного принципа стала предметом рассмотрения во многих делах и получила широкую известность, что в целом согласуется с особенностью правоприменения исследуемого принципа, отмеченной Р. Гардинером. Так, во Франции суд[17] в качестве условия освобождения стороны от ответственности по Конвенции 1980 г. указал отсутствие проявления недобросовестности со стороны должника.

Примеров применения принципа добросовестности для толкования самой Конвенции 1980 г. крайне мало. Такое использование данного принципа напрямую не обозначается судами при вынесении решений. Тем не менее, можно найти дела, когда правоприменитель применял исследуемую норму п. 1 ст. 7 соответствующим образом. Так, в 2024 г. в Нидерландах был рассмотрен спор[18], возникший ввиду существенного нарушения договора продавцом, который поставил товар с дефектом. Покупатель заявил о расторжении договора по ст. 25 Конвенции 1980 г. Продавец указал на то, что возвращение поставленного товара в том же по существу состоянии, в котором покупатель его получил невозможно, а, следовательно, исключается расторжение договора (ст. 82). Суд произвел расширительное толкование Конвенции 1980 г. и постановил, что при таких обстоятельствах невозможность возврата товара в том же состоянии не является препятствием для расторжения договора покупателем. В определенных ситуациях принцип добросовестности, упомянутый в п. 1 ст. 7 Конвенции 1980 г., может означать, что расторжение договора возможно, даже если поставленный товар

---

[16] Викторова Н.Н. Указ. соч. С. 108, 111.

[17] Tribunal de Commerce de Besancon. 19.01.1998. № 97/009265. CISG-online 557.

[18] Rechtbank Zeeland-West-Brabant. 29.05.2024. № C/02/367340 / HA ZA 20-1. CISG-online 7014.

ненадлежащего качества больше не может быть возвращен в неизменном состоянии.

Таким образом, суд напрямую увязал принцип добросовестности (п. 1 ст. 7) и наличие у покупателя права расторгнуть договор, согласно конвенционному регулированию. Следовательно, в представленном деле отражена первая функция принципа добросовестности, как принципа, определяющего установленные в Конвенции 1980 г. права и обязанности сторон: было бы недобросовестно для правоприменителя предоставлять продавцу возможность ссылаться на ограничение покупателя в праве расторгнуть договор, если сам продавец поставил технически сложное изделие с дефектом, предназначенное для последующей эксплуатации в экстремальных условиях, исключающих его возврат в том же состоянии.

Первая функция принципа добросовестности, как исходного начала при толковании положений Конвенции 1980 г., крайне редко описывается в судебных решениях и анализируется в научных работах. По нашему мнению, добросовестность при толковании Конвенции 1980 г. должна состоять в том, что суд не должен распределять между сторонами права и обязанности в несправедливой форме, ссылаясь на то, что это заложено в смысл норм Конвенции 1980 г.

Таким образом, в данной работе необходимо принимать во внимание зарубежные исследования Конвенции 1980 г., соответствующую практику правоприменения, аутентичные и неаутентичные тексты и подготовительные материалы.

В соответствии с п. 2 ст. 7 Конвенции 1980 г. вопросы, относящиеся к предмету регулирования данного международного договора, которые прямо в нем не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых он основан, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм МЧП. Какие сферы относятся к предмету регулирования Конвенции 1980 г., вопрос спорный.

С одной стороны, это те сферы, в отношении которых данный международный договор фактически имеет правовые положения. С другой стороны, это те сферы, которые прямо не исключены из предмета регулирования Конвенции 1980 г., согласно предписаниям ее статей 2-5. Конвенция 1980 г. закрепляет, что она распространяет свое действие на все права и обязанности продавца и покупателя, но не регулирует вопросы 1) действительности договора или каких-либо из его положений или любого обычая; 2) последствий, которые может иметь договор в отношении права собственности на проданный товар (ст. 4). Также Конвенция 1980 г. не применяется в отношении ответственности продавца за причиненные товаром повреждения здоровья или смерть какого-либо лица (ст. 5).

Относительно второго подхода примечательно дело 1993 г., в котором Районный суд г. Монца[19] (Италия) указал, что вопросы прекращения договора в связи с чрезмерной обременительностью его исполнения не связаны со сферами, которые прямо исключены из ее предмета регулирования. Следовательно, суд посчитал, что данные вопросы должны входить в предмет регулирования Конвенции 1980 г.

Комментируя данное дело, Консультационный совет отметил, что, по мнению суда, если затруднения входят в предмет регулирования, но фактически не имеют специальной нормы в Конвенции 1980 г., то вопрос об их применении является вопросом, относящимся к предмету регулирования Конвенции 1980 г., который прямо в ней не разрешен (по смыслу п. 2 ст. 7), что дает основания для его разрешения в соответствии с общими принципами, на которых основана Конвенция 1980 г., а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм МЧП[20].

---

[19] Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B. District Court Monza. 14.01.1993. 4267/88. CISG-online 102.

[20] CISG-AC Opinion № 7. Exemption of Liability for Damages under Article 79 of the CISG. Rapporteur: Professor Alejandro M. Garro. Columbia University School of Law. New York. N.Y. USA. Adopted by the CISG-AC at its 11th meeting in Wuhan. People's Republic of China. 12 October 2007. Comment 3.2. para. 31 // Website of CISG Advisory Council. URL:

По нашему мнению, верным является первый подход, так как распространение Конвенции 1980 г. на абсолютно все отношения продавца и покупателя, кроме прямых исключений, кажется необоснованным ввиду объективно узкого характера конвенционного регулирования и может приводить к абсурдным умозаключениям.

Чтобы установить истинный смысл документа, необходимо обратиться к аутентичным и неаутентичным текстам Конвенции 1980 г. Русскоязычный вариант п. 2 ст. 7 Конвенции 1980 г. говорит о «вопросах, относящихся к предмету регулирования, но прямо не разрешенных», а англоязычная редакция Конвенции 1980 г. говорит о «вопросах, урегулированных Конвенцией 1980 г., но прямо не разрешенных». Разница состоит в том, что, если вопрос относится к предмету регулирования, это не значит, что о нем в документе будут какие-либо положения. Это скорее цель, которую ставит перед собой правотворец, а не результат, что также может привести к описанному ранее расширенному пониманию предмета регулирования данного международного договора. Если же вопрос урегулирован Конвенцией 1980 г., то это уже значит, что о нем есть определенные положения в документе. То есть это результат правотворчества.

Таким образом, в данном случае два аутентичных текста имеют различное значение. Толкование п. 2 ст. 7 Конвенции 1980 г. на русском языке в соответствии с обычным значением используемых слов явно приводит к неразумным результатам (ст. 32, 33 Конвенции 1969 г.). В связи с этим, принимая во внимание объект и цели Конвенции 1980 г., п. 2 ст. 7 правильнее рассматривать в том смысле, который изложен в английской версии документа.

На подобные проблемы давно обратили внимание в доктрине. Так, отмечается, что аутентичные тексты Конвенции 1980 г. на русском, арабском и китайском языках иногда существенно отличаются от остальных. В таких случаях предлагается использовать аутентичный текст Конвенции 1980 г. на английском

---

https://www.cisgac.com/file/repository/CISG_Advisory_Council_Opinion_No_7.pdf (Date of access: 28.04.2022).

языке, потому что английский был основным языком при разработке данного международного договора[21].

Примечательно, что неаутентичный перевод рассматриваемой статьи на немецкий язык, который при дословном переводе содержит выражение: «Вопросы, которые касаются урегулированных предметов в этой конвенции», соответствует английской версии.

Таким образом, верный перевод будет звучать так: «Вопросы, урегулированные Конвенцией 1980 г., которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при их отсутствии – в соответствии с правом, применимым в силу норм МЧП». Именно такое толкование названной норме дал МКАС в Решении по делу № 134/2002[22], указав: «По вопросам, не урегулированным или не полностью урегулированным Венской конвенцией, подлежат применению правила ГК РФ». Правда, нельзя согласиться с судом относительно автоматического применения национального права без учета общих принципов, на которых основана Конвенция 1980 г., несмотря на то что данная позиция встречается и в доктрине того времени[23].

Представленные вопросы, которые урегулированы Конвенцией 1980 г. и которые прямо в ней не разрешены, относятся к внутренним пробелам. Именно на них распространяется особое предписание Конвенции 1980 г. восполнять пробелы в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм МЧП[24].

---

[21] Schwenzer, I. Interpretation and gap-filling under the CISG // Current Issues in the CISG and Arbitration. International Commerce and Arbitration. Vol. 15. 2014. P. 113.

[22] Решение МКАС при ТПП РФ от 04.04.2003 г. по делу № 134/2002 // СПС «КонсультантПлюс».

[23] Вилкова Н. Г. Конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров и практика разрешения споров Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате России // Хозяйство и право. 1995. № 9. С. 116.

[24] Froehlich J. Minor dissertation. The Vienna Convention: A uniform approach to fill gaps within the scope of the Convention. University of Cape Town School for Advanced Legal Studies. 2007. P. 20.

Примером восполнения внутреннего пробела может быть Решение Высшего народного суда Тяньцзинь по гражданскому делу (2020) № 433[25]. Тогда суд пришел к выводу о необходимости начислить проценты на сумму долга по ст. 78 Конвенции 1980 г., которая закрепляет, что, если сторона допустила просрочку в уплате какой-либо суммы, другая сторона имеет право на проценты с просроченной суммы. Конвенция 1980 г. не регулирует размер процентов. В связи с этим суд обратился к национальным правовым нормам.

Согласно п. 24 Разъяснений Верховного народного Суда КНР о применимом праве при рассмотрении дел, связанных со спорами по договорам купли-продажи[26], если в договоре купли-продажи неустойка за просрочку платежа или способ ее расчета не предусмотрены, а продавец требует возмещения убытков от просрочки платежа по причине нарушения покупателем договора, народный суд может рассчитать ее на основе базовой процентной ставки аналогичного вида кредита в юанях Народного банка Китая за тот же период и сослаться на стандартную процентную ставку по просроченному платежу. На основе данного предписания суд определил размер взыскиваемых с должника процентов.

Наряду с внутренними пробелами существуют внешние пробелы, которые делятся на два вида. Первый вид составляют те вопросы, которые прямо исключены из отношений, которые регулируются Конвенцией 1980 г. (ст. ст. 2 - 5). Другими словами, намерение авторов Конвенции 1980 г. было в том, чтобы не создавать каких-либо норм для данных ситуаций. Второй вид внешних пробелов представляет собой вопросы, в отношении которых Конвенция 1980 г. не имеет конкретных предписаний, однако у авторов отсутствовало намерение исключить их из сферы применения Конвенции 1980 г. (ст. ст. 2 - 5). Восполнение внешних пробелов подчиняется общему правилу МЧП о возможности субсидиарного применения норм национального права без учета общих принципов, на которых основана Конвенция 1980 г.

---

[25] 中华人民共和国. 天津市高级人民法院. 民 事 判 决 书 (2020)津民终 433 号.

[26] 最高人民法院《关于审理买卖合同纠纷案件适用法律问题的解释》已于 2012 年 3 月 31 日由最高人民法院审判委员会第 1545 次会议通过, 现.予公布, 自 2012 年 7 月 1 日起施行.

Необходимые для восполнения внутренних пробелов общие принципы, на которых основана Конвенция 1980 г., не закреплены в самом международном договоре. В доктрине также отсутствует единство относительно исчерпывающего списка данных принципов. Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции 1980 г. (далее – «Сборник ППТЮ»)[27], содержит указания, в частности, на следующие общие принципы Конвенции 1980 г.: автономия воли сторон, добросовестность, отсутствие требований в отношении формы договора, полная компенсация, уменьшение ущерба и т.д. Из тех принципов, которые не указаны в Сборнике ППТЮ, можно отметить принцип разумности[28] и принцип равенства сторон[29]. Эти и другие основополагающие начала Конвенции 1980 г. должны использоваться при наличии внутренних пробелов в регулировании отношений по международной купле-продаже. Если из соответствующего принципа будет невозможно вывести правило для принятия решения по делу, то судам надлежит руководствоваться субсидиарно применимым национальным правом.

Некоторые авторы[30] предлагают использовать Принципы международных коммерческих договоров[31] 2016 г. (далее – «Принципы УНИДРУА»), как общие принципы, на которых основана Конвенция 1980 г. Например, М. Бридж считает, что, несмотря на отсутствие в п. 2 ст. 7 Конвенции 1980 г. прямого указания на

---

[27] Официальный сайт Комиссии ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/cisg_digest_2016_r.pdf (Дата обращения: 09.04.2025 г.).

[28] Lookofsky J. M. Understanding the CISG. A compact guide to the 1980 United Nations Convention on contracts for the International Sale of Goods. 6th (worldwide) ed. - Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Kluwer Law International B.V., 2022 ; Copenhagen : DJØF Publishing, 2022. P. 49.

[29] Schwenzer, I. Interpretation and gap-filling under the CISG // Op. cit. P. 117.

[30] Ibid. P. 117.

[31] Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). 2016 г. // Официальный сайт Международного института унификации частного права. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf (Дата обращения: 26.04.2022 г.).

Принципы УНИДРУА, они могут использоваться для восполнения пробелов и установления общих принципов, на которых основана данная конвенция[32].

Этот подход встречается и при разрешении споров. Например, в 1994 г. Венский международный арбитражный центр (VIAC) рассмотрел дело, в котором Принципы УНИДРУА были применены для восполнения пробела конвенционного регулирования в части определения размера процентов за пользование чужими денежными средствами[33].

С нашей точки зрения, данный подход неверен, так как представленный источник lex mercatoria появился после принятия Конвенции 1980 г. и не может служить основанием (началом) для ее норм.

§ 2. Природа препятствия вне контроля

Все препятствия, которые возникают при исполнении обязательства, являются юридическими фактами. Их можно подразделить на юридические факты-события и юридические факты-действия. Соответственно, препятствия могут быть фактическими и юридическими. Природа препятствий, которые охватываются ст. 79 Конвенции 1980 г. будет рассмотрена в настоящем параграфе.

В соответствии с п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий.

Под «препятствием» понимаются обстоятельства, которые негативно воздействуют на исполнение договора или делают это исполнение невозможным. По своей природе препятствие является юридическим фактом. Юридические

---

[32] Bridge, M. The CISG and the UNIDROIT principles of international commercial contracts. Uniform Law Review - Revue de droit uniforme, online. 2014. P. 5.

[33] Internationales Schiedsgericht der Bundeskammer der gewerblichen Wirtschaft - Wien; SCH-4366. 15.06.1994 // CISG-online 121.

факты делятся на два вида: события и действия. Доктрина по этому вопросу единогласно исходит из того, что как действия (правовые ограничения: торговые запреты), так и события (землетрясения, наводнения) охватываются понятием препятствия[34].

Д. Хоннольд считает, что введение ограничений в стране продавца может быть основанием для освобождения этого продавца от ответственности в рамках конвенционного регулирования[35]. Другими словами, Конвенция 1980 г. рассматривает невозможность правомерного совершения подготовительных действий во исполнение договора в стране, не являющейся местом исполнения договора, как основание для освобождения продавца от ответственности. Данный подход до недавнего времени признавался и в России. В деле № А40-241276/20 суд распространил действие ст. 79 Конвенции 1980 г. на ситуацию введения ограничений в стране продавца (Франция)[36]. (Особенности современного подхода российских судов будут представлены в § 3 настоящей Главы).

В 1996 г. Арбитражный суд при Венгерской торгово-промышленной палате рассмотрел спор[37] (Yugoslav caviar case), в котором покупатель не мог произвести оплату товара продавцу, находящемуся в Югославии, в связи с введением санкций против этой страны по решению ООН. В своем решении суд не исключил возможность применения ст. 79 Конвенции 1980 г. к препятствиям данного вида.

В 1993 г. в деле[38], рассмотренном Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссией (CIETAC) в 1993 г. (Semi-automatic weapons case), арбитраж не исключил применение ст. 79 Конвенции

---

[34] Schlechtriem & Schwenzer. Commentary on the UN Convention on the international Sale of Goods (CISG). ed. by I. Schwenzer. 4th ed. Oxford University Press, 2016. P. 1136-1137; Commentary on the UN Sales Law (CISG) ed. by Christoph Brunner, Benjamin Gottlieb. - Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Kluwer Law International, 2019. P. 663.; Lookofsky J. M. Op. cit. P. 180.

[35] Honnold, J.O. Op. cit. P. 491-492.

[36] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2021 г. по делу № А40-241276/20 // КАД «Мой арбитр».

[37] Arbitration Court attached to the Hungarian Chamber of Commerce and Industry. 10.12.1996. CISG-online 774.

[38] CIETAC. 07.08.1993. CISG/1993/11. CISG-online 1060.

1980 г. к правовым предписаниям США о запрете ввоза товара в отсутствии разрешения на импорт оружия.

В 2019 г. Высший земельный суд г. Дюссельдорф вынес решение по делу[39] (также известно как «Bulbs for four-leaf clover case»), в котором согласованный к поставке товар (четырехлистный клевер) был уничтожен пожаром. Особенность дела состоит в том, что товар являлся родовой вещью, что не исключает обычно возможность его замены. Однако в данном случае было уничтожено 90% мировых запасов четырехлистного клевера. Это стало причиной, по которой замена товара стала невозможной. Причем суд не стал устанавливать причину пожара: был ли он вызван нарушением правил противопожарной безопасности или другими причинами. Для применения ст. 79 Конвенции 1980 г. это было неважно. В связи с этим суд постановил, что продавец может быть освобожден от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г. при наличии препятствия такого вида.

Суд США в 2008 г. рассмотрел спор[40], где стороной договора купли-продажи выступало иностранное государство. Тогда под эгидой ООН был заключен договор между коммерческим предприятием и Ираком на поставку гуманитарных товаров в эту страну. Оплата должна была быть произведена после доставки товара в Ирак и предоставления соответствующей документации поставщику инспекторами из ООН для получения выплаты по аккредитиву. В результате начала военных действий и свержения режима в Ираке миссия ООН была эвакуирована. Поставщик не смог выполнить поставку и получить соответствующую документацию. Суд постановил, что на стороне поставщика возникло препятствие вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г., что освобождает его от ответственности, но не дает права требовать с покупателя оплаты за непоставленный товар.

Таким образом, термин «препятствие» ст. 79 Конвенции 1980 г. охватывает оба вида юридических фактов: действия и события.

---

[39] OLG Düsseldorf, 04.07.2019 – I-6 U 2/19. CISG-online 4614.

[40] Hilaturas Miel, S.L. v. Republic of Iraq. U.S. District Court for the Southern District of New York. 20 August 2008 – 06 Civ 12. CISG-online 1777.

Помимо термина «препятствие» в п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. содержится термин «последствия препятствия». Необходимость использования такого отдельного выражения представляется достаточно сомнительной, и в доктрине часто отступают от изучения этого понятия. Например, И. Швенцер рассматривает «препятствие вне контроля» в качестве главного условия применения ст. 79 Конвенции 1980 г. Отдельно последствия в принципе не исследуются автором[41]. Аналогичный подход отражен в работе К. Бруннера, Б. Готлиба[42]. Д. Лукофски при изучении ст. 79 Конвенции 1980 г. разграничил два условия: «препятствие» и «вне контроля». Однако точно так же не стал подробно рассматривать последствия препятствия[43]. Даже в российской доктрине применительно к отечественному основанию освобождения от ответственности: непреодолимой силе, нет однозначной позиции о том, как соотносить обстоятельство и его последствия[44].

Тем не менее, отечественный подход к последствиям непреодолимой силы может пролить свет на особенности толкования нормы ст. 79 Конвенции 1980 г. О.Н. Захарова, в качестве примера приводит землетрясение, которое невозможно предотвратить, однако его разрушительные последствия могут быть предотвращены путем установки сейсмоустойчивых конструкций[45]. К.О. Огнева отмечает ситуацию с паводком на реке, который невозможно предотвратить, однако возможно заранее рассчитать его силу и районы, которые будут им затронуты. Следовательно, в силах должника предвидеть масштабы последствий паводка и перевезти товар в другое место с целью его сохранения[46].

Таким образом, представленное выделение двух понятий: «препятствия» и «последствия препятствия», имеет свою ценность при исследовании определенных специфических обстоятельств. Далее в работе понятие

---

[41] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1133-1134.

[42] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 656, 657, 664.

[43] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 178.

[44] Огнева К.О. Исключение и освобождение от ответственности за нарушение договора: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 101; Захарова О.Н. Непреодолимая сила и гражданско-правовая ответственность: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. С. 43.

[45] Захарова О.Н. Указ. соч. С. 43.

[46] Огнева К.О. Указ. соч. С. 101.

«препятствие» будет означать как само явление или действие, так и его соответствующие последствия, как того требует устоявшийся в доктрине подход.

Согласно Конвенции 1980 г., привлечение должника к ответственности осуществляется независимо от его вины[47]. Следовательно, нет необходимости непосредственно устанавливать вину должника в неисполнении. В.И. Кулешова отмечает, что термин «вина» в рамках ст. 79 Конвенции 1980 г. был заменен термином «вне контроля»[48].

Таким образом, для привлечения должника к ответственности нет необходимости доказывать наличие его вины, но для освобождения должника от ответственности нужно доказать ее отсутствие. Так, К. Бруннер, Б. Готлиб утверждают, что концепция ответственности без вины, отраженная в Конвенции 1980 г., не имеет большого количества отличий от ответственности, основанной на вине, закрепленной в различных национальных правовых системах[49]. Д. Масков в своей работе рассматривает две концепции закрепления норм о форс-мажоре: принцип вины и принцип освобождения от ответственности. Автор отмечает, что разница между подходами небольшая, так как сторона лучше всего может доказать отсутствие вины, если она докажет основания для освобождения от ответственности[50].

В качестве иллюстрации идеи Д. Маскова можно привести правовое регулирование в Англии, Германии и России. В Англии отсутствие вины выделяется как самостоятельное условие освобождения от ответственности ввиду фрустрации договора[51] наряду с другими условиями: непредвидимость[52],

---

[47] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1129; Rothermel, M. Ereignisse (Coronavirus, Brexit, Embargos, Zölle, u.a.) und höhere Gewalt, Unmöglichkeit, Wegfall der Geschäftsgrundlage, Hardship, Frustration im BGB und in anderen Rechtsordnungen – braucht es eine Klausel? // Internationales Handelsrecht, Jun 2020, Vol. 20. Issue 3. S. 95.

[48] Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. [М.М. Богуславский и др.; ред. В.И. Кулешова]. – М.: Юрид. лит., 1994. С. 185.

[49] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 656.

[50] Maskow, D. Hardship and Force Majeure // American Journal of Comparative Law. 1992. 40. P. 664.

[51] Davis Contractors Ltd v Fareham Urban District Council [1956] A.C. 696 // Online legal research service «Westlaw».

непредотвратимость[53], непреодолимость обстоятельства[54].

В Германии, наоборот, только отсутствие вины выделяется как главное условие освобождения от ответственности. Так, § 275 Германского гражданского уложения[55] (далее – «ГГУ») закрепляет, что притязание на исполнение исключается, если исполнение невозможно для должника или любого другого лица. Данное положение не решает вопроса взыскания убытков. Оно только ограничивает предъявление требования исполнения обязательства в натуре. В соответствии с § 283 ГГУ, если согласно § 275 ГГУ должник не обязан производить исполнение, то кредитор при наличии вины должника может взамен исполнения потребовать возмещения ущерба. Следовательно, в Германии базовым основанием освобождения от ответственности является отсутствие вины должника. Однако при установлении отсутствия вины суды опираются на те же признаки, которые отмечаются в Англии: непредвидимость[56], непредотвратимость и непреодолимость обстоятельства[57].

В России при привлечении к ответственности коммерческих организаций нет необходимости устанавливать элемент вины, как это было в советский период[58]. Однако освобождение от ответственности ввиду непреодолимой силы аналогично возможно при тех же условиях, что в Англии и Германии:

---

[52] Edwinton Commercial Corp v Tsavliris Russ (Worldwide Salvage & Towage) Ltd. [2007] EWCA Civ 547 // Online legal research service «Westlaw».

[53] J. Lauritzen A.S. v Wijsmuller B.V. [1990] 1 Lloyd's Rep 1 // Online legal research service «Westlaw».

[54] Banco San Juan Internacional Inc v Petroleos De Venezuela SA. [2020] EWHC 2937 (Comm) // Online legal research service «Westlaw».

[55] Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 // Reichsgesetzblatt. S. 195 // Offizielle Webseite des Bundesministeriums der Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (Zugriffsdatum: 30.06.2024).

[56] BGH, 01.12.1993 – VIII ZR 259/92

[57] BGH, 08.06.1983 – VIII ZR 77/82.

[58] Имущественная ответственность в хозяйственных договорах : (Учеб. пособие) / В.А. Ойгензихт. Душанбе: Тадж.ун-т, 1980. С. 41.

непредвидимости[59], непредотвратимости (п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»[60]) и непреодолимости обстоятельства[61].

Таким образом, на практике разница между подходами не является существенной.

Используемая в Конвенции 1980 г. формулировка «вне контроля» подразумевает, что сторона своим действием или бездействием не могла повлиять на появление таких обстоятельств. И. Швенцер полагает, что данная формулировка означает, что препятствие находится вне сферы рисков должника, то есть не относится к его финансовому состоянию, личным обстоятельствам, риску, связанному с осуществлением поставок или с действиями собственного персонала[62]. К. Бруннер, Б. Готлиб в своей работе отметили, что к обычной сфере контроля должника относится организация работы предприятия, принятие мер, необходимых для исполнения договора, ответственность за персонал предприятия, забастовки и финансовое положение компании. Однако в исключительных случаях поражения пандемией значительной части персонала предприятия, совершение преступлений, причиняющих значительный экономический ущерб, в виде поджога или саботажа, а также крупные забастовки, организованные на всех предприятиях соответствующего экономического сектора, могут быть основанием для освобождения должника от ответственности[63].

Верховный суд Австрии в 2004 г. рассмотрел спор[64] между швейцарской (покупатель) и австрийской (продавец) компаниями. Продавец, который занимался продажей автобусов, произведенных в Германии, обязался поставить два автобуса покупателю. Немецкий производитель приобретал у своего поставщика системы кондиционирования воздуха. После пяти месяцев

---

[59] Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 12.07.2023 г. по делу № А59-7138/2022 // КАД «Мой арбитр».

[60] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

[61] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2021 г. по делу № А66-839/2021 // КАД «Мой арбитр».

[62] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1134.

[63] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 658.

[64] OGH. 21.04.2004. № 7Ob32/04p.

эксплуатации автобуса в нем произошел пожар, причиной которого стал неправильный монтаж системы кондиционирования. Покупатель обратился в суд. Ответчик заявил, что он лишь приобрел товар у производителя и передал его покупателю, не внося никаких изменений в товар. В связи с этим, по мнению ответчика, он не может нести ответственность за подобные скрытые дефекты.

Верховный суд Австрии определил, что отношения регулируются Конвенцией 1980 г. и субсидиарно применимым правом Австрии. Далее суд установил аффилированность австрийского продавца и немецкого производителя автобусов. Более того, Верховный суд согласился с толкованием вины, представленным судом апелляционной инстанции, которая отметила разницу между конвенционным и национальным регулированием. Так, было установлено, что ответственность по Конвенции 1980 г. шире, чем предусматривается в австрийском праве. Имущественная ответственность за нарушение договора по Конвенции 1980 г. основана не на вине, а на гарантии (keine Verschuldenshaftung, sondern eine Garantiehaftung).

Таким образом, Верховный суд Австрии пришел к выводу, что в силу норм Конвенции 1980 г. в деле отсутствует необходимость определения наличия вины должника в неисполнении обязательства, а главным основанием его ответственности является предоставление им гарантии на 2 года использования двигателя (или 200 тыс. км.) и аналогичной гарантии на остальную часть транспортного средства. Данный факт исключает освобождение продавца от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г., даже если суду не удается установить подлинную причину возникновения дефекта: возник ли он ввиду действий производителя автобусов или его поставщика систем кондиционирования воздуха.

В другом деле[65] Верховный суд Австрии пришел к выводу, что Конвенция 1980 г. допускает наступление ответственности не только в отсутствие вины, но и в отсутствие противоправности (Verhaltensunrecht). По мнению суда,

---

[65] OGH. 29.06.1999. № 1Ob74/99k.

освобождение от такой ответственности возможно только при наличии препятствия вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г.

«Принять в расчет» значит осознавать существенную вероятность затруднения исполнения договора этим препятствием в будущем (степень такого затруднения будет рассмотрена ниже). Российская доктрина в этом случае говорит о критерии предвидимости[66]. Иностранная доктрина также исходит из того, что формулировка «принять в расчет» обозначает возможность «предвидеть» соответствующее препятствие[67]. Я. Ишида подчеркивает, что критерий предвидимости убытков по ст. 74 Конвенции 1980 г. тождественен требованию принятия в расчет препятствия вне контроля в рамках ст. 79 Конвенции 1980 г., проводя разграничение лишь в том, что необходимо предвидеть[68]. И. Швенцер в отношении принятия препятствия в расчет отмечает, что в этом случае решающий вопрос состоит в том, должен ли был разумный человек на месте должника в соответствующих обстоятельствах во время заключения договора с учетом торговых обычаев предвидеть препятствие[69]. Примерно теми же словами описывают смысл данного выражения К. Бруннер и Б. Готлиб[70].

Д. Лукофски полагает, что почти все потенциальные препятствия для исполнения даже войны, пожары, введение эмбарго и терроризм являются чрезвычайно предсказуемыми в современном мире, поэтому доказать наличие данного признака у препятствия очень сложная задача[71]. Так, Высший суд земли г. Мюнхен в 2008 г. рассмотрел дело[72], в котором указал, что такие факты, как тип

---

[66] Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. Указ. соч. С. 185.

[67] Schwenzer, I. Force Majeure and Hardship in International Sales Contracts // Victoria University of Wellington Law Review. 2008. 39. P. 714; Oral, T. Exemption from liability according to the art. 79 of the Convention on International Sale of Goods (CISG) // Tribuna Juridică 20. P. 646.

[68] Ishida, Y. CISG Article 79: Exemption of Performance, and Adaptation of Contract Through Interpretation of Reasonableness ― Full of Sound And Fury, but Signifying Something // Pace International Law Review. 30. 2018. P. 340.

[69] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1134.

[70] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 657, 670.

[71] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 180.

[72] OLG München, 05.03.2008 – 7 U 4969/06. CISG-online 1686.

автомобиля, хищение которого по статистике производится часто; заниженная цена с учетом даты выпуска транспортного средства и его пробега; факт нескольких обращений продавца в правоохранительные органы с целью определения происхождения автомобиля; несоответствие имени лица, продавшего продавцу транспортное средство, имени прежнего владельца транспортного средства, указанного в регистрационных документах; свидетельствуют о том, что у продавца автомобиля должны были возникнуть сомнения относительно законности сделки. В связи с этим обнаружение в дальнейшем факта того, что транспортное средство находится в угоне было предсказуемым, и с учетом обстоятельств от должника можно было разумно ожидать принятия этого факта в расчет. В условиях отсутствия непредвидимости препятствия освобождение от ответственности в рамках ст. 79 Конвенции 1980 г. также исключается.

Принимая во внимание признак непредвидимости, можно утверждать, что существование препятствия вне контроля на момент заключения договора исключается, т.е. ст. 79 Конвенции 1980 г. может применяться только к последующим препятствиям. Хотя противоположная позиция также имеет место в доктрине[73]. Тем не менее, при определении того, насколько вероятным было принятие стороной препятствия в расчет, суд обратит внимание на момент его возникновения. В эпоху глобализации и развития СМИ трудно себе представить, что лицо на момент заключения договора не будет знать, например, о том, что корабль заблокировал Суэцкий канал или что в каком-то государстве вспыхнула пандемия. Так, в деле № М-243/2018 Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ (далее – «МКАС») указал: «Контракт заключен сторонами в период, когда ограничительные меры (санкции) США и ЕС действовали в отношении отдельных российских юридических и физических лиц. Вместе с тем для признания обстоятельства форс-мажорным требуется установление фактора непредвиденности, которого

[73] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. p. 1134; Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 670; Комаров А.С. Освобождение от ответственности при нарушении договора международной купли-продажи товаров // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 92.

при указанных обстоятельствах в рамках настоящего дела не усматривается»[74]. Также М.Г. Розенберг отмечает, что МКАС в своей практике приходил к выводу, что данному критерию не могут соответствовать такие обстоятельства, как забастовки и засуха, которые существовали на момент заключения договора[75].

В связи с этим, если на момент заключения договора препятствие существовало, то будет невозможно доказать, что лицо его не предвидело. Следуя данной логике, Районный суд г. Монца (Италия) разъяснил в своем решении, что ст. 79 Конвенции 1980 г. применяется только к последующим препятствиям[76].

Таким образом, толковать данную норму нужно так, что на момент заключения договора препятствие отсутствовало, а лицо не могло и не должно было осознавать (предвидеть) существенную вероятность затруднения исполнения договора этим препятствием в будущем.

Следующим критерием является невозможность избежания или преодоления этого препятствия. В наиболее известных и признанных работах по Конвенции 1980 г. отсутствует какой-либо анализ соотношения данных понятий, и в целом уделяется мало внимания их значению. Часто непреодолимость и неизбежность взаимозаменяются. Так, И. Швенцер рассматривает понятия «преодолеть» и «избежать» [препятствие] в разделе, название которого охватывает только один из них, «неизбежность» (unavoidability), а в содержании раздела речь идет скорее о значении слова «преодолеть», так как автор отмечает обязанность должника использовать альтернативные способы поставки товара, даже если они существенно дороже изначально согласованных[77].

Д. Лукофски также не производит попыток обосновать необходимость использования двух этих разных понятий в ст. 79 Конвенции 1980 г. Автор отмечает, что при недоступности товара в одном источнике, продавец может

---

[74] Решение МКАС при ТПП РФ от 03.07.2019 г. по делу № М-243/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[75] Международная купля-продажа товаров: Комментарий к правовому регулированию и к практике разрешения споров. - 4-е изд. испр. и доп. М.: Статут, 2010. С. 331.

[76] Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B. District Court Monza. 14.01.1993. 4267/88. CISG-online 102.

[77] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1135.

избежать или преодолеть это препятствие путем приобретения товара в другом. Далее в работе приводится пример введения государственных ограничений в сфере расчетов, которые приводят к освобождению от ответственности покупателя при условии, что он не имеет возможности «преодолеть» препятствие путем использования альтернативных средств платежа[78].

К. Бруннер, Б. Готлиб в своей работе на конкретных примерах рассмотрели только термин «преодолеть». Так, они выделили возможность использования альтернативных иностранных способов осуществления платежей, альтернативных маршрутов и мест доставки, замены родовых вещей аналогичными и т.д.[79]

Д. Хоннольд в принципе не совершает попыток определить смысл исследуемых слов[80].

В России В.И. Кулешовой в 1994 г. было отмечено: «Если нарушитель докажет, что событие, препятствующее исполнению, наступило несмотря на то, что им были предприняты все необходимые и разумные меры для его предотвращения либо наступления его последствий, то он будет освобожден от возмещения потерпевшей стороне причиненных нарушителем договора убытков»[81]. Таким образом, автор аналогично объединил два различных понятия одним – «предотвратить», без обоснования причин таких выводов. Впоследствии в 1998 г. в п. 4 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ[82] (далее – «Письмо ВАС РФ») было закреплено два следующих условия применения ст. 79 Конвенции 1980 г.: неотвратимость и непреодолимость, однако мотив замены понятия «неизбежности» на «неотвратимость» изложен не был.

---

[78] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 179-180.

[79] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 671.

[80] Honnold, J.O. Op. cit. P. 471-494.

[81] Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. Указ. соч. С. 185-186.

[82] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 4.

Современная российская судебная практика также исходит из критерия неотвратимости препятствия[83].

Представленный пробел доктринальных исследований, который вероятно стал причиной неоднозначных судебных решений, необходимо устранить в настоящей работе, выработав обоснованный с точки зрения толкования многоязычных международных договоров подход.

Начать анализ следует с понятия «преодолеть», так как в отношении него позиция является более определенной. «Преодолеть препятствие» значит претерпеть определенные негативные последствия, вызванные возникшим препятствием, но исполнить обязательство альтернативным способом[84]. Данный способ должен отличаться от обычной деловой практики компании. Например, если поставщик всегда отправлял товары по реке, но в связи с засухой уровень воды упал, и теперь использовать корабли невозможно, то поставщик теоретически может погрузить товар в грузовые автомобили.

Другим примером, сложившимся на практике, может стать ситуация, когда покупатель должен оплатить товар посредством перечисления денежных средств на банковский счет продавца, но в связи с введением межгосударственных ограничений банк покупателя не может провести операцию. В этом случае покупатель должен преодолеть это препятствие, в частности, посредством открытия себе банковского счета в другом банке[85].

В деле 2006 г. греческий суд[86] отказал в освобождении продавца (Болгария) от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г., так как препятствие в виде обмеления р. Дунай было преодолимым: поставка товара могла быть выполнена в Грецию не из речного порта, как изначально намеревался продавец, а из морского порта, несмотря на то что это увеличило бы расходы продавца.

---

[83] Решение Арбитражного суда Самарской области от 16.10.2019 г. по делу № А55-17758/2019 (поддержано Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 27.05.2020 г. по делу № А55-17758/2019) // КАД «Мой арбитр».

[84] Епифанова Т.О., Денисенко Р.В. Коронавирус как форс-мажор в трансграничном контракте // Вестник Евразийской академии административных наук. 2020. № 2 (51). С. 39.

[85] Решение МКАС при ТПП РФ от 03.07.2019 г. по делу № М-243/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[86] Efetio Lamias. № 63/2006. CISG-online 5924.

Особое внимание нужно уделить такому понятию, используемом в п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г., как «избежать» (англ. «avoid»). Толковый словарь В.И. Даля указывает на то, что слово «избежать» имеет значение «миновать»[87], что в свою очередь определяется как «обойти», «оставить в стороне или позади себя», «оставить без внимания»[88]. Следовательно, в настоящем случае «избежать» означает не встретиться с определенными обстоятельствами, не производя никакого воздействия на них. При этом английское слово «avoid», согласно английскому толковому словарю[89], имеет три разных значения, два из которых применимы к нашей ситуации: когда после рассматриваемого слова употребляется существительное. Первое значение состоит в совершении лицом действия, направленного на то, чтобы предотвратить наступление события или его воздействие на данное лицо (схоже с русским словом «предотвратить»). Второе значение − «остаться в стороне от кого-то или чего-то» (схоже с русскими словами «избежать» и «миновать»). Таким образом, русский перевод Конвенции 1980 г. охватывает лишь второе значение слова «avoid», и поэтому является более узким по сравнению с английской версией международного договора.

В связи с вышеизложенным примечателен вывод английского суда по делу, связанному с освобождением стороны от ответственности на основании форс-мажорной оговорки, содержащей исследуемое слово. Так, в деле J. Lauritzen A.S. v Wijsmuller B.V.[90] суд анализировал вину перевозчика. Истец, в частности, указывал, что неправильно полагать, что ст. 17.2 договора предоставила перевозчику право на отказ от договора при наличии события, которое можно было бы избежать (англ. «avoid»), приняв разумные меры предосторожности. Важно, что более в решении понятие «избежать» не используется, а суд в своих

---

[87] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. : Тип. М.О. Вольфа. СПб.-М. 1881. С. 8.

[88] Даль В.И. Указ. соч. С. 334.

[89] Collins Cobuild English Language Dictionary. [developed and comp. in the Engl. Dep. at the Univ. of Birmingham]. Ed. in chief John Sinclair. London; Glsgow : Collins; Stuttgart : Klett 1987. P. 86.

[90] [1990] 1 Lloyd's Rep 1 // Online legal research service «Westlaw».

рассуждениях всегда обращал внимание на наличие у ответчика возможности именно предотвратить (англ. «prevent») наступление последующего события.

Смежной проблемой, связанной с использованием данных понятий, является то, что в русскоязычной и англоязычной версиях Конвенции 1980 г. между словами «избежать» и «преодолеть» используется союз «или», что свидетельствует о необязательности доказывания невозможности совершения обоих действий.

Исходя из представленного выше толкования, можно сказать, что данные понятия обозначают различные варианты по исполнению обязательства: избежать (предотвратить) [препятствие] – при угрозе его возникновения; и преодолеть [препятствие] – уже при его наличии. Следовательно, для применения ст. 79 Конвенции 1980 г. необходимо доказать, что сторона договора не могла воспользоваться ни одним из этих двух вариантов. Иное толкование, допускающее доказывание невозможности использования лишь одного из вариантов, приводит к выводу, что лицу нет необходимости исчерпать все возможности для исполнения обязательства, а это является нарушением международных стандартов, так как «в практике международного коммерческого арбитража сформулирован принцип, согласно которому все, что с точки зрения закона можно предпринять, должно быть предпринято для того, чтобы обязательство было исполнено»[91].

Таким образом, союз «или» расположен между данными понятиями не с целью обозначить предмет доказывания на альтернативной основе, а ввиду того, что постановка союза «и» привела бы к абсурду: сперва избежать (предотвратить) препятствие, а потом его преодолеть невозможно.

На основе принципа добросовестного толкования международного договора с учетом контекста нормы ст. 79 Конвенции 1980 г. и ее целей можно прийти к выводу, что принимаемые должником меры, направленные на выполнение обязательства при наличии или угрозе возникновения препятствия

---

[91] Решение МКАС при ТПП РФ от 03.07.2019 г. по делу № М-243/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

вне контроля, должны состоять в предотвращении его возникновения, если препятствие еще не наступило, и в его преодолении, если препятствие уже наступило.

Проблема отсутствия в тексте ст. 79 признака «непредотвратимости» должна решаться расширенным толкованием понятия «избежать», формально не подразумевающего оказания на препятствие какого-либо воздействия для недопущения его наступления (синоним: «миновать»). Буквальное толкование данного понятия привело бы к его отождествлению с понятием «преодолеть» и освобождению должника от обязанности принятия превентивных мер, состоящих в недопущении наступления препятствия вне контроля.

При чтении Конвенции 1980 г. является очевидным указание создателями исследуемого международного договора двух условий применения ст. 79 на альтернативной основе: 1) «от нее [стороны] нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора» 2) «либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий». В англоязычном тексте Конвенции 1980 г. между данными условиями тоже используется союз «или» (англ. «or»), что свидетельствует о необязательности доказывания наличия сразу двух условий. На это также обращает внимание Э. Маккендрик[92].

Однако в соответствии с п. 1 разъяснений к ст. 79 Сборника ППТЮ, оба из перечисленных условий подлежат одновременному доказыванию, будто между ними стоит соединительный союз «и». Аналогичная позиция встречается в иностранной[93] и российской доктрине[94]. И. Швенцер отмечает, что если препятствие не могло быть принято в расчет во время заключения договора (выполняется первое условие), но для должника возможно и разумно его

---

[92] McKendrick, E. Force Majeure and Frustration of Contract. 2-nd Ed. 1995. Lloyd's of London Press Ltd. P. 279.

[93] Ishida, Y. Op. cit. P. 334.

[94] Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. Указ. соч. С. 184.

преодолеть (не выполняется второе условие), то это не освобождает его от ответственности за неисполнение[95].

Таким образом, применяется расширительное толкование исследуемого положения. Такое толкование оправдано и объясняется тем, что одна невозможность принятия в расчет препятствия, которое было возможно преодолеть или избежать, не должна приводить к освобождению стороны от ответственности. Сторона должна приложить все усилия для исполнения обязательства. Верно и обратное: лицо, которое при заключении договора осознавало существенную вероятность затруднения исполнения договора препятствием в будущем (т.е. принимало его в расчет), обязано это препятствие избежать или преодолеть, или нести риск того, что это будет сделать невозможно.

При буквальном толковании, т.е. как альтернативных условий, может сложиться ситуация, когда лицо при заключении договора осознает, что впоследствии в связи с препятствием оно не сможет исполнить договор, но целенаправленно его заключает с недобросовестными целями, например, для получения денежных средств от покупателя по предоплате, чтобы временно получить финансирование для решения текущих проблем. Следовательно, применение буквального толкования в настоящем случае нецелесообразно, так как оно искажает смысл, который изначально планировали вложить в данную статью Конвенции 1980 г.

Пункт 4 ст. 79 Конвенции 1980 г. закрепляет, что уведомление кредитора о наличии препятствия вне контроля не лишает должника возможности ссылаться на данное препятствие для освобождения от ответственности. Однако должник несет ответственность за убытки, являющиеся результатом того, что такое извещение получено не было. Смысл такого подхода можно проиллюстрировать на примере дела[96] 2006 г., когда заранее направленное извещение позволило покупателю своевременно приобрести товар у другого продавца и понести меньшие потери по сравнению с ситуацией, если бы покупатель не был поставлен

---

[95] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1135.
[96] Efetio Lamias. № 63/2006. CISG-online 5924.

в известность о будущем неисполнении договора должником. В данном случае продавец не был освобожден от ответственности и был обязан возместить убытки покупателю. Суд отметил, что покупатель принял разумные меры (reasonable measures) для уменьшения убытков.

Таким образом, представленная обязанность направлять извещение служит не только интересам кредитора, но и должника в ситуациях, когда он рассчитывает на освобождение от ответственности ввиду форс-мажора, но в дальнейшем не может доказать всех его условий.

Отдельно стоит отметить толкование описанных условий применения ст. 79 Конвенции 1980 г. российской доктриной и судами. В отечественной судебной практике и научных работах достаточно часто пренебрегают анализом формулировок ст. 79 Конвенции 1980 г. в части условий исключения ответственности, предполагая, что они абсолютно идентичны п. 3 ст. 401 ГК РФ. Это приводит к тому, что российские суды в отношении рассматриваемой международно-правовой нормы применяют такие понятия как «чрезвычайность», «непредвидимость», «непредотвратимость» и «непреодолимость», свойственные институту непреодолимой силы в российском праве, некоторые из которых формально отсутствуют в ст. 79 Конвенции 1980 г.

Согласно п. 4 Письма ВАС РФ, препятствие вне контроля характеризуется Конвенцией 1980 г. как непредвиденное, неотвратимое и непреодолимое обстоятельство. Вероятнее всего, рассматриваемое толкование привело к практике распространения концепций права РФ на международно-правовые нормы, закрепленные в ст. 79 Конвенции 1980 г.

В Решении Арбитражного суда Самарской области от 16.10.2019 г. по делу № А55-17758/2019[97] суд указал на необходимость наличия признаков чрезвычайности и непредотвратимости обстоятельств непреодолимой силы для освобождения стороны от ответственности. Далее суд провел аналогию со ст. 79 Конвенции 1980 г., отметив тем самым тождество положений двух источников права. Далее данное Решение было поддержано Постановлением Арбитражного

[97] КАД «Мой арбитр».

суда Поволжского округа от 27.05.2020 г. по делу № А55-17758/2019[98]. Признаки чрезвычайности и непреодолимости обстоятельств, исключающих ответственность, устанавливались в арбитражном деле № А76-26950/2018, при рассмотрении которого суд указал, что отсутствие подтверждения торгово-промышленной палатой ФРГ форс-мажорного характера обстоятельств, повлекших невозможность поставки MTA GmbH оборудования в адрес ООО «УЗГА», как это предусмотрено п. 13.3 договора, не исключает возможность такой квалификации при представлении надлежащих доказательств[99]. Поскольку доказательства чрезвычайности и непреодолимости обстоятельств были представлены, суд применил ст. 79 Конвенции 1980 г. Верховный Суд РФ (далее – «ВС РФ») согласился с таким решением[100].

В научной работе Я.О. Алимовой[101] отмечается, что в целом положения ст. 7.1.7 Принципов УНИДРУА о форс-мажоре совпадают с п. 3 ст. 401 ГК РФ. Если учесть, что п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. был, по сути, дословно перенесен в ст. 7.1.7 Принципов УНИДРУА, можно сказать, что автор соглашается с идентичностью российской и международно-правовой норм об исключении ответственности. С.Н. Тагаева полагает, что в ст. 79 Конвенции 1980 г. закреплены такие признаки непреодолимой силы, как «чрезвычайность обстоятельства, вызванная воздействием из вне, а также непредвиденность контрагентами при заключении договора возможности его возникновения»[102]. Хотя нельзя не отметить, что в отношении препятствия вне контроля прямо не выделяется признака чрезвычайности.

---

[98] КАД «Мой арбитр».

[99] Решение Арбитражного суда Челябинской области от 27.12.2018 г. по делу № А76-26950/2018 // КАД «Мой арбитр».

[100] Определение Верховного суда РФ от 11.10.2019 г. № 309-ЭС19-17365 по делу № А76-26950/2018 // КАД «Мой арбитр».

[101] Алимова Я.О. Особенности регулирования форс-мажора в международном частном праве в «ковидную» эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 125.

[102] Тагаева С.Н. Пандемия как основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности в международных коммерческих контрактах? // Наука, образование: предпринимательская деятельность в поведенческой экономике, формы реализации и механизмы обеспечения. Материалы Национальной научно-практической конференции. Под ред. Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. 2020. С. 268.

В деле 2024 г. Верховный народный Суд Китая[103] отождествил ст. 79 Конвенции 1980 г. и национальное регулирование договорных отношений при наступлении форс-мажора. Аналогичная позиция встречается и в судах США, однако мотивировка обращения к национальному законодательству отличается. Так, в деле Raw Materials Inc. v Manfred Forberich GmbH & Co. KG[104] американский суд согласился с позицией истца о том, что поскольку ни один американский суд не толковал ранее положения ст. 79 Конвенции 1980 г., то суд вправе обратиться к аналогичному национальному регулированию, чтобы разрешить дело. Так, суд при применении ст. 79 Конвенции 1980 г. сослался на § 2-615 Единого торгового кодекса США, посвященный освобождению от ответственности в связи с невыполнением предполагаемых условий.

Таким образом, для российской, американской и китайской судебной практики свойственно толковать положения ст. 79 Конвенции 1980 г. через призму национального права. Данная проблема уже не раз поднималась в разных научных работах. Так, критики Конвенции 1980 г. утверждают, что преимущества от унификации международного коммерческого права минимальны и что национальные суды будут неизбежно сознательно или подсознательно жертвами национального тренда (англ. «homeward trend»). Самым сложным для судов является преодолеть свою национальную позицию и стать другим судом, который более не подвержен влиянию права его собственного государства[105].

---

[103] （2023）最高法民申 2620 号.

[104] U.S. District Court for the Northern District of Illinois. 06.07.2004. Case №1:03-cv-01154. CISG-online 925.

[105] DiMatteo, L., Dhooge, L., Greene, S., Maurer, V. The Interpretive Turn in International Sales Law: An Analysis of Fiften Years of CISG Jurisprudence // Northwestern Journal of International Law & Business. Vol. 24. Issue 2. 2004. Winter. P. 302-303.

§ 3. Особенности квалификации иностранных и национальных правовых ограничений. Вопрос о продолжительности препятствия

Правовые препятствия можно разделить на 2 вида: недискриминационные законно установленные юридические препятствия, которые направлены на защиту внутреннего порядка в стране (например, необходимость получения лицензии для торговой деятельности) и дискриминационные незаконно установленные односторонние принудительные меры (условно именуемые «санкции»), направленные на то, чтобы повлиять на политику другого государства.

Рассмотрим первую группу правовых препятствий. Применение запретительной нормы иностранного права может быть обосновано двумя способами: 1) определением в качестве применимой правовой системы, содержащей данную норму; или 2) статусом этой иностранной нормы, как сверхимпертивной, применяемой независимо от применимого к договору права.

В отношении второго способа в доктрине предлагается выделять особую категорию предписаний, которые регулируют в основном публичные аспекты хозяйственной деятельности, применяются независимо от применимого к договору права и влияют на возможность исполнения обязательства. А.В. Асосков рассматривает данные нормы в составе понятия «право иностранцев»[106]. Автор считает, что сверхимперативный характер для суда должны иметь соответствующие нормы как российского, так и иностранного «права иностранцев».

Помимо этого, в доктрине отмечается, что п. 2 ст. 1192 ГК РФ[107] распространяет свое действие, в частности, на ситуации, когда иностранные предписания должны быть применены в деле ввиду того, что они выражают

---

[106] Асосков А.В. Коллизионное регулирование вопросов правоспособности юридического лица и полномочий его органов: как найти баланс между интересами участников юридического лица и потребностями гражданского оборота? // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 19-20.

[107] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 03.12.2001. № 49. ст. 4552.

определенную государственную политику в стране, где они действуют[108]. Считается, что представленный подход получает все большее распространение[109].

Тем не менее, существует определенная критика представленных подходов. Первый подход критикуется в связи с тем, что нормы, которые накладывают торговые ограничения, относятся к нормам публичного права, а привязки коллизионных норм предусматривают обращение лишь к иностранному частному праву. Так, А.Г. Аксенов утверждает, что представленная квалификация недопустима ввиду публично-правовой природы данных предписаний и их действия независимо от частного права[110].

В отношении второго подхода стоит отметить, что п. 2 ст. 1192 ГК РФ наделяет суды правом применить лишь те иностранные сверхимперативные нормы, которые с точки зрения отечественного законодательства являются частно-правовыми[111]. Нормы административного права (включая валютные, таможенные, налоговые и пр.), не являясь частно-правовыми, не подпадают под действие раздела VI ГК РФ и не могут быть квалифицированы как сверхимперативные, так как имеют публично-правовую природу[112].

На основании вышеизложенного квалификация законно установленных иностранных правовых ограничений как юридических препятствий исключается. В рамках ст. 79 Конвенции 1980 г. это обусловлено следующими причинами. Во-первых, п. 1 ст. 7 Конвенции 1980 г. закрепляет, что при толковании Конвенции 1980 г. надлежит учитывать ее международный характер. В соответствии с п. 35 Заключения Консультативного совета № 7 по Конвенции 1980 г.[113], если лицо

---

[108] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). – 2-изд., испр. и доп. / Отв. Ред.: доктора юридических наук, заслуженные деятели науки Российской Федерации Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко – М.: ИНФРА-М: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2009. С. 386.

[109] Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 88.

[110] Там же. С. 88.

[111] Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Москва., 2017. С. 22.

[112] Международное частное право = Private international law : учебник / В.А. Канашевский. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Международные отношения, 2019. - С. 160.

[113] CISG-AC Opinion № 7. Op. cit.

будет толковать Конвенцию 1980 г. с учетом ее международного характера, то оно скорее всего исчерпает все доступные средства для решения проблемы «в четырех углах» данной конвенции. Следовательно, авторы данного международного договора изначально рассматривали субсидиарное применение национальных правовых норм (как материальных, так и коллизионных), как крайнюю меру, применение которой необходимо избегать в целях сохранения единообразия правоприменения.

Во-вторых, согласно п. 2 ст. 7 Конвенции 1980 г., вопросы, урегулированные Конвенцией 1980 г., которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при их отсутствии – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права. Вопрос об освобождении от ответственности однозначно отнесен к предмету регулирования Конвенции 1980 г. Статья 79 не содержит каких-либо препятствий для квалификации иностранных правовых ограничений как фактических препятствий, а значит, в представленной ситуации отсутствует необходимость в восполнении пробела в правовом регулировании препятствия вне контроля.

В-третьих, иностранные правовые ограничения относятся к нормам публичного права. Привязки коллизионных норм МЧП предусматривают обращение лишь к иностранному частному праву.

Таким образом, вопрос о применении иностранных публично-правовых норм в рамках МЧП, в частности при действии Конвенции 1980 г., не должен возникать. Учет публично-правовых препятствий к исполнению обязательства с точки зрения справедливости должен осуществляться независимо от права, применимого к договору. В связи с этим юридические ограничения, которые представляют собой правомерную реализацию государством своих суверенных прав, подлежат рассмотрению как вопросы факта. Другими словами, правоприменитель может учитывать действие иностранных правовых ограничений, но не применять данные нормы при вынесении решения об освобождении стороны от ответственности.

Так, в деле[114], рассмотренном Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссией (CIETAC) в 1993 г. (Semi-automatic weapons case), арбитраж установил, что между продавцом (Китай) и покупателем (США) был заключен договор купли-продажи оружия. В соответствии с законодательством США покупатель должен был приобрести разрешение на импорт оружия для приемки товара из Китая. Согласно ст. 20 договора купли-продажи, продавец из Китая не несет ответственности за какие-либо юридические проблемы, связанные с продажей оружия. Решение американских властей, осуществляющих полномочия по выдаче импортных разрешений (BATF of the U.S.), показало, что покупатель не смог получить разрешения из-за особого дизайна оружия, заказанного в Китае. В итоге арбитраж не стал задаваться вопросом о применимости норм публичного права США о запрете ввоза товара в отсутствии разрешения на импорт оружия. Арбитраж учел данное обстоятельство как факт, однако отметил, что оно входит в сферу риска покупателя, и поэтому он не может быть освобожден от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г.

Суд США в 2008 г. рассмотрел дело Macromex SRL v Globex International, Inc.[115] Тогда продавец обязался поставить курятину в Румынию, но 2 июня 2006 г. правительство Румынии без предварительного уведомления объявило, что с 7 июня 2006 г. импорт курятины в Румынию будет запрещен без сертификации к указанной дате. У продавца не было возможности в такие короткие сроки получить данную сертификацию. Покупатель предложил поставить товар в другое место: в порт Грузии, как это сделал другой его поставщик. Однако продавец отказался изменять пункт передачи товара. Международный коммерческий арбитраж, который первым рассматривал данный спор, постановил, что поставщик не может быть освобожден от ответственности со ссылкой на ст. 79 Конвенции 1980 г., потому что он не доказал, что препятствие разумно нельзя было избежать или преодолеть («that could not be reasonably avoided or

---

[114] CIETAC. 07.08.1993. CISG/1993/11. CISG-online 1060.
[115] 2008 WL 1752530 // Online legal research service «Westlaw».

overcome»). Позже государственный суд США подтвердил представленную позицию.

В связи с тем, что в материалах дела не получили отражения мотивы применения румынских юридических ограничений, можно сделать вывод, что арбитраж и суд рассмотрели данное препятствие как вопрос факта.

Представленный подход распространен даже не применительно к Конвенции 1980 г. Например, в Германии при рассмотрении спора, возникшего из договора оказания туристических услуг, суд указал, что внезапное введение визовых ограничений Таиландом является непреодолимой силой и предоставляет потребителю право отказаться от договора. Иностранные нормы были учтены как факт[116].

В Англии, которая не является участником Конвенции 1980 г., при рассмотрении спора, возникшего из договора поставки сахара в Великобританию, арбитраж учел ограничения на экспорт товаров, введенные в Польше по причине неурожая, что стало основанием для освобождения польского поставщика от ответственности[117]. Договор в данном деле регулировался английским правом, а запрет на экспорт был введен по праву Польши. Данное торговое ограничение было квалифицировано судом как фактическое препятствие к исполнению сделки.

Теперь необходимо рассмотреть второй вид правовых препятствий, а именно, односторонние принудительные меры («санкции») и обосновать, почему они являются незаконно установленными. Само понятие «санкции» применительно к рассматриваемой сфере отношений вызывает множество вопросов. Научные труды значительного числа авторов посвящены изучению правильности его использования для обозначения соответствующих государственных ограничений. В праве выделяются три института, которые могут быть рассмотрены применительно к современным экономическим мерам недружественных государств: принудительные меры (контрмеры и санкции) и реторсии.

---

[116] OLG Frankfurt, 16.9.2004 – 16 U 49/04.

[117] C. Czarnikow Ltd Appellants v Centrala Handlu Zagranicznego Rolimpex Respondents // [1978] 3 W.L.R. 274 // Online legal research service «Westlaw».

Исследованию данных понятий посвящена работа Я.С. Кожеурова[118]. Среди признаков, отмеченных автором, следует выделить несколько. Так, Я.С. Кожеуров отмечает, что к признакам контрмер относится их использование исключительно потерпевшим государством. Причем контрмеры должны при нормальных условиях представлять собой противоправное деяние государства, не соответствующее международно-правовому обязательству этой страны в отношении другого государства, если бы не их принятие в ответ на незаконные шаги другой стороны (ст. 22 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния[119]).

Одной из черт санкций является их введение на основании решения уполномоченной международной организации. В этом случае санкции, в отличие от контрмер, не будут иметь указанного внутреннего противоречия («intrinsic contrariety»[120]), так как принимаются международной организацией в отношении члена такой организации на основании правил и процедур, которые были согласованы при вступлении данной страны в число участников. Применительно к рассматриваемой ситуации в качестве санкций могут выступать исключительно меры, принимаемые Советом Безопасности ООН в порядке ст. 41 Устава ООН[121]. Меры, которые принимают коллективно страны участники ЕС в отношении третьих стран, например, России, не относятся к санкциям, а представляют собой односторонние экономические меры («unilateral economic measures»[122]).

Существенной чертой реторсий является их непротиворечие международным обязательствам государства, например, запрет на посещение

---

[118] Кожеуров Я.С. Война «санкций» и право международной ответственности // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 179-182.

[119] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Приложение. Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. 12 декабря 2001 г. - Док. ООН A/RES/56/83.

[120] The Law of International Responsibility. Oxford Commentaries on International Law / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. Oxford. 2010. P. 1135.

[121] Загинайко Ю.Д. Санкции США и Европейского союза как основание неисполнения обязательства: вопросы судебной практики // Арбитражные споры. 2023. № 2. С. 87.

[122] Hofer, A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention // Chinese Journal of International Law. Vol. 16. 2017. №. 2. P. 177.

определенной страны своим же собственным гражданам. Более того, реторсии всегда носят ответный характер на дискриминационные действия по отношению к гражданам и организациям определенной страны и не выступают первоначальным инструментом ограничения прав, что подчеркивается в отечественных[123] и зарубежных работах[124].

Из этого можно сделать вывод, что современные западные ограничения, направленные на подрыв российской экономики, не могут быть отнесены ни к одному из описанных понятий. Например, ни ЕС, ни США не являются потерпевшими от российских действий на Украине, а значит, не могут вводить контрмеры. Для использования санкций отсутствует соответствующее решение Совета Безопасности ООН. Принятые коллективным Западом меры по лишению российских граждан, организаций и публично-правовых образований возможности иметь доступ к своему имуществу за границей, которые не носят ответного характера на аналогичные действия российской стороны, представляют собой явное нарушение международных обязательств и не могут быть квалифицированы в качестве ответных мер – реторсий.

Таким образом, распространение на Западе понятия «санкции» обусловлено исключительно желанием соответствующих стран придать используемым мерам коллективный и легитимный характер, будто они принимаются на основании решения уполномоченной международной межправительственной организации и поддерживаются всем миром. При этом на деле подобные действия являются лишь односторонними принудительными мерами.

Согласно п. 13 Проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № A/HRC/52/L.18[125], ни одно государство не может применять по отношению к

---

[123] Агаларова М.А. Ограничительные меры (реторсии) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 1 (21). С. 53.

[124] Ерали А. Экономическое санкционное право или реторсия // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 166.

[125] Проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 27.03.2023 г. № A/HRC/52/L.18. Совет по правам человека. Пятьдесят вторая сессия. 27 февраля — 4 апреля 2023 года.

другому государству или поощрять применение экономических, политических или каких-либо других мер принудительного характера, направленных на ущемление его суверенных прав или извлечение из этого какой-либо выгоды. В.А. Канашевский отмечает, что данные признаки являются основными в определении понятия односторонние принудительные меры[126].

В настоящее время в мире идет дискуссия о том, возможно ли отнести односторонние принудительные меры к сфере обычного международного права ввиду того, что формально они прямо не запрещены в международном праве. Например, США полагают, что односторонние экономические меры представляют собой инструмент реализации суверенного права государств отвечать на угрозы своим интересам. Причем, угроза в этой стране понимается максимально широко. Так, под ней понимается в том числе, нарушение прав человека в иностранном государстве[127]. Комментируя применяемые вторичные санкции, Госсекретарь США отметил, что они могут применяться даже в том случае, если иностранное предприятие взаимодействует с субъектом, в отношении которого были введены ограничения, даже если такая деятельность напрямую вовсе не затрагивает США[128]. ЕС обосновывает свою санкционную политику уже не угрозой своей безопасности, а наличием противоречия поведения субъекта международному праву и этическим нормам[129].

В то же самое время другая часть света имеет иной подход к исследуемой проблеме. Официальная позиция нашего государства недвусмысленно отражена в Декларации РФ и КНР о повышении роли международного права[130], в п. 6

Негативное воздействие односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/52/L.18 (Дата обращения: 02.06.2025 г.)

[126] Kanashevsky, V.A. Sanctions as a Force Majeure: The Approaches in Russian and Foreign Practice // Czech Yearbook of International Law. Volume XV. 2024. Force Majeure, Restrictions and Sanctions. P. 47.

[127] Hofer, A. Op. cit. P. 199.

[128] Official website of the U.S. Department of the Treasury. Speech Preview: Excerpts of Secretary Lew's Remarks on Sanctions at The Carnegie Endowment for International Peace // URL: https://clck.ru/38Eobq (Date of access: 26.01.2024).

[129] Hofer, A. Op. cit. P. 199.

[130] Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права от 25.06.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://clck.ru/38EM3t (Дата обращения: 26.01.2024 г.)

которой закрепляется, что односторонние санкции являются примером навязывания некоторыми государствами собственной воли другим государствам, что противоречит международному праву. Аналогичная позиция закрепляется п. 6 Совместного коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел РФ, Республики Индия и КНР[131].

В 2014 г. Азиатско-Африканская консультативно-правовая организация (AALCO), насчитывающая почти 50 стран участниц[132], приняла на своей 53-й ежегодной сессии Резолюцию «Экстерриториальное применение национального законодательства: санкции, налагаемые против третьих лиц»[133], в которой закрепляется, что введение односторонних санкций в отношении третьих сторон является нарушением Устава ООН и противоречит общим принципам международного права.

В сентябре 2023 г. на саммите «Группы 77» была принята Гаванская декларация «Современные вызовы развития: роль науки, технологий и инноваций»[134]. Согласно п. 8 данной декларации, нормативно правовые акты экстерриториального действия и другие формы принудительных экономических мер, включая односторонние санкции против развивающихся государств, противоречат международному праву и Уставу ООН. Стоит отметить, что участниками «Группы 77» являются 134 государства[135], что вместе с представленной позицией России составляет 135 стран. В ООН представлено 193

---

[131] Совместное коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел РФ, Республики Индия и КНР от 18.04.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://clck.ru/38EPcV (Дата обращения: 26.01.2024 г.)

[132] Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: https://aalco.int/Members (Date of access: 26.01.2024).

[133] RES/53/S 6 «Extraterritorial Application of National Legislation: Sanctions Imposed Against Third Parties» 18.09.2014 // Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: https://clck.ru/38F89c (Date of access: 26.01.2024).

[134] Havana Declaration on «Current development challenges: the role of science, technology and innovation» // Official website of the UN. URL: https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2023/09/havana-declaration-2023.pdf (Date of access: 26.01.2024).

[135] Official website of the Group of 77. URL: https://www.g77.org/doc/members.html (Date of access: 26.01.2024).

государства[136]. Следовательно, можно утверждать, что 70% государств нашей планеты, включая самое крупное по территории и самые густонаселенные страны выступают против легитимации односторонних принудительных мер.

В заключении приведем мнение немецкого юриста П.С. Терри, который в своей работе проанализировал большое количество доктрины, судебной практики и правовых актов в сфере международного права по исследуемому вопросу. В результате исследования П.С. Терри пришел к выводу, что многочисленные возражения против позиции США по экстерриториальному действию их санкционных ограничений не только предотвратили появление соответствующей разрешительной нормы международного права, но фактически привели к установлению запрета такого действия односторонних ограничений в соответствии с обычным международным правом[137].

Таким образом, при появлении вопроса о квалификации односторонних принудительных мер («санкций») позиция российских судов и судов других 134 стран (участников «Группы 77») должна строиться на квалификации данных мер как незаконно установленных.

Тем не менее, не все страны поддерживают данную точку зрения. В европейской судебной практике санкции (односторонние принудительные меры) квалифицируются как сверхимперативные нормы (преобладающие императивные предписания), которые подлежат применению на основании ст. 9 Регламента Рим I[138], независимо от права, применимого к сделке[139]. Например, в британском деле Banco San Juan Internacional Inc v Petróleos De Venezuela S.A.[140] суд пришел к выводу, что в целом допустимо учитывать санкции США против Венесуэлы, как основание для освобождения стороны от исполнения денежного обязательства, на

---

[136] Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/member-states (Дата обращения: 26.01.2024 г.).

[137] Terry, P. Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law?, 30 Wash. Int'l L.J. 1. 2020. P. 17.

[138] Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Website of Publications Office of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008R0593&qid=1649855259136 (Date of access: 13.04.2022).

[139] Kanashevsky, V.A. Op. cit. P. 46.

[140] [2020] EWHC 2937 (Comm) // Online legal research service «Westlaw».

основании ст. 9 Регламента Рим I или британской доктрины последующей иностранной незаконности исполнения (supervening foreign illegality – правило «Ralli Bros»[141]), даже когда применимым правом к сделке не является право США. Однако для этого необходимо доказать отсутствие альтернативных вариантов расчетов.

В судах Великобритании рассматривались дела, связанные с санкциями не только против Венесуэлы. Например, в 2024 г. в Верховном Суде Великобритании рассматривался спор MUR Shipping BV v RTI Ltd[142], возникший по поводу невозможности исполнения обязательства из-за введения санкций США против российской компании. Так, между судовладельцем MUR Shipping BV (Нидерланды) и фрахтователем RTI Ltd (о. Джерси) был заключен договор фрахтования (Contract of Affreightment) в 2016 г. Согласно данному соглашению, оплата должна была производиться в долларах США. Однако в 2018 г. материнская компания фрахтователя United Company Rusal plc была добавлена в SDN-лист в США, что создало препятствия и для ее дочерней организации RTI Ltd. Сторонам было известно, что практически все транзакции в долларах США проводятся через банки США, что сделало бы последующие платежи невозможными. В такой ситуации судовладелец прекратил исполнение своих обязательств и заявил о форс-мажоре со ссылкой на соответствующую оговорку в договоре. По данной оговорке форс-мажором является событие, которое не может быть преодолено разумными усилиями (overcome by reasonable endeavors) пострадавшей стороны.

Фрахтователь отказался признавать наличие в таких обстоятельствах оснований для применения положений о форс-мажоре. Он заявил, что исполнение может быть произведено в евро с последующей конвертацией денежных средств банком судовладельца в Нидерландах. Фрахтователь также отметил, что санкции США не действуют на территории Нидерландов и не могут создавать ограничения для местных банков.

---

[141] Ralli Bros v Compañia Naviera Sota y Aznar [1920] 2 K.B. 287 // Online legal research service «Westlaw».

[142] [2024] UKSC 18 // Online legal research service «Westlaw».

При рассмотрении настоящего дела Верховный Суд Великобритании пришел к выводу, что понятие разумных усилий не охватывает принятие судовладельцем предложения о внедоговорном исполнении (non-contractual performance) при отсутствии прямого предписания контракта об этом. Суд отметил, что в другом деле Gravelor Shipping Ltd v GTLK Asia M5 Ltd[143] было принято решение о том, что смена валюты платежа возможна, лишь потому что форс-мажорная оговорка была направлена сразу на обе стороны сделки, обязывая их сотрудничать (co-operate) и предпринимать все необходимые шаги (all necessary steps) для осуществления платежей. Однако в данном случае оговорка составлена односторонним образом.

В отличие от предыдущего дела Banco San Juan Internacional Inc v Petróleos De Venezuela S.A.[144] в данном случае стороны имели форс-мажорную оговорку в договоре, что привело к тому, что они не строили защиту на классической для подобной ситуации британской доктрине последующей иностранной незаконности исполнения (supervening foreign illegality – правило «Ralli Bros»[145]) или ст. 9 Регламента Рим I. Нельзя сказать, что отсутствие оговорки привело бы к другому решению. Препятствием для применения данной нормы все равно бы стало то, что стороны сделки находились в Нидерландах и о. Джерси, местом исполнения обязательства по оплате были Нидерланды, а препятствие возникло не в месте исполнения соглашения (что необходимо для применения правила «Ralli Bros» и ст. 9 Регламента Рим I), а в США в промежуточных банках, через которые должны были производиться расчеты в соответствующей валюте.

В Германии считается, что стороны в договорных отношениях действуют в рамках частного права, в то время как государственные запреты относятся к публичному праву. В такой ситуации только примат норм публичного права может предотвратить появление гражданско-правового требования преодолеть препятствие в виде запретительной нормы. Это приводит к тому, что подобные торговые запреты становятся частью императивного права (zwingendes Recht)

---

[143] [2023] 2 Lloyd's Rep 239 // Online legal research service «Westlaw».
[144] Op. cit.
[145] Op. cit.

страны, которая их вводит, что делает невозможным отступление от данных требований[146], а обязательство к исполнению в натуре прекращается[147].

Применительно к Конвенции 1980 г. можно привести дело Gasum Oy v. Gazprom Export LLC.[148] Тогда международный коммерческий арбитраж, рассматривавший спор по праву Швеции, признал российские ответные расчетные ограничения основанием для применения ст. 79 Конвенции 1980 г.

В России же исследуемая проблема в последнее время решается отказом российских судов учитывать и применять иностранные санкции. Это связано с тем, что государство вынуждено защищать свой национальный суверенитет и обеспечивать защиту прав лиц, пострадавших от незаконных действий иностранных властей. В этом случае рассмотрение иностранных односторонних принудительных мер в качестве оснований освобождения стороны от ответственности исключается.

В деле[149] 2020 г. спор возник между российским и итальянским предприятием. Итальянская компания получила товары российского продавца, но их оплате помешали ограничения США, которые по словам покупателя привели к невозможности произвести расчеты с продавцом. МКАС определил, что отношения сторон регулируются Конвенцией 1980 г. и субсидиарно применимым правом РФ. Арбитраж не стал давать квалификацию иностранным экономическим ограничениям, а лишь указал, что ввиду того, что ответчиком не было принято никаких мер по преодолению отказов банков, он не может рассчитывать на освобождение от ответственности. Необычно, что в 2024 г. суд уже ссылался на невозможность расчетов между российским и итальянским предприятиями и

---

[146] Edward, L.R. Wirtschaftssanktionen und internationale Handelsschiedsverfahren: Internationaler Gerechtigkeitspluralismus im transnationalen Wirtschaftsverkehr. Mohr Siebeck Verlag. 2024. Tübingen. S. 71-71.

[147] BGH, 08.06.1983 – VIII ZR 77/82; BGH, 12.03.2013 – XI ZR 227/12.

[148] Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151.

[149] Решение МКАС при ТПП РФ от 09.12.2021 г. по делу № М-157/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

соответствующие отказы банков как на установленный факт несмотря на то, что санкции прямо этот запрет не вводят[150].

В 2025 г. Арбитражный суд Республики Карелия вынес решение по делу № А26-7934/2024[151]. В данном споре российская и нидерландская компании заключили ряд договоров поставки товаров из Нидерландов. Покупатель (российская компания) перечислила авансовые платежи в надлежащий срок. Однако продавец поставил лишь часть согласованных товаров и уведомил покупателя о приостановлении исполнения соглашений в связи с форс-мажорным обстоятельством в виде введения санкций ЕС. Согласно п. 30.1 договоров, к форс-мажорным обстоятельствам относятся эмбарго, санкции, ограничения импорта или экспорта, а также события аналогичного характера. По истечении 90 дней покупатель заявил о расторжении договора со ссылкой на п. 30.3 договоров, предоставляющий данное право кредитору и потребовал вернуть уплаченные денежные средства. В связи с отказом продавца покупатель обратился в суд с требованием взыскать неосновательное обогащение в виде выплаченных авансовых платежей.

Суд установил, что отношения сторон подлежат регулированию Конвенцией 1980 г. и субсидиарно применимым нидерландским правом. Несмотря на наличие форс-мажорной оговорки с недвусмысленным указанием санкций, суд постановил, что покупатель обладал правом расторгнуть договоры поставки и потребовать возврата уплаченных денежных средств в связи с неисполнением должника. Довод ответчика об отсутствии оснований для удовлетворения требований истца со ссылкой на положения Регламента Совета ЕС от 31.07.2014 № 833/2014 судом были отклонены, так как, по мнению суда, принятые санкционные ограничения, которые препятствовали исполнению продавцом обязательств по поставке и препятствуют возврату денежных средств

---

[150] Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15.05.2024 г. по делу № А53-39419/2023 // КАД «Мой арбитр».

[151] Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 05.05.2025 г. по делу № А26-7934/2024 // КАД «Мой арбитр».

покупателю, противоречат основополагающим принципам, которые предусмотрены в Конституции РФ.

Действия (бездействие) продавца по блокированию денежных средств истца являются недобросовестными. Одним из случаев нарушения принципов публичного порядка РФ является злоупотребление правом. Признание судом обязательности соблюдения сторонами спора по рассматриваемому делу установленных постановлениями ЕС экономических санкций будет означать нарушение основополагающих принципов, включая нарушение запрета на злоупотребление правом, то есть будет противоречить публичному порядку РФ. В связи с этим Регламент Совета ЕС от 31.07.2014 № 833/2014 не подлежит применению. Требования истца были удовлетворены.

В другом деле[152] 2024 г. спор возник из договора поставки от 23 июля 2018 г., заключенного между российской и итальянской компаниями. 25 февраля 2022 г. ЕС принял очередные санкции и внес изменения в Регламент (ЕС) № 833/201. Так, под запрет попали компоненты подлежащего поставке товара. 13 октября 2022 г. итальянский продавец отказался от исполнения договора ввиду введения экономических ограничений. 21 сентября 2023 г. российский покупатель заявил о расторжении договора и потребовал вернуть уплаченный аванс.

Суд постановил, что к отношениям сторон применяется Конвенция 1980 г. и субсидиарно право Швейцарии. Поскольку ответчик заявил о невозможности поставки части оборудования и услуг, он допустил существенное нарушение условий контракта (ст. 25 Конвенции 1980 г.). В данном случае установление дополнительного срока для исполнения и последующего расторжения контракта не требовалось, поскольку из поведения должника явствует, что эта мера будет бесполезна (ст. ст. 107, 108 Швейцарского обязательственного закона).

Далее суд рассмотрел возможность освобождения продавца от ответственности ввиду введения санкций. В отношении применения иностранного права как норм, на которые указывает коллизионная привязка, суд

---

[152] Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15.05.2024 г. по делу № А53-39419/2023 // КАД «Мой арбитр».

указал, что санкционное законодательство является не частью частного права, регулирующего отношения хозяйствующих субъектов, а властным запретом, относящимся к сфере публичного права. Раздел VI ГК РФ не предусматривает в качестве общего правила применение российскими судами иностранных публично-правовых норм.

Попытка аргументировать учет судом иностранных санкций как сверхимперативных норм (норм непосредственного применения) (п. 2 ст. 1192 ГК РФ) также была безуспешна. Суд отметил, что суд обязан отказать в применении иностранной нормы непосредственного применения, если ее назначение и характер несовместимы с публичным порядком РФ.

В итоге суд пришел к выводу, что предписания ЕС не подлежат исполнению на территории РФ, а следование стороной спора санкционному режиму в данном случае следует квалифицировать как недобросовестное поведение. Заключая договор в 2018 г., ответчик как профессиональный участник рынка, был осведомлен из сообщений СМИ о введении санкционных ограничений еще в 2014 г. и, подписывая договор, имел возможность предусмотреть возникновение осложнений в процессе его исполнения. В связи с этим он должен был предвидеть наступление спорного события.

В итоге ответчик не представил достаточных доказательств наличия оснований для его освобождения от ответственности. Требования истца были удовлетворены.

Представленная позиция относительно иностранных санкций существует давно в российской судебной практике. Даже Конституционный суд в 2018 г. отмечал, что следование режиму санкций против РФ и ее хозяйствующих субъектов, установленных вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является РФ, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение[153].

---

[153] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».

Интересен подход суда, который был выбран в деле А40-302776/22-51-2445. Тогда российский суд[154] рассматривал спор, возникший из договора о поставке, в частности, шведского оборудования компании Sandvik AB, заключенного 18 ноября 2021 г. После начала Специальной военной операции и ужесточения принятых Западом односторонних принудительных мер, которые запретили экспорт в Россию соответствующего оборудования, покупатель получил уведомление поставщика об отказе от договора. Не согласившись с правомерностью данного заявления поставщика, покупатель обратился в суд с требованием взыскать неустойку ввиду просрочки исполнения обязательств должником.

Позиция истца строилась на классических для России аргументах, которые уже были рассмотрены в предыдущих делах и отмечались Конституционным Судом РФ, а именно, истец утверждал, что непоставка товара обусловлена следованием поставщика определенной санкционной политике группы компаний Sandvik, что является недобросовестным поведением. Суд первой инстанции не принял данный аргумент в связи с тем, что ответчик не расторг договор автоматически, а год после введения санкций ожидал однозначного ответа завода-изготовителя или пытаться наладить новые каналы поставок. В письмах поставщика неоднократно указывалось, что им предпринимаются попытки к тому, чтобы найти выход из сложившейся ситуации.

Суд первой инстанции обратил внимание, что соглашение сторон содержало санкционную оговорку о том, что каждая из сторон не несет ответственности за убытки, причиненные другой стороне в связи с возможным последующим введением режима эмбарго и административных ограничений ЕС, которые «могут воспрепятствовать или ограничить исполнение стороной обязательств по соглашению» и что каждая из сторон отказывается от любых претензий в связи с неисполнением обязательств другой стороной ввиду указанных причин.

---

[154] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.09.2023 г. по делу № А40-302776/22-51-2445 // КАД «Мой арбитр».

Изучив данные положения договора, суд постановил, что для возникновения у ответчика права на отказ от сделки последний не должен доказывать абсолютную невозможность поставки, поскольку в оговорке используется выражение «могут воспрепятствовать или ограничить». Достаточно того, что у ответчика возникли затруднения (помехи) в ходе исполнения. По мнению суда, содержание санкционных ограничений носит не правовой, а фактический характер, поскольку указывает на наличие препятствий, а не на запрет ответчику что-либо поставлять истцу. Ответчик обоснованно указал на такие затруднения, как логистические трудности, закрытие границ, проблемы проведения расчетов с иностранными партнерами и отключение российских банков от SWIFT. Тот факт, что ответчик ссылается на соответствующий регламент ЕС, не означает, что препятствия к поставке возникли в момент его введения в силу с 10.07.2022: эти препятствия имелись еще с 24 февраля 2022 года – с даты введения первых санкционных ограничений.

Попытка истца убедить суд посмотреть на санкционную оговорку как на оговорку о непреодолимой силе и применить положения п. 3 ст. 401 ГК РФ, исключающего освобождение должника от ответственности при неисполнении обязательств его контрагентами, не увенчалась успехом. Суд квалифицировал данное договорное положение, не как оговорку о форс-мажоре, а как положение, подтверждающее заключение сделки под отлагательным и отменительным условиями (п. 1 и 2 ст. 157 ГК РФ). Так, суд посчитал, что воля сторон была направлена на то, что при наступлении определенных обстоятельств: 1) ответчик не будет считаться нарушившим договор, а у истца не возникнет право требовать взыскания неустойки и убытков (сделка, совершенная под отменительным условием); 2) ответчик будет вправе в одностороннем порядке отказаться от договора поставки (сделка, совершенная под отлагательным условием).

В итоге суд первой инстанции пришел к выводу, что ответчик проявил должную степень заботливости и осмотрительности. В связи с этим в удовлетворении исковых требований было отказано.

Представленная позиция идет вразрез со сложившейся судебной практикой России, которая в последние годы в максимальной степени направлена на защиту интересов российских контрагентов и отказ в учете иностранных санкций. По этой причине решение суда первой инстанции было отменено при обжаловании со ссылкой на традиционные для российского правосудия аргументы о недопустимости применения иностранных санкций на территории России и их противоречии отечественному публичному порядку[155].

Не может не удивлять ситуация, что при рассмотрении аналогичного спора[156] с идентичной оговоркой в договоре, но с другим контрагентом поставщика, российский суд все-таки встал на сторону поставщика и освободил его от ответственности, положив в основу аргументы, которые были рассмотрены судом первой инстанции в предыдущем деле. Причем данная позиция устояла при обжаловании[157]. С учетом исключительности такого подхода к проблеме, по нашему мнению, не следует делать выводы о его принятии российской судебной системой.

Рассуждения судов РФ об учете иностранных санкций, как основания освобождения должника от ответственности, при применении иностранного права к сделке без Конвенции 1980 г., ничем не отличаются от тех, что были представлены ранее. В 2023 г. в России рассматривался спор[158], возникший из договора синдицированного кредита, подчиненного праву Англии. Швейцарский банк Credit Suisse AG, выступавший в качестве кредитного агента, не перечислил денежные средства от заемщика российскому кредитору в надлежащие сроки, сославшись на обстоятельство вне контроля в виде санкций США. Российский банк обратился в суд.

---

[155] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2023 г. по делу № А40-302776/2022; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.04.2024 г. по делу № А40-302776/2022 // КАД «Мой арбитр».

[156] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 06.04.2023 г. по делу № А40-6734/23-62-54 // КАД «Мой арбитр».

[157] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2023 г. по делу № А40-6734/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.10.2023 г. по делу № А40-6734/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[158] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.02.2023 г. по делу № А40-129186/2022-52-995 // КАД «Мой арбитр».

Судом было установлено, что операция по переводу денежных средств на счет истца была прервана на этапе их перечисления в банк – корреспондент ответчика, который является филиалом американского банка и который был обязан заблокировать операцию в связи со своими национальными требованиями (другими словами, перевод денежных средств не был завершен в зоне ответственности ответчика).

Суд обратил внимание, что кредитный агент имел возможность выбрать любой другой маршрут платежа и согласовать его с истцом, однако этого сделано не было. Ссылка ответчика на американские санкции не может приниматься во внимание при рассмотрении спора, так как санкции США не действуют ни в России (истец), ни в Швейцарии (ответчик).

Таким образом, кредитный агент не доказал объективную невозможность исполнения своих обязательств по перечислению причитающихся денежных средств в адрес российского банка. Добровольное следование иностранного лица мерам ограничительного характера иностранных государств не влечет его освобождения от ответственности. Суд удовлетворил заявленные требования.

Через десять месяцев российский суд рассмотрел аналогичное дело[159] по иску, поданному другим российским банком против швейцарского банка Credit Suisse AG ввиду неисполнения последним обязанностей кредитного агента. В этот раз английское право также было применимым к сделке. Ответчик аргументировал наличие основания для его освобождения от ответственности и исполнения обязательств введением Великобританией и США санкций против истца, что, по его мнению, охватывалось форс-мажорной оговоркой.

Тем не менее, ссылка кредитного агента на юридические ограничения, содержащиеся в применимом к договору праве, не привела к изменению позиции суда. Суд постановил, что английскому праву неизвестно понятие «форс-мажор». Следовательно, форс-мажор не может быть основанием освобождения стороны от ответственности. Более того, суд отметил, что учет и применение санкций США и

---

[159] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.12.2023 г. по делу № А40-121033/2023-52-989 // КАД «Мой арбитр».

Великобритании в данном случае невозможны, поскольку они направлены на ограничение правоспособности юридического лица (кредитного агента), чья правоспособность определяется не правом Англии и США, а швейцарским правом (ст. 1202 ГК РФ). Помимо этого, данные запретительные меры не регулируют вопросы, относящиеся к статуту договорного обязательства (ст. 1215 ГК РФ), и не входят в понятие «применимое право к договору». Их применение исключается публично-правовой природой данных норм и отсутствием у них экстерриториального эффекта.

В итоге суд пришел к выводу, что ответчиком не доказана объективная невозможность исполнения своих обязательств по перечислению причитающихся денежных средств в адрес истца. Добровольное следование иностранного лица мерам ограничительного характера иностранных государств не влечет освобождения должника от ответственности. Требования истца в части взыскания основной суммы долга с ответчика были удовлетворены.

Подводя итог, отметим, что иностранные незаконно установленные юридические препятствия к исполнению обязательства (односторонние принудительные меры) подлежат квалификации на основе lex fori (закон страны суда). Так, в европейских странах сложилась практика рассматривать данные меры в качестве сверхимперативных норм, независимо от права, применимого к самой сделке (например, Германия, Англия, Швеция). В праве России, наоборот, считается, что односторонние принудительные меры иностранного государства противоречат национальному публичному порядку, поэтому суд не принимает их во внимание как препятствие.

В настоящем параграфе необходимо рассмотреть еще один аспект международных торговых операций – влияние статуса компании, как подконтрольной государству, на ее право ссылаться на препятствие вне контроля в виде принятия государственного акта.

П. Лалив отмечает, что такой вопрос изучался в одном неопубликованном решении Международной торговой палаты по спору между западноевропейскими компаниями и иранскими государственными агентствами. Последние ссылались

на наличие форс-мажора в связи с неисполнением обязательств. Арбитраж постановил, что ни одно из иранских государственных агентств не вправе рассчитывать на освобождение от ответственности, так как они полностью контролируются иранским правительством. По мнению арбитража, к структурам, контролируемым государством, применяются дополнительные требования для констатации наличия форс-мажора: 1) государственный акт должен быть политическим решением национального суверенитета; 2) государственный акт не должен быть принят в пользу личных интересов государства или его собственного предприятия; и 3) государственный акт должен предусматривать одинаковые последствия в отношении частных и государственных предприятий[160].

В 2022 г. Международный коммерческий арбитраж ad hoc в г. Стокгольм вынес решение по делу Gasum Oy v. Gazprom Export LLC[161]. В данном споре российский поставщик газа утратил возможность осуществлять поставку товара в Финляндию в связи с введением Указом Президента РФ № 172[162] государственных расчетных ограничений для иностранных покупателей из недружественных государств. Финская сторона отказалась осуществлять расчеты по новым российским правилам, поэтому поставка была остановлена.

Финская сторона полагала, что российская государственная компания не имела права ссылаться на форс-мажор в виде принятия запретительной нормы государством, так как она самостоятельно либо предложила данное правило, либо по крайней мере приняла его без оспаривания (either proposed or at least accepted the rule). Арбитраж не согласился с данным доводом по ряду причин. 1) Указ Президента РФ № 172 был принят в дополнение ко множеству иных мер, которые принимались российским руководством для защиты национальных интересов. Следовательно, целью предписания была защита государственного суверенитета.

---

[160] Lalive, P. Arbitration with foreign states state-controlled entities: some practical questions, in: Julian D. M. Lew (ed.). Contemporary Problems in International Arbitration. 1987. P. 294.

[161] Gasum Oy v. Gazprom Export LLC. Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151.

[162] Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» // СЗ РФ. 04.04.2022. № 14. Ст. 2244.

2) Указ Президента РФ № 172 не был принят для получения выгоды российским поставщиком. Наоборот, введение данной нормы привело к значительному снижению уровня дохода компании. 3) Указ Президента РФ № 172 не осуществляет дискриминацию между частными и государственными компаниями, используя родовое понятие «российские поставщики» (generic term «Russian suppliers»). В данном деле арбитраж применил ст. 79 Конвенции 1980 г. Субсидиарно применимым правом было право Швеции.

Таким образом, в трансграничных отношениях важно учитывать, какой статус имеет субъект, который ссылается на препятствие вне контроля в виде государственных ограничений.

Публично-правовые торговые ограничения могут признаваться странами не только ввиду того, что их собственные органы их принимают, но и потому, что государство является участником международной организации и обязалось соблюдать ее решения, в том числе в сфере торговли. Так, ограничения, вводимые Советом Безопасности ООН, признаются всеми участниками данной организации. В доктрине отмечается, что в этом случае ситуация правовой квалификации гораздо проще, так как никаких сомнений в действительности запретительной нормы и ее нормативном действии не возникает[163].

Применительно к Конвенции 1980 г. в 1996 г. Арбитражный суд при Венгерской торгово-промышленной палате рассмотрел спор[164], в котором продавец (Югославия) экспортировал икру покупателю в Венгрию. В 1992 г. товар был доставлен в Венгрию за день до введения санкций ООН. Покупатель просрочил выплату аванса до выполнения поставки товара, а далее в связи с торговыми ограничениями ООН в отношении Югославии он не смог выполнить и основную часть оплаты даже через кипрские банки.

После отмены санкций в 1995 г. правопреемник продавца обратился в суд с требованием о взыскании денежных средств и процентов, начисленных на них. Покупатель просил в иске отказать, так как ввиду санкций ООН он не смог

---

[163] Edward, L.R. Op. cit. S. 83.

[164] Arbitration Court attached to the Hungarian Chamber of Commerce and Industry. 10.12.1996. CISG-online 774.

получить товар от своих таможенных органов, а был вынужден лишь оплачивать его хранение, а затем утилизацию. Арбитраж постановил, что с учетом поставки товара на условиях FOB Инкотермс поставка товара была выполнена в момент, когда покупатель забрал товар в Югославии. Следовательно, право собственности перешло к покупателю. По мнению арбитража, дальнейшая невозможность использования товара ввиду юридических препятствий является сферой риска покупателя. Кроме того, в данном случае утрата товара после перехода риска не освобождает покупателя от обязанности уплатить цену (ст. 66 Конвенции 1980 г.).

В отношении процентов на сумму долга арбитраж постановил, что они могут быть начислены лишь на сумму аванса, так как невозможность исполнения наступила после возникновения просрочки исполнения, согласно п. 4 ст. 262 Югославского закона об обязательствах. Остальная часть оплаты не могла быть произведена ввиду форс-мажора (санкций ООН), что исключает начисление процентов до момента их отмены. Таким образом, арбитраж применил публично-правовой запрет, действующий для абсолютного большинства стран планеты, в том числе и для страны арбитража, и освободил покупателя от обязанности уплачивать проценты на остаток долга в период действия санкций с 1992 по 1995 годы, констатировав наличие временного препятствия.

Д. Хоннольд отметил, что ст. 79 Конвенции 1980 г. разрабатывалась с учетом ее последующего применения к временным препятствиям[165]. Согласно п. 3 ст. 79 Конвенции 1980 г., освобождение от ответственности ввиду препятствия вне контроля распространяется лишь на тот период, в течение которого существует данное препятствие. Поэтому обратим внимание, что в последнем представленном деле суд временно освободил должника от ответственности до момента отмены санкций ООН. Данная возможность временного освобождения стороны от ответственности допускается ввиду того, что препятствие вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г. не влечет прекращения договора. В связи с этим у должника сохраняется возможность исполнить обязательство позже и не претерпеть негативных последствий в виде, например,

---

[165] Honnold, J.O. Op. cit. P. 494-495.

возмещения убытков, которые понес кредитор в период существования препятствия. В первую очередь данная норма применима к юридическим препятствиям.

§ 4. Степень затруднения исполнения препятствием. Теории невозможности исполнения

Одним из важнейших вопросов, на который должны отвечать суды при принятии решения о возможности применения ст. 79 Конвенции 1980 г., является вопрос о том, достаточно ли доказать, что препятствие лишь затрудняет исполнение обязанности или необходимо обосновать, что при данных условиях исполнение договора в принципе невозможно.

Как приводится в Сборнике ППТЮ[166], суды по-разному подходят к решению данного вопроса. Так, некоторые суды считают, что для применения нормы достаточно наличия существенного затруднения в исполнении договора, другие же полагают, что для применения п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. необходима именно объективная невозможность его исполнения.

Данный вопрос остается предметом споров уже на протяжении длительного периода времени. Однако представляется удивительным, что в доктрине и судебной практике сложилась традиция подходить к его решению следующим образом: либо с позиции возможности применения ст. 6.2.3 Принципов УНИДРУА, где закреплены нормы о затруднениях (hardship); либо с позиции толкования ст. 79 Конвенции 1980 г., как охватывающую затруднения. Однако ни в том, ни в другом случае анализ текста самой ст. 79 Конвенции 1980 г., как того требует право международных договоров, не осуществляется в должном объеме.

Так, И. Швенцер[167] в своей работе отмечает, что согласно доминирующей позиции, серьезные затруднения в исполнении обязательства могут оправдать

---

[166] Указ. соч. С. 433.

[167] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1142.

применение ст. 79 Конвенции 1980 г. Однако автор никак не мотивирует такой вывод. Соответствующий анализ текста нормы не приводится. Помимо этого, далее в работе указывается, что при наличии затруднений в исполнении обязательства, ссылка должна быть сделана на ст. 6.2.3 Принципов УНИДРУА[168], в которой закрепляются соответственно положения о затруднениях, что наводит на мысли о простом дополнении Конвенции 1980 г. новым положением, а не об особом толковании ст. 79.

У. Магнус со ссылкой на данную работу И. Швенцер утверждает, что отдельный институт изменения обстоятельств (change of circumstances), отраженный в ст. 89 Общеевропейского права купли-продажи (CESL[169]), охватывает затруднения, которые по Конвенции 1980 г. подпадают под общую для такого рода препятствий ст. 79[170].

К. Бруннер, Б. Готлиб полагают, что если учесть историю разработки ст. 79 Конвенции 1980 г., то можно сделать вывод, что экономические препятствия, лишь затрудняющие исполнение, но не делающие его невозможным, также могут быть основанием освобождения должника от ответственности[171]. Авторы не приводят никаких аргументов в поддержку данной позиции. В работе содержатся лишь ссылки, в частности на Заключение Консультативного совета № 7[172], в котором не отражена единая позиция о распространении ст. 79 Конвенции 1980 г. на случаи затруднений и отсутствует анализ текста исследуемой нормы.

Самое удивительное, что И. Швенцер и К. Бруннер, Б. Готлиб в своих работах ссылаются на решение суда Бельгии[173], которое якобы подтверждает возможность распространения ст. 79 Конвенции 1980 г. на случаи затруднений. В

---

[168] Ibid. P. 1151.

[169] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52011PC0635 (Date of access: 14.04.2025).

[170] Magnus U. CISG and CESL. JOUR. 2012/09/01. Max Planck Private Law Research Paper № 12/27. P. 251.

[171] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 665.

[172] CISG-AC Opinion № 7. Op. cit.

[173] Hof van Cassatie, Belgium. 19.06.2009 (Scafom International BV v. Lorraine Tubes S.A.S.). CISG-online 1963.

исследуемом споре Верховный суд Бельгии привел в виде цитаты формулировку ст. 79 Конвенции 1980 г., а далее сразу указал вывод, что «изменившиеся обстоятельства, которые нельзя было разумно предвидеть на момент заключения договора и которые однозначно по своей природе увеличивают бремя исполнения договора несоразмерным образом, могут при определенных обстоятельствах являться препятствием в смысле настоящего положения Конвенции». Какого-либо обоснования для таких выводов судом представлено не было. Однако далее сделана оговорка о возможности применения Принципов УНИДРУА для восполнения пробела в конвенционном регулировании при наличии затруднений. Д. Лукофски[174] в своей работе объясняет данную позицию суда так, что суд распространил действие ст. 79 на затруднения, однако затем применил Принципы УНИДРУА для предоставления сторонам возможности заново согласовать условия договора, так как данное право прямо не вытекает из Конвенции 1980 г.

В данном контексте можно еще раз обратиться к описанному ранее делу[175] 2019 г., рассмотренному Высшим земельным судом г. Дюссельдорф (Германия), о поставке четырехлистного клевера (Bulbs for four-leaf clover case). Тогда пожар уничтожил не весь товар данного рода, а 90% мировых запасов. Однако суд распространил ст. 79 Конвенции 1980 г. на этот случай и постановил, что продавец несет повышенных риск, связанный с поставкой родовых товаров третьими лицами и что он освобождается от ответственности в соответствии со ст. 79 Конвенции 1980 г., несмотря на неисполнение, если «эти товары из-за непредвиденного события либо вовсе больше не доступны на рынке, либо могут быть получены только по несоразмерно высоким ценам, и этого нельзя было принять в расчет на момент заключения договора».

В 1993 г. Земельный суд г. Ахен (Германия) вынес решение по спору между резидентами Италии и Германии. Значительная часть судебного акта[176] не была опубликована, но из доступной информации можно установить, что у суда возник вопрос о возможности применения национального немецкого института

---

[174] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 181.
[175] OLG Düsseldorf, 04.07.2019 – I-6 U 2/19. CISG-online 4614.
[176] LG Aachen, 14.05.1993 – 43 O 136/92.

экономической невозможности (Wegfall der Geschäftsgrundlage – аналог затруднений) одновременно с Конвенцией 1980 г. Разрешая данный вопрос, суд постановил, что нет необходимости определять, подлежит ли он применению, так как ст. 79 Конвенции 1980 г. уже его охватывает. П. Маццакано отметил, что данное дело примечательно тем, что суд вовсе отказался от анализа национальной правовой концепции затруднений ввиду наличия возможности применения ст. 79 Конвенции 1980 г., увидев в данной статье особое содержание, охватывающее в том числе препятствия такого рода[177]. Точно такого же мнения придерживается Д.А.П. Фогг, который в своей диссертации указывает, что ст. 79 Конвенции 1980 г. полностью охватывает немецкий институт экономической невозможности[178].

В 2001 г. был рассмотрен спор[179] между швейцарским и французским предприятиями о поставке товара во Францию. В результате экономического кризиса покупатель отказался от приобретения товаров в согласованном объеме и сослался на ст. 79 Конвенции 1980 г., как на основание освобождения от ответственности. При толковании Конвенции 1980 г. суд указал, что хорошо известная суду французская теория затруднений (la théorie de l'imprévision) содержится в субсидиарно применимом швейцарском праве в условиях очень похожих на условия применения препятствия вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г. Более того, суд уточнил, что данное правило применяется при явной несоразмерности причитающегося исполнения в результате непредвиденного обстоятельства.

Однако далее суд посчитал, что в данном деле нет оснований для освобождения должника от ответственности по ст. 79 Конвенции, так как сторона приняла на себя риски наступления кризиса и падения цен.

---

[177] Mazzacano, P. The Treatment of CISG Article 79 in German Courts: Halting the Homeward Trend. Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper № 7/2013. P. 12.

[178] Vogg, D.A.P. Leistungsstörungsrechte des BGB, der CISG, des DCFR und der Principles. Dissertation. 2010/2011. S. 44.

[179] Romay AG v. Behr France S.a.r.l. Cour d'appel de Colmar. 12.06.2001. № 1 A 1998/00359. CISG-online 694.

Во французской доктрине также отмечается, что условия применения освобождения от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г. практически такие же, как и для пересмотра договора, подчеркивая связь данной статьи с теорией затруднений[180].

В Италии в 1993 г. Районный суд г. Монца[181] указал, что вопрос расторжения договора ввиду чрезмерной обременительности его исполнения входит в предмет регулирования Конвенции 1980 г. Следовательно, по мнению суда, нормы Конвенции 1980 г. являются специальными нормами, которые исключают субсидиарное применение национального института затруднений, закрепленного в ст. 1467 Гражданского кодекса Италии.

В 1998 г. Верховный суд Австрии вынес решение по спору[182], возникшему из договора лизинга, заключенного между хозяйствующими субъектами Австрии и Германии. В результате изменения рыночной ситуации после заключения договора цены стали невыгодны немецкой стороне (продавец). Поэтому продавец (ответчик) отказался от исполнения договора со ссылкой на наличие оснований применения затруднений по субсидиарно применимому австрийскому праву (Wegfall der Geschäftsgrundlage). В отношении данного аргумента суд указал, что отношения сторон регулируются Конвенцией 1980 г. и что поскольку освобождение от ответственности по Конвенции 1980 г. охватывает теорию затруднений по австрийскому праву (Wegfall der Geschäftsgrundlage), сторона не вправе ссылаться на соответствующие нормы субсидиарно применимого национального права.

Другим примером толкования ст. 79 Конвенции 1980 г. судом Австрии может быть дело[183] 2004 г. Тогда Верховный суд отменил решение апелляционной инстанции, так как не обнаружил оснований освобождения стороны от ответственности, однако не указал на неправильность данного судом толкования

---

[180] Pignatta, F.A. Les moyens de sauver le contrat et le hardship dans la convention de vienne : une approche avec les droits d'amérique latine. R.I.D.C. 4-2017. P. 815.

[181] Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B. District Court Monza. 14.01.1993. 4267/88. CISG-online 102.

[182] OGH. 15.12.1998. № 1Ob289/98a. CISG-online 1535.

[183] OGH. 21.04.2004. № 7Ob32/04p.

исследуемой нормы. Так, в отношении степени затруднений, которые должно вызвать препятствие вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г., суд указал, что от стороны нельзя было ожидать его избежания или преодоления разумными средствами (mit vernünftigen Mittel). Таким образом, суд толковал исследуемое положение как не требующее наступления объективной невозможности исполнения обязательства.

В США в 2024 г. суд тоже связал препятствие вне контроля с теорией затруднений[184]. Так, американский суд постановил, что ст. 79 Конвенции 1980 г. охватывает пандемию коронавируса, если учесть, что договор был заключен в январе 2020 г. По мнению суда, несмотря на то, что в то время стороны знали, что коронавирус уже начал оказывать воздействие на китайский рынок, было невозможно предсказать, что он приведет к почти полному закрытию рынка США. В такой ситуации, отмечает суд, было разумно для ответчика ссылаться на форс-мажор. Причем суд аргументировал свою позицию тем, что в Заключении Консультационного совета № 20 пандемию рассматривали как затруднение (hardship)[185].

Каирский региональный центр международного коммерческого арбитража в 2023 г. отметил, что препятствие вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г. охватывает затруднения, однако в данном случае требования для освобождения от ответственности выше, чем те, которые установлены в национальном праве Египта относительно института затруднений[186].

Представленный подход не является единственным. Существуют и противоположные позиции, отраженные как в доктрине, так и в судебной практике. Так, Д. Масков[187] в своем исследовании во многом опирался не на текст самой ст. 79 Конвенции 1980 г., а скорее на результаты сопоставления данной

---

[184] Chilean Sea Bass Inc. v. Kendell Seafood Imports, Inc. District Court. USA. 22.05.2024.

[185] CISG-AC Opinion № 20. Hardship under the CISG. Rapporteur: Prof. Dr. Edgardo Muñoz. Universidad Panamericana. Guadalajara. Mexico. Adopted by the CISG Advisory Council following its 27th meeting. Puerto Vallarta. Mexico. 2 – 5 February 2020 // Website of CISG Advisory Council. URL: http://cisgac.com/opinion-no20-hardship-under-the-cisg/ (Date of access: 28.04.2022).

[186] Cairo Regional Centre for International Commercial Arbitration. Case № 1527/2021. 19.02.2023.

[187] Maskow, D. Op. cit. P. 664.

нормы с Принципами УНИДРУА с учетом того, что в последнем документе недвусмысленно производится разделение между объективной невозможностью исполнить обязательство и затруднениями. Я.О. Алимова, анализируя данную статью Конвенции 1980 г., приходит к выводу, что «факт невозможности исполнения обязательства должником не принимается во внимание, если исполнение объективно было возможно»[188], однако также не приводит аргументов в подтверждение такого строгого подхода к толкованию нормы.

Высший земельный суд г. Гамбурга в решении[189] от 1997 г. рассмотрел спор, в котором продавец обязался поставить томатную пасту покупателю (дело также известно как «Tomato concentrate case»). Однако позже продавец отказался от выполнения поставки в связи с продолжительными дождями, которые уничтожили часть урожая томатов и привели к росту цен на них. Суд постановил, что в данном деле отсутствуют основания для освобождения продавца от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г., так как товар (родовая вещь) не был полностью уничтожен.

Аналогичное толкование представлено в п. 4 Письма ВАС РФ. Так, высшая судебная инстанция указала: «Факт невозможности исполнения обязательств должником не принимается во внимание, если исполнение объективно было возможно. В том случае, когда определенные события создают лишь затруднение должнику к исполнению, такие события не могут рассматриваться как "препятствие вне контроля" должника». Тем не менее, обе инстанции, не представили каких-либо аргументов, подтверждающих представленную интерпретацию исследуемой нормы.

Толкование норм и соответствующие выводы должны иметь определенные основания и мотивы. В первую очередь необходимо исходить из слов, которые были использованы в аутентичном тексте нормы. В этой связи Л. Диматтео отметил, что аргумент в пользу включения затруднений в сферу действия

---

[188] Алимова Я.О. Проблемы формулирования отдельных видов оговорок международного коммерческого контракта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12 (28). С. 26.

[189] OLG Hamburg, 04.07.1997 – 1 U 143/95. CISG-online 1299.

ст. 79 Конвенции 1980 г. должен быть основан на методологии толкования самой Конвенции 1980 г., независимо от рамок, устанавливаемых романо-германским правом, общим правом или международными юридическими документами[190].

Если обратиться к тексту нормы, то можно обнаружить, что словами, которые указывают на тип препятствия, который охватывается ст. 79 Конвенции 1980 г. (вызывающий затруднения или объективную невозможность) является выражение «от нее [стороны] нельзя было разумно ожидать [избежания или преодоления препятствия]». Следовательно, именно эта формулировка должна иметь первостепенное значение при ответе на поставленный вопрос.

В представленном выражении присутствует одно из самых гибких понятий в области права «разумный». Оно используется очень часто, когда невозможно закрепить и конкретно описать в жестком формате какой-либо критерий, например, при установке разумных сроков. Следовательно, в этом случае аналогично необходимо исходить из гибкости данного понятия без сведения типа препятствий исключительно к объективной невозможности исполнения.

Как было отмечено ранее, И. Швенцер в отношении принятия препятствия в расчет считает, что в этом случае решающий вопрос состоит в том, должен ли был разумный человек на месте должника в соответствующих обстоятельствах во время заключения договора с учетом торговых обычаев предвидеть препятствие[191]. Примерно теми же словами описывают смысл данного выражения К. Бруннер и Б. Готлиб[192]. Данную мысль считаем верной, однако не полностью раскрытой. В ст. 79 Конвенции 1980 г. слова «от нее [стороны] нельзя было разумно ожидать» относятся не только к принятию в расчет, но и к избежанию и преодолению препятствия. Следовательно, тест, выраженный в постановке разумного человека на место должника, относится не только к предвидению препятствия, но и к его избежанию и преодолению. Это в свою очередь означает, что в ст. 79 Конвенции 1980 г. не используется жесткий критерий объективной

---

[190] DiMatteo, L. Contractual Excuse Under the CISG: Impediment, Hardship, and the Excuse Doctrines. 27 Pace Int'l L. Rev. 258 (2015). P. 285.

[191] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1134.

[192] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 657, 670.

невозможности исполнения. Статья подлежит применению каждый раз, когда будет выполняться данный тест, который по своему буквальному толкованию существенно расширяет сферу применения положений об освобождении от ответственности.

Помимо этого, представляет интерес и тот факт, что Германия оказала решающее значение на формулирование положений ст. 79 Конвенции 1980 г.[193] Принято считать, что данную статью намеренно формулировали, избегая национальных правовых теорий, однако формулировка, определяющая тип препятствия, который охватывается нормой, была широко распространена в Германии задолго до начала разработки Конвенции 1980 г.

Так, одним из наиболее известных и часто описываемых в доктрине[194] судебных решений по практической (относительной) невозможности исполнения является решение[195] Имперского суда 1904 г. В нем суд установил, что согласованный сторонами товар (мука марки «Eichenlaub», которая производилась только на одной мельнице) не мог быть более произведен из-за пожара на производстве, однако формально существовал на складах иных покупателей, которым он был поставлен ранее. Суд указал, что объективная невозможность исполнения в данном случае отсутствует, но при таких обстоятельствах приобретение вещей данного рода стало настолько трудным, что, по справедливости, ни от кого нельзя ожидать их приобретения («billigerweise niemandem zugemutet werden kann»). Далее эта формулировка и тождественные ей выражения распространились в немецкой доктрине, судебной практике и даже законодательстве (правда уже после вступления Конвенции 1980 г. в силу). Дополнительно отметим, что максимально приближенная ситуация сложилась в ранее описанном деле 2019 г. (Bulbs for four-leaf clover case), в котором суд по сути изложил ту же самую позицию, которая была принята в Германии более ста лет до этого.

---

[193] Honnold, J.O. Op. cit. P. 426.

[194] Bien, F. Grundkurs Bürgerliches Recht IIa. Allgemeines Schuldrecht. Kursbegleitendes Skript. 2017. S. 20; Heck, P. Grundriß des Schuldrechts. Aalen : Scientia, 1958. XVI, S. 95.

[195] RG, 23.02.1904 – Rep. II. 398/03 = RGZ 57, 116.

К сожалению, представленный аргумент, основанный на учете национального права при толковании Конвенции 1980 г., не может использоваться как подтверждение в пользу одного из подходов к интерпретации ст. 79 Конвенции 1980 г. ввиду международного характера данного соглашения (п. 1 ст. 7). Однако он имеет ценность в связи с тем, что указывает на многолетнюю практику использования слов, которые присутствуют в исследуемом положении статьи. Возможно, в будущем при формулировании новых международных договоров или положений источников lex mercatoria авторы будут учитывать, какое значение исторически придавалось представленной формулировке.

Для уяснения смысла ст. 79 Конвенции 1980 г. теперь необходимо обратиться к документам, составленным в период разработки Конвенции 1980 г. В соответствии с Резолюцией 2205 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН[196] от 17 декабря 1966 г. образована Комиссия для унификации права. При этом изначально работы велись не по разработке новой конвенции в сфере купли-продажи, а речь шла о пересмотре уже созданной Конвенции о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров[197] (далее – «ULIS»). Однако в 1975 г. Комиссия решила уйти от практики разработки единообразных законов и изменить название нового международного договора на Конвенцию о международной купле-продаже товаров[198]. Таким образом, для настоящего исследования представляет интерес обсуждение представителями разных стран положений проекта по пересмотру ULIS, производившееся до 1975 г. (Комиссия пересматривала проект ежегодно, поэтому место расположения в международном договоре правил об освобождении от ответственности всегда менялось).

---

[196] Сайт ООН. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/resolution/gen/nr0/787/99/img/nr078799.pdf?openelement (Дата обращения: 28.04.2022 г.).

[197] Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 46-74.

[198] Yearbook of the United Nations Commission on International Trade Law. 1975. Volume VI. P. 50 // Website of United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1975_e.pdf (Date of access: 27.04.2022).

Итак, если обратиться к предварительным документам, то можно обнаружить, что в 1974 г. на Дипломатической Конференции обсуждались несколько вариантов формулировки ст. 79 Конвенции 1980 г.: «А» и «В»[199]. Согласно первому, сторона освобождалась от ответственности за неисполнение одного из своих обязательств, в том числе при наличии одного из следующих признаков: «невозможность исполнения» или «факт того, что в новых условиях исполнение обязанности до такой степени изменяет размер предоставления, что существенным образом отличает его от того, о чем договорились стороны в договоре». Вариант «В» при этом во многом напоминал действующую норму ст. 79 Конвенции 1980 г.

В 1975 г. было представлено заключение представителя Соединенного Королевства по проблемам, вытекающим из ст. 74 пересматриваемого текста ULIS[200]. (После обсуждения формулировка этой статьи будет включена в ст. 79 Конвенции 1980 г.) В данном заключении отмечено, что из проекта «А» необходимо устранить такие слова, как существенное изменение размера встречного предоставления и невозможность исполнения. Первый институт было рекомендовано не использовать, так как понятие «существенное изменение встречного предоставления» должно применяться только к договору в целом, а не к отдельной обязанности в рамках соглашения. А второй – так как понятие «невозможность» (англ. «impossibility») имеет разное значение в разных юрисдикциях, что не приведет к унификации материального регулирования. В качестве примера двоякого толкования «невозможности» Д. Хоннольд приводит ситуацию с наложением государством правовых запретов пересечения границы при наличии фактической возможности исполнения обязательства в нарушение закона[201]. Важно отметить, что институт существенного изменения встречного предоставления предполагалось не исключить из Конвенции 1980 г., а разместить

---

[199] Yearbook of the United Nations Commission on International Trade Law. 1974. Volume V. P. 58 // Website of United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1974_e.pdf (Date of access: 27.04.2022).

[200] Yearbook 1975. Op. cit. P. 84-85.

[201] Honnold, J.O. Op. cit. P. 484.

в другой статье, посвященной расторжению договора, а не освобождению от ответственности[202]. Но этого сделано не было. Можно предположить, что причиной стало либо то, что авторы хотели в целом исключить применение Конвенции 1980 г. к случаям затруднений, либо то, что ст. 79 уже сама охватывала препятствия такого рода.

В итоге сейчас статья 79 Конвенции 1980 г. фактически изложена в соответствии с вариантом «B», который обсуждался в 1974-1975 гг. Из этого можно сделать вывод, что юристы, участвовавшие в разработке Конвенции 1980 г., приняли во внимание заключение специалиста из Соединенного Королевства и их воля была направлена на то, чтобы не использовать понятие «невозможно», существенно ограничивающее сферу применения ст. 79 Конвенции 1980 г. Более того, формулировка данной статьи в соответствии с вариантом «B» была изначально очень гибкой. Ее составители не использовали жестких конструкций, дающих однозначный ответ о типе препятствий, которые должны были бы охватываться нормой.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что ст. 79 Конвенции 1980 г. охватывает как случаи объективной невозможности, так и определенные затруднения (которые часто называют субъективной невозможностью). Тем не менее, получившее распространение в романо-германских странах последствие затруднений в виде начала переговоров по поводу новых условий сделки или адаптации договора судом не урегулированы ст. 79 Конвенции 1980 г. Следовательно, данная статья влечет только освобождение должника от ответственности. Обоснование применения иных последствий возникновения препятствия в виде затруднения, а именно, проведение переговоров между сторонами и адаптация договора судом, имеет несколько теорий и очень спорно, поэтому такая возможность будет рассмотрена в самостоятельном § 3 Главы 2 настоящего исследования. Представленный подход позволяет сделать вывод о том, что ст. 79 Конвенции 1980 г. основана на смешанной теории невозможности исполнения. Оценка степени осложнения исполнения производится не

---

[202] Yearbook 1975. Op. cit. P. 85.

применительно к конкретному должнику (субъективная невозможность), не применительно ко всем лицам (объективная невозможность), а применительно к ожиданиям абстрактного разумного лица.

В связи с тем, что был сделан вывод о возможности применения ст. 79 Конвенции 1980 г. не только к объективной невозможности исполнения, но и к затруднениям (также называемым экономической невозможностью), возникает вопрос о том, как разграничить затруднения, которые охватываются ст. 79 Конвенции 1980 г. и которые этой статьей не охватываются и, соответственно, влекут лишь обязанность должника исполнить обязательство в новых менее выгодных для него условиях.

К. Бруннер и Б. Готлиб полагают, что место, где должна быть проведена линия между ситуациями, попадающими в сферу риска должника, и ситуациями затруднений или экономической невозможности, должно быть определено в каждом конкретном случае («on case-by-case basis»), принимая во внимание все имеющие значение обстоятельства. В первую очередь, по мнению авторов, чтобы установить лимит жертв, на которые должен пойти должник («limit of sacrifice»), нужно принять во внимание распределение рисков между сторонами, выполненное прямо в договоре или подразумеваемое в силу природы экономических отношений. Для иллюстрации чрезмерных затрат должника или затрат явно несоразмерных цене товаров приводится обязанность поднять с морского дна затонувший груз вместе с кораблем[203], что кстати является очень распространенным примером сложно различимых национальных немецких институтов практической и экономической невозможности[204].

И. Швенцер в этом случае также говорит о необходимости исследования «лимита жертв» применительно к каждому конкретному случаю («on case-by-case basis»). В качестве примера высоких требований к препятствию, составляющего основание освобождения от ответственности, приводится увеличение стоимости затрат на исполнение договора свыше чем на 100%, которое не является

[203] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 666-667.

[204] Plate, J., Geier, A. Das gesamte examensrelevante Zivilrecht. Springer Berlin, Heidelberg. 2021. 7. Auflage. S. 549-550.

основанием для применения ст. 79 Конвенции 1980 г. В отношении спекулятивных операций автором отмечается, что даже рост расходов в три раза не будет основанием освобождения от ответственности[205].

В.И. Кулешова считает, что проблема экономической невозможности исполнения весьма сложная в теоретическом плане и что она должна решаться индивидуально в каждом конкретном случае[206].

Д. Лукофски в отношении исследуемого вопроса отмечает лишь, что неспособность стороны получить прибыль от сделки не является сама по себе основанием для ее освобождения от ответственности. Если должник фиксирует цену в договоре, то он принимает на себя риски того, что в будущем его расходы на исполнение могут возрасти. В связи с этим, по мнению автора, большинство судов неохотно применяют ст. 79 Конвенции 1980 г.[207]

Помимо этого, Д. Лукофски обратил внимание на существование двух понятий: экономический форс-мажор (economic force majeure) (ст. 79 Конвенции 1980 г.) и затруднения (hardship) (ст. 6.2.2 Принципов УНИДРУА), которые необходимо разграничивать. Автор отметил, что эти понятия отличаются по степени затруднений, которые они вызывают: требования к препятствию у экономического форс-мажора выше, чем у затруднений (хоть и не сведены к объективной невозможности); а также по последствиям: экономический форс-мажор не допускает обязательных переговоров сторон по новым условиям сделки или адаптации договора судом[208].

Данная точка зрения представляет интерес, так как она согласуется с толкованием аутентичных текстов Конвенции 1980 г. Представленный подход позволяет охватить часть случаев затруднений ст. 79, которые не вызывают объективную невозможность. Более того, данное толкование объясняет отсутствие в Конвенции 1980 г. таких последствий наступления препятствия вне

---

[205] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1143.

[206] Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. Указ. соч. С. 186.

[207] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 180.

[208] Ibid. P. 181.

контроля, как обязательные переговоры сторон по новым условиям сделки или адаптация договора судом.

Применительно к исследуемой норме нет теорий о том, как можно было бы разграничить экономический форс-мажор и затруднения. Однако в национальном праве Германии сложилась аналогичная ситуация с нормами, посвященными практической невозможности исполнения (абз. 2 § 275 Германского гражданского уложения (далее – «ГГУ») и экономической невозможности (§ 313 ГГУ), которые по своей сути соотносятся как экономический форс-мажор и затруднения. Так, для разграничения понятий немецкими юристами было предложено решать эту проблему путем абстрактной постановки вопроса должнику о том, согласился ли бы он на увеличение своих расходов в целях исполнения обязательства при одновременном увеличении стоимости его работ. Если ответ на данный вопрос положительный, то скорее имеет место экономическая невозможность (§ 313 ГГУ)[209]. Несмотря на то, что данный подход является строго национальным и не может автоматически перениматься для толкования положений Конвенции 1980 г., он имеет теоретическую ценность для развития доктрины в сфере освобождения от ответственности.

К сожалению, судебная практика так же, как и доктрина, не выработала общепризнанного теста для ответа на анализируемый вопрос. В описанных ранее делах[210], когда суды допускали распространение ст. 79 Конвенции 1980 г. не только на случаи объективной невозможности, они не разъясняли, какими именно критериями необходимо руководствоваться для определения «лимита жертв» должника.

Таким образом, необходимо сделать единственно возможный вывод: вопрос лимита жертв должника определяется усмотрением судей с учетом

---

[209] Фогель В.А. Невозможность исполнения обязательства в немецком праве. С. 7 // URL: https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/1602 (Дата обращения: 30.06.2024 г.)

[210] Hof van Cassatie, Belgium. 19.06.2009 (Scafom International BV v. Lorraine Tubes S.A.S.). CISG-online 1963; OLG Düsseldorf, 04.07.2019 – I-6 U 2/19. CISG-online 4614; LG Aachen, 14.05.1993 – 43 O 136/92.

распределения рисков между сторонами и обстоятельств конкретного дела: типа препятствий, сроков исполнения обязательства, возможностей должника, интереса кредитора в исполнении и т.д.

Глава 2. Случаи освобождения должника от исполнения обязательства

§ 1. Освобождение от ответственности при частичном исполнении и поставке дефектного товара

Существует два вида ненадлежащего исполнения обязательств по Конвенции 1980 г.: частичное исполнение (англ. «partial performance») и поставка дефектного товара (англ. «defective performance»). Чтобы определить, возможно ли освобождение от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г. при каждом из этих двух видов нарушений, необходимо проанализировать п. 1 и 4 ст. 79 Конвенции 1980 г. Так, п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. в английском и русском вариантах текста конвенции одинаково устанавливает, что сторона не несет ответственности за «неисполнение любого из своих обязательств». Следовательно, понятие «обязательство» означает любую из обязанностей стороны по договору, а значит, что данным пунктом охватывается и ненадлежащее исполнение, выраженное как в частичной поставке, так и в поставке товара с дефектом.

В то же время смысл п. 4 ст. 79 Конвенции 1980 г. в русском и английском вариантах текста международного договора отличается. Так, в русском тексте конвенции содержится формулировка: «Не исполняет своего обязательства». Из-за нескольких значений понятия «обязательство» в русском языке непонятно, имеется ли в виду «одну из обязанностей» или «всего обязательства в целом». В английском тексте используются слова: «The party who fails to perform», что однозначно переводится не как неисполнение отдельной обязанности в рамках договора купли-продажи, а как неисполнение договора в целом (непредоставление чего-либо в надлежащем виде). В немецком переводе ситуация аналогична английскому варианту текста Конвенции 1980 г.

Говоря о частичном неисполнении обязательства, Д. Хоннольд приводит ситуацию, когда из-за государственных ограничений на использование

определенного металла количество произведенных товаров стало существенно ниже. В связи с этим, по мнению ученого, продавец должен считаться освобожденным от ответственности за непоставку оставшейся части товаров[211]. С ним соглашается И. Швенцер[212]. В российской доктрине придерживаются аналогичного подхода[213].

С нашей точки зрения частичное неисполнение обязательства не должно исключать освобождение стороны от ответственности при наличии препятствия вне контроля. В данном случае наличие невозможности, например, обойти количественный запрет, приводит к тому, что какое-либо исполнение договора в соответствующей части становится полностью недопустимым: исключается любая поставка в принципе, что соответствует п. 4 ст. 79 Конвенции 1980 г.

Таким образом, среди условий применения ст. 79 Конвенции 1980 г., нельзя выделять исключение препятствием исполнения обязательства в полном объеме. Допустимость исполнения лишь части обязательства не должна приводить к отказу от применения ст. 79 Конвенции 1980 г.

Допускается ли освобождение продавца от ответственности при поставке, например, товаров, поврежденных в результате форс-мажорного обстоятельства?

Д. Хоннольд считает, что позиция, согласно которой освобождение от ответственности применяется только к тем препятствиям, которые делают исполнение невозможным (исключая при этом ненадлежащее исполнение в виде поставки дефектного товара), находит подтверждение в п. 4 ст. 79 Конвенции 1980 г. Более того, автор отмечает, что требование об уведомлении другой стороны не было включено в ULIS, которая допускала освобождение от ответственности за ненадлежащее исполнение в виде поставки дефектного товара и что представленное толкование было поддержано в ходе обсуждения на Дипломатической Конференции[214]. С данной позицией согласен Э. Маккендрик,

---

[211] Honnold, J.O. Op. cit. P. 491.

[212] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1131.

[213] Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. Указ. соч. С. 188.

[214] Honnold, J.O. Op. cit. P. 478.

который отмечает, что в ходе обсуждения данной статьи на Дипломатической Конференции замена понятия «обстоятельства» (англ. «circumstances»), используемого в ULIS, на «препятствие» (англ. «impediment») была обусловлена исключением распространения действия норм ст. 79 Конвенции 1980 г. на случаи ненадлежащего исполнения, не составляющие частичное исполнение[215].

Тем не менее, встречается и противоположное мнение. Так, Б. Николас допускает распространение действия ст. 79 Конвенции 1980 г. на случаи ненадлежащего исполнения, но отмечает, что в подобных ситуациях будет сложно доказать, что недостаток товара связан с указанным в Конвенции 1980 г. препятствием[216]. Данная точка зрения во многом поддерживается тем фактом, что п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. говорит об исключении ответственности при неисполнении «любого из своих обязательств», а не договора в целом. Рассуждая на представленную тему, И. Швенцер соглашается с теоретической возможностью применения ст. 79 в данной ситуации, но отмечает, что вряд ли когда-то это будет реализовано в связи с установлением ответственности продавца за качество товара независимо от его вины[217]. К. Бруннер и Б. Готлиб отмечают, что освобождение от ответственности при нарушении данного вида хоть и крайне редко, но должно быть возможно, например, при загрязнении воды в результате саботажа[218].

В данном контексте интересно дело[219], рассмотренное Федеральным верховным судом ФРГ в 1999 г. (также известное как Vine wax case). Австрийский покупатель приобрел у продавца воск для защиты виноградника от высыхания и инфекций. Продавец не являлся производителем воска, а приобретал его у третьего лица (производителя). После применения в срок поставленного воска покупателем значительная часть его растений была повреждена. С целью получить компенсацию он обратился с иском в суд к продавцу. Продавец

---

[215] McKendrick, E. Op. cit. P. 275.

[216] Nicholas, B. The Vienna Convention on International Sales Law. 1989. 105. Law Quarterly Review. P. 234.

[217] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1132.

[218] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 665.

[219] BGH, 24.03.1999 – VIII ZR 121/98. CISG-online 396.

настаивал на том, что в данном деле имеются основания для освобождения его от ответственности ввиду препятствия вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г., так как он физически не мог осуществить проверку качества товара, который поставлялся напрямую от производителя покупателю.

Федеральный верховный суд ФРГ указал, что имеет место спорный вопрос о том, применяется ли освобождение от ответственности в рамках ст. 79 Конвенции 1980 г. к ненадлежащему исполнению, выраженному в поставке товара с дефектом (англ. «defective performance»). Далее суд постановил, что в данном случае ответ на этот вопрос не имеет значения, так как продавец в силу специфики договора купли-продажи все равно обязан нести ответственность за качество продаваемого товара, независимо от способа его поставки. Поэтому в данном споре отсутствовало препятствие вне контроля на стороне продавца, а ст. 79 Конвенции 1980 г. не подлежала применению. По мнению суда, договор купли-продажи предполагает такое распределение рисков, что продавец несет ответственность как за качество товара своих поставщиков, так и за выполнение ими в срок своего обязательства по поставке. Конвенция 1980 г. не выделяет разницу между просрочкой поставки и поставкой некачественного товара.

При этом вина продавца не имеет значения ввиду установленного Конвенцией 1980 г. распределения рисков и отсутствия между сторонами соответствующего соглашения об их перераспределении. Продавец мог бы рассчитывать на освобождение от ответственности только в том случае, если бы качество товара ухудшилось из-за препятствия, которое было вне контроля как продавца, так и его поставщиков (п. 2 ст. 79).

Таким образом, с учетом распределения рисков между сторонами в договоре купли-продажи сложно представить ситуацию, чтобы суд применил освобождение от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г. в случае ненадлежащего исполнения, выраженного в поставке товара с дефектом (англ. «defective performance»).

По нашему мнению, необходимо исходить из главенствующей роли текста международного договора с учетом позиции создателей Конвенции 1980 г.

Следовательно, наличие обстоятельств, которые пусть и вне контроля сторон, но не исключают исполнение договора, а лишь делают его ненадлежащим (defective performance), свидетельствует о невозможности применения ст. 79 Конвенции 1980 г.

§ 2. Освобождение от ответственности должника ввиду препятствия вне контроля на стороне привлеченного им третьего лица

Пункт 2 ст. 79 Конвенции 1980 г. закрепляет возможность освобождения от ответственности стороны договора, привлекшей для исполнения обязательства третье лицо, на стороне которого возникло препятствие. На это необычное предписание Конвенции 1980 г. обратил внимание Б. Николас, который в своей работе отметил, что его, наверное, нет ни в одной правовой системе в мире[220].

И. Швенцер считает, что п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г. предполагает, что третье лицо привлекается после заключения договора, чтобы должник исполнил обязательство (например, банки или перевозчики), так как их исполнение формирует часть исполнения должника. Причем не имеет значения, мог ли должник избежать привлечения третьего лица. Если привлечение третьих лиц продиктовано желанием самого кредитора и если их действия приводят к препятствиям к исполнению обязательства, то кредитор может быть привлечен к ответственности в рамках ст. 80 Конвенции 1980 г.[221]

По мнению Д. Лукофски, должник может быть освобожден от ответственности по п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г., если 1) должник сам должен быть освобожден по п. 1 ст. 79 ввиду наличия препятствия вне его контроля, 2) привлеченное должником лицо было бы также освобождено от ответственности, если бы положения ст. 79 Конвенции 1980 г. применялись в отношении него[222].

---

[220] Nicholas, B. Op. cit. P. 236.
[221] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1144-1145.
[222] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 182.

К. Бруннер и Б. Готлиб предлагают разделить всех третьих лиц, привлекаемых для выполнения обязательства, применительно к которым может действовать п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г., на две группы: 1) лица, которые выполняют обязательства должника перед кредитором независимо, например, перевозчики, банки; 2) лица, которые выполняют часть работы (субподрядчики – «subcontractors»), например, установка независимых частей агрегата, который подлежит поставке покупателю. По мнению К. Бруннера и Б. Готлиба, торговые представители и поставщики должника не охватываются ни одной из этих групп и не могут в принципе рассматриваться как третьи лица по смыслу п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г.[223]

На фоне представленных популярных позиций выделяется мнение Э. Маккендрика, который отметил, что согласно подготовительным документам, продавец не должен быть освобожден от ответственности в случае неисполнения обязательства его поставщиком, поскольку поставщик не будет считаться лицом, привлеченным для выполнения какой-либо части контракта продавца с покупателем. При этом сам автор не согласен с такой позицией и считает справедливым распространять п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г. на эти случаи[224].

Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. В 1997 г. Высший суд земли г. Гамбурга вынес решение по спору[225] между английским покупателем и немецким продавцом (дело также известно как «Iron molybdenum case»). По соглашению сторон продавец должен был передать покупателю товар из Китая. Однако ввиду отсутствия поставки из Китая немецкий продавец также не смог в срок передать товар. Английский покупатель был вынужден приобрести товар у другого продавца и обратился в суд с иском к немецкой компании с целью взыскать разницу в цене.

Суд постановил, что продавец не может ссылаться на ст. 79 Конвенции 1980 г. для освобождения от ответственности, так как он несет риск непоставки товара его поставщиками. По мнению суда, это препятствие является

---

[223] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 661.
[224] McKendrick, E. Op. cit. P. 280.
[225] OLG Hamburg, 28.02.1997 – 1 U 167/95. CISG-online 261.

преодолимым. Только если товары равного качества не были бы больше доступны на рынке, продавец мог бы быть освобожден от ответственности. Также суд возложил на продавца бремя увеличения закупочных цен в момент приобретения товара на замену китайскому. Суд также отметил, что при спекулятивных операциях данного вида даже трехкратное увеличение цены товара не будет составлять превышения «лимита жертв» (äußerste Opfergrenze) и, соответственно, основания для освобождения стороны от ответственности.

На данном примере виден узкий подход к толкованию исследуемой нормы. Простая непоставка товара поставщиком продавца не может привести к освобождению последнего от ответственности. Аналогичной позиции относительно действия исследуемой нормы придерживался Верховный суд Швейцарии[226] в 2006 г., а также немецкий суд в ранее рассмотренном деле «Vine wax case»[227], в котором суд указал, что даже поставка товара напрямую поставщиком покупателю не перераспределит риски неисполнения обязанности по поставке качественного товара в надлежащий срок и не переложит данную обязанность с продавца на поставщика. В австрийском деле[228] 2004 г. предусмотренная Конвенцией 1980 г. ответственность без вины и установление продавцом гарантийного срока использования товара привели к тому, что Верховный суд отметил, что при производстве технически сложного товара различными компаниями ответственность конечного продавца за дефект изделия возникает даже в том случае, если причину появления дефекта (действия/бездействие конкретного лица в цепочке) установить невозможно.

В российской судебной практике тоже были рассмотрены несколько дел, где применялась анализируемая норма. В Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2021 г. по делу № А40-241276/20[229] суд указал, что раз поставщик (Франция) ввиду государственных ограничений Франции не смог поставить товар продавцу (Россия), что является основанием для освобождения

---

[226] Schweizerisches Bundesgericht, 12.06.2006 – 4C.92/2006. CISG-online 1516.
[227] BGH, 24.03.1999 – VIII ZR 121/98. CISG-online 396.
[228] OGH. 21.04.2004. № 7Ob32/04p.
[229] КАД «Мой арбитр».

первого от ответственности, то и продавец освобождается от ответственности перед российским покупателем.

Представленная логика суда определенно совпадает с позицией Э. Маккендрика в части распространения п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г. на случаи, когда простое возникновение препятствия на стороне поставщика продавца признается достаточным для действия нормы. Однако необходимо отметить, что в данном деле поставщик (Франция) поставлял товары не напрямую продавцу и даже не его контрагенту. Цепочка по передаче товара от французского производителя до российского продавца состояла из 3-х промежуточных звеньев (не включая поставщика и продавца), причем все они были российскими компаниями. Более того, сам договор купли-продажи был заключен между двумя резидентами России. В такой ситуации возникает вопрос о том, на каком основании суд применил Конвенцию 1980 г. Тем не менее, данное Постановление было поддержано ВС РФ[230].

В деле № А41-90431/19 суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении иска заказчика (резидент РФ), в частности, потому что исполнитель (резидент РФ) по договору на проведение опытно-конструкторских работ освобождается от ответственности по п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г., так как его соисполнители (резиденты РФ) из-за санкций не смогли приобрести импортные электрорадиоизделия и выполнить договор[231]. Данное постановление не было отменено кассационной инстанцией[232].

Из решений МКАС по этому вопросу можно отметить Решение по делу № 76/2008[233], в котором арбитраж отказал в применении п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г. не потому, что данная статья должна применяться только при особых формах привлечения третьих лиц к исполнению, а потому что

---

[230] Определение Верховного суда РФ от 18.02.2022 г. № 305-ЭС21-29228 по делу № А40-241276/2020 // КАД «Мой арбитр».

[231] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2020 г. по делу № А41-90431/19 // КАД «Мой арбитр».

[232] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.10.2020 г. по делу № А41-90431/2019 // КАД «Мой арбитр».

[233] Решение МКАС при ТПП РФ от 22.01.2009 г. по делу № 76/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

отсутствовало обстоятельство вне контроля, т.е. МКАС тоже поддерживает позицию Э. Маккендрика.

Представленное расширительное толкование анализируемой нормы не может не удивлять. Мы с ним категорически не согласны. Но тем не менее, такова новейшая правоприменительная практика в России, подтвержденная высшей судебной инстанцией, и ее нельзя не принимать во внимание.

На основе анализа актуальной судебно-арбитражной практики Австрии, Германии, России и Швейцарии можно констатировать, что количество случаев, когда должник ссылается на п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г., крайне мало, а в отсутствие основного условия в виде препятствия вне контроля на стороне контрагента должника у судов нет необходимости вырабатывать остальные предпосылки для применения нормы и исследовать форму, в которой привлекается третье лицо для исполнения. В связи с этим лишь в доктрине имеют место несколько теоретических подходов, ни один из которых не получил поддержки на практике.

§ 3. Допустимость применения института затруднений в рамках Конвенции 1980 г.

За годы правоприменения в мире постоянно возникал вопрос о возможности применения затруднений в отношении договора, на который распространяется действие Конвенции 1980 г. Классическим подходом к данному институту является подход, отраженный в ст. 6.2.1–6.2.3 Принципов УНИДРУА. Так, условием применения затруднений является случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств либо в силу возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения. Последствиями затруднений являются 1) возможность стороны просить кредитора о пересмотре условий договора; 2) а при недостижении соглашения, право сторон обратиться в

суд, который будет уполномочен адаптировать договор к новым условиям или прекратить его.

С учетом буквального толкования достаточно узких положений ст. 79 Конвенции 1980 г. и представленной выше истории ее разработки можно однозначно сказать, что данная статья не может быть использована, чтобы на ее основании применить последствия наступления затруднений. Такая позиция поддерживается и в доктрине[234].

Тем не менее, предлагаются и другие три способа применения такого института в рамках правоотношений, урегулированных Конвенцией 1980 г.:

1) восполнение внутреннего пробела в регулировании Конвенцией 1980 г. обязательственных правоотношений в соответствии с п. 2 ст. 7 данного международного договора;

2) восполнение внешнего пробела в регулировании Конвенцией 1980 г. обязательственных правоотношений на основе субсидиарного применения института затруднений, как части правопорядка, избранного на основе коллизионных норм суда (коллизионный подход);

3) применение института затруднений в рамках Конвенции 1980 г., как международного обычая, на основании п. 2 ст. 9 Конвенции 1980 г.

По нашему мнению, ни один из представленных вариантов обоснования применения института затруднений не является верным. Далее будут изложены причины такой позиции относительно каждого способа обоснования.

Первые два подхода основываются на квалификации затруднений, как пробела в регулировании: внутреннего и внешнего. С учетом представленного в § 1 Главы 1 толкования ст. 7 Конвенции 1980 г., можно констатировать, что данный международный договор не урегулировал вовсе вопросы применения института затруднений и не содержит внутреннего пробела в этом вопросе. Следовательно, разрешить данный вопрос на основе предписаний п. 2 ст. 7

---

[234] Eggers, S.M. Hardship within the scope of the CISG // Retsvidenskabeligt Tidsskrift (Rettid). 2020. P. 27.

Конвенции 1980 г., а именно, путем применения общих принципов, на которых она основана, или национального регулирования невозможно.

В п. 11.9 Заключения Консультативного совета № 20 разъясняется, что ст. 7 Конвенции 1980 г. предписывает осуществлять толкование данного международного договора с учетом его международного характера и соответствующих правил восполнения пробелов, т.е. согласно данной статье, все решения должны применяться только на основе самой Конвенции 1980 г.[235] В соответствии с п. 35 Заключения консультативного совета № 7, если лицо будет толковать Конвенцию 1980 г. с учетом ее международного характера, как это требует п. 1 ст. 7 Конвенции 1980 г., то оно скорее всего исчерпает все доступные средства для решения проблемы затруднений «в четырех углах» Конвенции 1980 г. и не будет прибегать к схожим национальным институтам, потому что применение затруднений на основе предписаний коллизионных норм приведет к большому разнообразию потенциально применимых правовых доктрин[236]. Д. Лукофски в своей работе также подчеркивает, что большинство ученых считают субсидиарное применение национальных доктрин затруднений недопустимым при регулировании договора Конвенцией 1980 г.[237]

В связи с этим можно еще раз обратиться к делу[238] 1993 г., рассмотренному Земельным судом г. Ахен, в котором суд отказался от применения национального немецкого института экономической невозможности (Wegfall der Geschäftsgrundlage – немецкий аналог затруднений) одновременно с Конвенцией 1980 г. Причиной стало то, что конвенциональное регулирование «вытесняет» (verdrängt) экономическую невозможность, что не позволяет ее применить. П. Маццакано отметил, что, по мнению суда, исследуемые вопросы должны разрешаться исключительно на основании ст. 79 Конвенции 1980 г.[239]

---

[235] CISG-AC Opinion № 20. Op. cit.

[236] CISG-AC Opinion № 7. Op. cit.

[237] Lookofsky, J. Walking the article 7(2) tightrope between CISG and domestic law // Journal of Law & Commerce. Volume 25. Issue 1. 2006. P. 101.

[238] LG Aachen, 14.05.1993 – 43 O 136/92.

[239] Mazzacano, P. Op. cit. P. 12.

Конвенция 1980 г. не исключает субсидиарного применения национального права для восполнения внешних пробелов. Однако затруднения не могут рассматриваться как внешний пробел, так как Конвенция 1980 г. содержит ст. 79, которая уже определяет условия и последствия наступления препятствия вне контроля. Аналогичная позиция представлена в п. 12.1 Заключения Консультативного совета № 20[240], где отмечено, что отсутствие права требования адаптации договора не создает пробела в конвенционном регулировании, а скорее свидетельствует об отказе авторов от данного средства правовой защиты.

Более того, стоит отметить, что не любые национальные институты, которые формально отсутствуют в Конвенции 1980 г., должны автоматически применяться судами субсидиарно. Это привело бы к противоречивой судебной практике, которая бы во многом определялось национальным правом.

Перейдем к третьему предлагаемому обоснованию применения института затруднений в рамках Конвенции 1980 г. И. Швенцер в своей работе[241] указывает, что существует позиция, согласно которой институт затруднений (предоставляющий стороне договора право просить другую сторону пересмотреть договорные обязательства, а при недостижении соглашения в разумный срок право обратиться в суд, который будет уполномочен изменить или прекратить договор) в современном мире является международным обычаем. В связи с этим стороны вправе просить суд применить данную концепцию на основе п. 2 ст. 9 Конвенции 1980 г., которая закрепляет, что по общему правилу считается, что стороны подразумевали применение к их договору обычаев, которые в международной торговле широко известны.

В рамках п. 2 ст. 9 Конвенции 1980 г. выделяются следующие условия отнесения правила поведения к обычаю: 1) при заключении договора стороны о нем знали или должны были знать, 2) правило широко известно, 3) правило постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода. И.С. Зыкин отмечает, что согласно данной статье, фактическое знание обычая и намерение им

---

[240] CISG-AC Opinion № 20. Op. cit.
[241] Schwenzer, I. Op. cit. P. 722.

руководствоваться необязательны. Обычаи могут применяться без соблюдения данных условий[242]. По нашему мнению, институт затруднений не является международным обычаем.

Если анализируемый институт является международным обычаем, то его содержание является унифицированным в международной практике. В соответствии с п. 6.2.3 Принципов УНИДРУА суд при наличии затруднений вправе либо прекратить договор, либо адаптировать его к новым условиям. Согласно позиции Международной Торговой Палаты (ICC)[243], такое последствие института затруднений, как адаптация договора к новым обстоятельствам судом, является одной из самых спорных тем. Таким образом, по поводу существования международного обычая, допускающего заявление стороной договора в суд требования об изменении условий договора, имеет место противоречивая позиция двух наиболее авторитетных международных организаций, что никак не позволяет квалифицировать исследуемое право стороны как устоявшийся международный обычай.

Аналогичная позиция в отношении недостаточного распространения в мире правила об адаптации договора судом для признания его обычаем высказывается в п. 12.7. Заключения консультативного совета № 20[244], где подчеркивается, что данное правило имеет относительно сложившуюся практику применения именно в романо-германских системах права. Англо-саксонские страны, в свою очередь, институт затруднений в большинстве своем не признают[245]. Одновременно с этим, например, законодательство Италии, страны, относящейся к романо-германской правовой системе, не допускает адаптацию

---

[242] Зыкин И. С. Венская конвенция 1980 г. и обычаи международного коммерческого оборота // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: К 10-летию ее применения в России. М. 2001. С. 24-25.

[243] ICC Force Majeure and Hardship Clauses. March. 2020. P. 5 // Website of ICC. URL: https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2020/03/icc-forcemajeure-hardship-clauses-march2020.pdf (Date of access: 28.04.2022).

[244] Op. cit.

[245] Khanderia, S. Commercial impracticability under the Indian law of contract: the UNIDROIT principles as the way forward? // UCL Journal of Law and Jurisprudence. 2018. 7 (2) P. 55; Санников Н.Г. Английское контрактное право. 2-е изд., испр. - М.: Р.Валент, 2010. – С. 152.

договора судом, и разрешает лицу, на чьей стороне возникли затруднения, требовать лишь прекращения договора (ст. 1467 Гражданского Кодекса Италии)[246].

Также необходимо отметить, что сами оговорки о затруднениях, включаемые в договоры, значительно отличаются друг от друга по своим условиям применения и средствам судебной защиты, что затрудняет квалификацию института затруднений в качестве единообразного обычая[247].

Таким образом, при регулировании договора Конвенцией 1980 г. институт затруднений ни в какой из его форм применяться не может. Ни один из существующих вариантов обоснования применения затруднений в рассматриваемой ситуации не является обоснованным.

§ 4. Действительность форс-мажорной оговорки

В международном торговом обороте получили распространение форс-мажорные оговорки в договорах. Возможность их применения при регулировании отношений Конвенцией 1980 г. будет предметом настоящего параграфа.

И. Швенцер считает, что стороны вправе отступить от положений ст. 79 Конвенции 1980 г., включив в договор положения, регулирующие условия и последствия освобождения стороны от ответственности (ст. 6). Причем стороны свободны в выборе формы оговорки: это может быть перечень препятствий или лишь их признаки. Оговорка может напоминать саму ст. 79 Конвенции 1980 г. или определенные национальные положения об освобождении от ответственности[248]. Д. Лукофски полагает, что стороны вправе закрепить абсолютную ответственность без каких-либо исключений или наоборот понизить

---

[246] Schwenzer, I. Op. cit. P. 723; Гражданский Кодекс Италии // URL: http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/Lib4.htm (Дата обращения: 15.04.2022 г.).

[247] Houtte, H.V. Changed Circumstances and Pacta Sunt Servanda // Gaillard (ed.). Transnational Rules in International Commercial Arbitration (ICC Publ. Nr. 480,4). Paris. 1993. P. 109.

[248] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1152.

стандарт ответственности, закрепленный в ст. 79 Конвенции 1980 г., в пользу ответственности, основанной на вине[249].

К. Бруннер, Б. Готлиб отмечают, что сторона может изначально знать о существовании определенного риска и добровольно взять на себя гарантийное обязательство преодолеть это препятствие в будущем. Стороны свободны в выборе условий освобождения от ответственности. Их оговорка может охватывать обстоятельства, которые никогда не стали бы основанием применения ст. 79 Конвенции 1980 г. Однако в последнем случае суду следует обратиться к применимому национальному праву, чтобы оценить действительность такого договорного положения[250]. По мнению К. Бруннера, форс-мажорная оговорка может охватывать любые типы ненадлежащего исполнения обязательства: просрочка, поставка товара с дефектом, частичное и полное неисполнение и даже неисполнение денежного обязательства[251].

В исследуемом вопросе можно отметить ранее упоминавшееся дело[252] 2022 г., рассмотренное Международным коммерческим арбитражем ad hoc в г. Стокгольм. Напомним, в данном споре российский поставщик газа утратил возможность осуществлять поставку товара в Финляндию в связи с введением Указом Президента РФ № 172[253] государственных расчетных ограничений для иностранных покупателей из недружественных государств. Финская сторона отказалась осуществлять расчеты по новым российским правилам, поэтому поставка была остановлена. В результате рассмотрения спора было установлено, что договор содержит форс-мажорную оговорку, которая рассматривает акты государственных властей (acts of governmental authorities) в качестве одного из обстоятельств, освобождающих от ответственности.

---

[249] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 178.

[250] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 674.

[251] Brunner, C. Force Majeure and Hardship under General Contract Principles - Exemption for Non-Performance in International Arbitration, 2009. S. 76.

[252] Gasum Oy v. Gazprom Export LLC. Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151.

[253] Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172. Указ. соч.

Арбитраж постановил, что включение форс-мажорной оговорки не приводит автоматически к отказу от исследования общих требований к фактическому установлению форс-мажора. Так, по мнению арбитров, чтобы обстоятельство рассматривалось как форс-мажор, необходимо, чтобы оно имело три признака: неподконтрольность, непредвиденность, неизбежность (uncontrollable, unforeseeable, unavoidable). Данные признаки следуют из ст. 79 Конвенции 1980 г. В итоге международный коммерческий арбитраж учел изменение правового поля для российской стороны и констатировал наличие форс-мажора на стороне российского поставщика, так как все его три признака были установлены.

В доктрине не все согласны с представленным подходом. Например, Д. Таллон отмечает, что Конвенция 1980 г. не содержит каких-либо предписаний, относительно оговорки об освобождении от ответственности[254]. Следовательно, при регулировании отношений данным международным договором положения ст. 79 Конвенции 1980 г. не могут накладывать ограничения на принцип свободы договора.

В.А. Канашевский отмечает, что в европейской практике сложилась традиция рассматривать санкции (односторонние принудительные меры) как сверхимперативные нормы, которые подлежат применению на основании ст. 9 Регламента Рим I, независимо от права, применимого к сделке[255] (в нашем случае право Швеции). Такая ситуация сложилась и в представленном споре, когда российские ограничения по оплате энергоресурсов не позволили продолжить исполнение сделки в том виде, в котором изначально намеревались стороны.

К сожалению, в рассматриваемом деле сама формулировка оговорки не была опубликована вместе с решением. Но важно, что арбитраж отметил относительно ее содержания. Так, по мнению арбитража, оговорка предоставляет должнику отсрочку в поставке газа. Однако если препятствие не отпадет в

---

[254] Tallon, D. Damages, Exemption Clauses, and Penalties. 40 Am.J.Comp.L. 1992. P. 675.
[255] Kanashevsky, V.A. Op. cit. P. 46.

течение разумного периода времени, стороны не могут оставаться в тупике (in a deadlock); в таком случае договор должен быть расторгнут. Таким образом, можно полагать, что стороны не предусмотрели в оговорке лимит ожидания окончания препятствия. Арбитраж указал на то, что отсутствие такого предписания в оговорке не приводит к возникновению вечной отсрочки. Сторонам надлежит руководствоваться разумным периодом времени.

Отметим, что не во всех государствах встречается такая позиция относительно возможности закрепления в форс-мажорной оговорке государственных ограничений. Как было установлено в § 3 Главы 1 настоящего исследования, закрепление в договорной оговорке односторонних принудительных мер в качестве форс-мажорного обстоятельства на практике государственных судов России не приводит к освобождению стороны от ответственности ввиду противоречия таких мер публичному порядку соответствующего государства[256]. Вероятно, что ввиду подобных ограничений свободы договора Д.П. Стригунова полагает, что сторонам не следует возлагать больших надежд на форс-мажорную оговорку в международных коммерческих контрактах[257].

Подобное представленному подходу решение вопроса закрепления форс-мажорной оговорки можно найти в праве Германии относительно института непреодолимой силы. Так, договор может содержать оговорку о непреодолимой силе (höhere Gewalt), чьи положения будут квалифицироваться как специальная норма по отношению к невозможности исполнения абз. 1 § 275 ГГУ (императивная норма). Условия действия непреодолимой силы установлены судебной практикой, поэтому стороны могут лишь их конкретизировать, но не вправе включить в предмет оговорки события, которые не будут отвечать требованиям непреодолимой силы. (Например, пандемия коронавируса после

---

[256] Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 05.05.2025 г. по делу № А26-7934/2024 // КАД «Мой арбитр».

[257] Стригунова Д.П. Оговорки в международных коммерческих договорах с участием российских предпринимателей // Гражданское право. 2024. № 1. С. 35.

марта 2020 г. уже не могла считаться непредвидимым обстоятельством, а значит, и непреодолимой силой)[258].

В Англии статус форс-мажорной оговорки точно не определен, поэтому британская доктрина рекомендует включать в оговорку те обстоятельства, которые бы не охватывались доктриной фрустрации[259]. Например, в деле J. Lauritzen A.S. v Wijsmuller B.V.[260] суд пришел к выводу, что хоть и халатность ответчика, которая привела к потоплению судна, исключает применение фрустрации, но он все равно подлежит освобождению от исполнения договора ввиду форс-мажорной оговорки, которая данное обстоятельство охватывает.

В деле Edwinton Commercial Corp v Tsavliris Russ (Worldwide Salvage & Towage) Ltd.[261] суд пришел к выводу, что обстоятельства, которые указаны в форс-мажорной оговорке, могут приводить не только к последствиям, которые выбрали стороны, но и к фрустрации их договора. Таким образом, положения английского общего и статутного права в определенных ситуациях будут иметь приоритет над договоренностью сторон, например, когда такое обстоятельство, как забастовка, длится так долго, что выходит за пределы риска, принятого по договору.

Таким образом, ограничение принципа свободы договора при формулировании форс-мажорной оговорки встречается не только на международном уровне.

Противоположный подход к толкованию ст. 79 Конвенции 1980 г., основанный на неограниченной свободе договора, отражен в деле 2023 г., рассмотренном Международным коммерческим арбитражем при МТП (ICC)[262].

---

[258] Laudahn, J. Force Majeure – nach deutschem, französischem und US-amerikanischem Recht. Offizielle Webseite des Friedrich Graf von Westphalen & Partner mbB. URL: https://www.fgvw.de/neues/archiv-2020/force-majeure-nach-deutschem-franzoesischem-und-us-amerikanischem-recht (Zugriffsdatum: 16.01.2025); Daniel, E.U., Mohnert, A. Vertragsrecht in der Coronakrise: Online-Tagung im April 2020. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG. Baden-Baden. 2020. S. 13-14.

[259] McKendrick, E. Op. cit. P. 9-10.

[260] Op. cit.

[261] Op. cit.

[262] ICC International Court of Arbitration. ICC-FA-2023-050. CISG 6849. Madrid (Treated steel case). 2023.

Тогда третейский суд пришел к выводу, что, по общему мнению, сфера применения ст. 79 Конвенции 1980 г. может быть изменена сторонами[263]. Стороны вправе отступать от текста ст. 79 и самостоятельно определять требования для освобождения стороны от ответственности и соответствующие последствия такого освобождения. В данном споре задержка в поставке товара была вызвана нарушением сроков поставки необходимого для производства материала надлежащего качества поставщиком продавца. В связи с этим международный коммерческий арбитраж постановил, что продавец подлежит освобождению от ответственности ввиду наличия форс-мажорной оговорки, которая расширила сферу применения ст. 79 Конвенции 1980 г.[264]

Кроме этого, в рассматриваемом деле должник также ссылался на забастовку на своем предприятии, как на основание освобождения от ответственности. Ссылка кредитора на предсказуемость данного препятствия ввиду того, что оно возникало уже не в первый раз, осталась безуспешной. Арбитраж пришел к выводу, что стороны исключили признак непредсказуемости препятствия, использовав соответствующую форс-мажорную оговорку[265]. Следовательно, должник не был обязан доказывать его наличие.

В другом деле, рассмотренном международным коммерческим арбитражем ICC[266], спор возник из договора поставки урана, заключенного между продавцом (Германия) и покупателем (США). Применимым правом были определены право Швейцарии и Конвенция 1980 г. В связи с неоплатой товара продавец обратился в третейский суд. Поскольку договор купли-продажи содержал форс-мажорную оговорку, она стала предметом изучения.

Ответчик ссылался на то, что он не может быть привлечен к ответственности ввиду финансовых проблем у покупателя ответчика, что стало причиной нехватки у него самого денежных средств для оплаты товара. Арбитраж

---

[263] Ibid. Point 291.
[264] Ibid. Point 303.
[265] Ibid. Point 308.
[266] ICC International Court of Arbitration. Urangesellschaft GmbH v. Nynco Trading Ltd. CISG 6665. 01 February 2021. 23069/GR. Lausanne.

постановил, что в рассматриваемой ситуации имеют место два самостоятельных договора купли-продажи. Другими словами, стороны имеют двусторонние, а не трехсторонние коммерческие отношения. По этой причине даже подтверждение форс-мажора на стороне покупателя ответчика не может само по себе являться форс-мажором, освобождающим ответчика от обязанности произвести оплату[267]. Для этого в свою очередь необходимо доказать наличие всех признаков форс-мажора, закрепленных в договоре между истцом и ответчиком.

При анализе соответствующей оговорки арбитраж указал, что ее буквальное толкование (from a purely literal perspective) должно приводить к тому, что не факт форс-мажора на стороне покупателя ответчика, а даже простая подача им безосновательного уведомления о таком факте (a mere «claim» of force majeure by the third party) предоставляет ответчику освобождение от ответственности. Однако третейский суд не согласился с данным толкованием и со ссылкой на доктрину о препятствии вне контроля по ст. 79 Конвенции 1980 г. отказался от представленной интерпретации[268]. Далее международный коммерческий арбитраж пришел к выводу о недоказанности признаков форс-мажора на стороне ответчика. Причиной стало, в частности, то, что в такого рода сделках, урегулированных Конвенцией 1980 г., в качестве принципа (as a matter of principle) выступает правило о том, что должник обязан нести ответственность за свое финансовое состояние и не может ссылаться на нехватку денежных средств как на форс-мажор[269].

Таким образом, на сегодняшний день невозможно говорить об устоявшейся практике относительно требований к признанию форс-мажорной оговорки в договорах, к которым применяется Конвенция 1980 г. По нашему мнению, свобода сторон в выборе форс-мажорной оговорки не должна быть безграничной. В любом случае последующие попытки признать и привести в исполнение решения иностранных судов и арбитражей, поддержавших форс-мажорную оговорку, составленную в пользу одной из сторон и ставящую другую

---

[267] Ibid. Point 257.
[268] Ibid. Point 264.
[269] Ibid. Point 271.

сторону в крайне невыгодное положение, вероятно, будут безуспешны из-за противоречия национальному публичному порядку. Такое явление уже широко известно относительно договорных положений о неустойке и процентов за пользование чужими денежными средствами (см. § 3 и 4 Главы 3).

Глава 3. Последствия применения положений о препятствии вне контроля

§ 1. Исключение принудительного исполнения в натуре

Статья 79 Конвенции 1980 г. устанавливает, что при определенных обстоятельствах сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств. Ничто в настоящей статье не препятствует каждой из сторон осуществить любые иные права, кроме требования возмещения убытков на основании Конвенции 1980 г. Освобождение от ответственности распространяется лишь на тот период, в течение которого существует данное препятствие.

С учетом специальной нормы п. 5 ст. 79 Конвенции 1980 г. наличие препятствия вне контроля в период существования препятствия ограничивает кредитора в реализации лишь такого права, как возмещение убытков. Другие права кредитора данным препятствием никак не ограничиваются.

Если препятствие вне контроля исключает лишь взыскание убытков, то принуждение к исполнению в натуре является возможным. В такой ситуации не совсем понятно, почему авторы Конвенции 1980 г. не посчитали необходимым освободить сторону от исполнения обязательства хотя бы на время существования препятствия, так как судебный акт, обязывающий сторону произвести исполнение, все равно не будет исполнен.

Д. Хоннольд отмечает, что такое толкование п. 5 ст. 79 Конвенции 1980 г. оказывается противоречащим п. 1 ст. 79, согласно которому сторона «не несет

ответственности» при наличии препятствия вне контроля[270]. Полагаем, что представленное суждение ученого обусловлено тем, что в США принуждение к исполнению в натуре является мерой ответственности[271].

В России же существует два самостоятельных правовых института: меры гражданско-правовой ответственности и меры защиты. Под гражданско-правовой ответственностью понимается обеспеченное государственным принуждением возложение предусмотренных законом или договором лишений имущественного характера на лицо, совершившее неправомерное действие[272]. При этом меры ответственности подразумевают возложение на лицо дополнительной обязанности, например, уплатить неустойку или возместить убытки. Меры защиты, в свою очередь, не предполагают возложение на сторону дополнительных обязанностей. Меры защиты направлены на принудительное исполнение тех обязанностей, которые были предусмотрены изначально в договоре и должны были быть исполнены. В связи с этим требование исполнить обязательство в натуре является мерой защиты[273]. Следовательно, отмеченное Д. Хоннольдом противоречие п. 1 и п. 5 ст. 79 Конвенции 1980 г. в отношении права требования исполнения обязательства в натуре свойственно не всем правовым системам стран-участниц данного международного договора.

Если обратиться к подготовительным документам Конвенции 1980 г., то можно обнаружить, что в 1974 г. Соединенное Королевство не поддержало формулировку ст. 74 ULIS «не несет ответственности», так как из нее не ясно, от какой именно ответственности освобождается сторона: от возмещения убытков, исполнения обязательства в натуре или даже от расторжения договора другой стороной[274]. По мнению представителя Соединенного Королевства, любое средство правовой защиты должно исключаться при данной формулировке. В

---

[270] Honnold, J.O. Op. cit. P. 494.

[271] Eisenberg, T. and Miller, G.P. Damages versus Specific Performance: Lessons from Commercial Contracts. 12. Journal of Empirical Legal Studies. 2015. P. 65.

[272] Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. С. 315.

[273] Хабиров А.И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 250.

[274] Yearbook 1974. Op. cit. P. 66.

связи с этим им был предложен вариант со следующим дословным переводом: «Сторону не должны обязывать ни осуществлять исполнение в натуре, ни привлекать к ответственности за неисполнение». С предложением в данной части тогда согласились представители Австрии и Норвегии[275]. Однако представитель Венгрии указал, что нет необходимости детализировать, применение каких именно средств правовой защиты исключаются, слово «liable» (рус. «ответственный») охватывает их все[276].

В итоге, в окончательной редакции была утверждена формулировка п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г. в общей форме без детализации каких-либо средств правовой защиты. Вероятно, что данное положение обусловлено отсутствием деления средств правовой защиты в национальных правовых системах наиболее влиятельных стран участников Дипломатической Конференции на меры защиты и меры ответственности.

Таким образом, в части принудительного исполнения в натуре для российской правовой доктрины отсутствует противоречие между п. 1 и 5 ст. 79 Конвенции 1980 г. Однако с учетом представленного анализа подготовительных документов современный дословный перевод п. 1 ст. 79 Конвенции 1980 г., строящийся только на использовании понятия «ответственность» не является оптимальным. Для российского права данные положения надлежало перевести с учетом разделения средств правовой защиты на меры ответственности и меры защиты.

Д. Хоннольд, анализируя ст. 79 Конвенции 1980 г., разъяснил, что требование исполнения обязательства в натуре не было исключено из нее, потому что такое препятствие может быть временным. В этом случае кредитор сможет заявить требование об исполнении обязательства в натуре после прекращения препятствия. Если же недобросовестный кредитор заявит такое требование до того, как препятствие прекратится, то суд будет вправе отказать в удовлетворении иска на основании ст. 28 Конвенции 1980 г., закрепляющей, что суд не обязан

---

[275] Ibid. P. 76-77.
[276] Ibid. P. 79.

выносить решение об исполнении в натуре, кроме случаев, когда он сделал бы это на основании своего собственного закона в отношении аналогичных договоров купли-продажи[277].

С данным подходом нельзя согласиться. Во-первых, с учетом представленных подготовительных документов при создании Конвенции 1980 г. авторами международного договора предполагалось исключение применения принудительного исполнения в натуре в силу общей направленности ст. 79. Во-вторых, суждение Д. Хоннольда предполагает наступление последующей возможности заявления требования принудительного исполнения в натуре после прекращения препятствия, однако такое прекращение предоставляет не только данную возможность, но и возможность потребовать взыскания убытков (т.е. привлечения к ответственности) в случае продолжения неисполнения обязательства должником. Другими словами, если придерживаться данной логики, то необходимо исключать и привлечение должника к ответственности в п. 1 ст. 79, но этого сделано не было. В-третьих, ст. 28 Конвенции 1980 г. была разработана, чтобы обеспечить участие стран англо-саксонской правовой системы, в которых сложилась особая практика применения принудительного исполнения обязательства в натуре[278]. Распространение данного предписания на случаи освобождения от ответственности неправильно.

Таким образом, при наличии препятствия вне контроля судам надлежит исходить из международного характера Конвенции 1980 г. и расширительного толкования п. 1 ст. 79, подразумевающего отказ от принудительного исполнения в натуре в соответствующий период времени.

Факт невозможности исполнения обязательства по ст. 79 Конвенции 1980 г. влечет приостановление исполнения соответствующей стороной соглашения своих обязательств без привлечения ее к ответственности. Кредитор в этом случае не будет иметь право требовать исполнения обязательства в натуре. Если

---

[277] Honnold, J.O. Op. cit. P. 494-495.

[278] Meškić, Z.; Al-Eissa M. Sale of goods contracts in Saudi Arabia: accession to the CISG, the civil transactions act and conflict rules // Anali Pravnog fakulteta u Beogradu. 2025. 73. P. 6.

препятствие окажется временным, то после его прекращения кредитор будет вправе требовать выполнения обещанного по договору.

Еще раз отметим, ст. 79 Конвенции 1980 г. автоматически не прекращает договор при возникновении препятствия вне контроля, а лишь исключает ответственность. Так, в деле Gasum Oy v. Gazprom Export LLC[279] международный коммерческий арбитраж констатировал, что государственное предписание приостановить поставку газа в иностранное государство до момента получения надлежащей оплаты в соответствии с императивной альтернативной процедурой расчетов, которая не была изначально согласована сторонами в договоре, представляет собой форс-мажор по смыслу ст. 79 Конвенции 1980 г. и соответствующей форс-мажорной оговорки, что освобождает должника от ответственности, но не прекращает договор автоматически.

С учетом представленной возможности обращения к национальному праву по ст. 28 Конвенции 1980 г. отметим, что аналогично данному международному договору в российском праве считается, что удовлетворение требования исполнения обязательства в натуре исключается на период существования непреодолимой силы. Важно подчеркнуть, что в России данное правило применительно к непреодолимой силе точно так же законодательно не закреплено, но можно применить общую норму п. 1 ст. 308.3 ГК РФ и толковать его так, что существо обязательства препятствует применению присуждения исполнения обязательства в натуре, пока существует определенное препятствие. Однако суды и без этой нормы приходят к аналогичным выводам.

Например, в деле № А12-14936/2022 суд, установив факт недоказанности ответчиком наличия реальных обстоятельств непреодолимой силы, препятствующих исполнению ответчиком обязательств по поставке спорного товара, пришел к выводу, что требование истца о принуждении ответчика исполнить обязательство в натуре является правомерным и подлежит

---

[279] Gasum Oy v. Gazprom Export LLC. Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151.

удовлетворению[280]. Данная позиция устояла после обжалования в ВС РФ[281]. В представленном деле суд указал, что при доказанности наличия обстоятельства непреодолимой силы принуждение к исполнению обязательства в натуре не допускается. Таким образом, телеологическое толкование ст. 79 Конвенции 1980 г., прямо не исключающей принудительное исполнение в натуре в период существования препятствия, не должно быть чем-то новым для российских правоприменителей.

Необходимо отметить, что временная приостановка исполнения должника ввиду препятствия вне контроля, согласно ст. 71 Конвенции 1980 г., предоставляет аналогичные права кредитору. Так, сторона может приостановить исполнение своих обязательств, если после заключения договора становится видно, что другая сторона не исполнит значительной части своих обязательств в результате: a) серьезного недостатка в ее способности осуществить исполнение или в ее кредитоспособности; или b) ее поведения по подготовке исполнения или по осуществлению исполнения договора. Сторона, приостанавливающая исполнение, должна немедленно дать извещение об этом другой стороне и должна продолжить осуществление исполнения, если другая сторона предоставляет достаточные гарантии исполнения своих обязательств.

§ 2. Право на расторжение договора и последствия его реализации

Статья 79 Конвенции 1980 г. не ограничивает право на расторжение договора[282]. Следовательно, кредитор будет вправе расторгнуть договор, но только в том случае, если задержка должника будет представлять собой существенное нарушение договора (ст. 49 и 64 Конвенции 1980 г.). Согласно ст. 25 Конвенции 1980 г. нарушение договора, допущенное одной из сторон,

---

[280] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.04.2023 г. по делу № А12-14936/2022 // КАД «Мой арбитр».

[281] Определение Верховного Суда РФ от 21.07.2023 г. № 306-ЭС23-12503 по делу № А12-14936/2022 // КАД «Мой арбитр».

[282] Honnold, J.O. Op. cit. P. 494-495; Nicholas, B. Op. cit. P. 236.

является существенным, если оно влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать на основании договора, за исключением случаев, когда нарушившая договор сторона не предвидела такого результата и разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не предвидело бы его.

При толковании данной статьи Верховный федеральный суд ФРГ отметил, что Конвенция 1980 г. исходит из дозволения расторжения договора лишь при отсутствии других возможных средств правовой защиты, в частности снижения цены или возмещения убытков. Расторжение договора может быть доступно кредитору только в качестве крайней меры (ultima ratio) после нарушения договора должником, которое настолько значительно, что существенно лишает кредитора интереса в исполнении[283]. Аналогичная позиция была отражена в другом деле 1996 г.[284]

В доктрине выделяются следующие условия существенного нарушения договора: 1) нарушение, 2) фундаментальность нарушения, 3) предсказуемость ущерба[285].

По общему правилу нарушение не ограничивается каким-либо типом нарушений. Конвенция 1980 г. не проводит различия между неисполнением, просрочкой исполнения и т.д. Даже нарушение дополнительного договорного обязательства, которое напрямую не относится к купле-продаже, может также рассматриваться как фундаментальное нарушение, если договор в целом регулируется Конвенцией 1980 г.

Так, в деле 1991 г., рассмотренном Высшим судом земли г. Франкфурт[286], продавец (Италия) и покупатель (Германия) заключили договор подряда (Werklieferungsvertrag) на изготовление обуви, на которой по условиям договора должен был быть размещен товарный знак, права на который принадлежали покупателю. Суд счел Конвенцию 1980 г. применимой в силу п. 1 ст. 3. После

---

[283] BGH, 24.09.2014 – VIII ZR 394/12. CISG-online 2545.
[284] BGH, 03.04.1996 – VIII ZR 51/95. CISG-online 135.
[285] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 200.
[286] OLG Frankfurt am Main, 17.09.1991 – 5 U 164/90. Marlboro shoes case. CISG-online 28.

начала производства продавец использовал часть обуви для собственной рекламы, выставив ее на выставке в г. Болонья. Узнав об этом, покупатель потребовал немедленно прекратить такое использование товара. Требование покупателя не было выполнено, и он расторг договор в одностороннем порядке.

В данном случае суд постановил, что переговоры, предшествующие заключению соглашения, явно подразумевали, что обувь может быть продана только покупателю, а любое использование товарного знака возможно лишь с согласия правообладателя (покупателя).

В итоге суд пришел к выводу, что в деле имеет место существенное нарушение продавцом своей дополнительной обязанности по ст. 25 Конвенции 1980 г. Это представляло настолько серьезную угрозу цели договора (Vertragszweck), что утрата покупателем какого-либо интереса в сделке была предсказуема для продавца. Демонстрация обуви на ярмарке в Италии подорвала доверие покупателя к производителю и поставила под сомнение готовность продавца соблюдать соглашение о запрете выполнения поставок третьим лицам без согласия покупателя.

Аналогичный вывод о том, что для расторжения договора нет необходимости устанавливать нарушение исключительно основных обязанностей по купле-продаже, сделал Верховный федеральный суд ФРГ[287] в 2014 г.

Тем не менее, кредитор не может ссылаться на неисполнение своих обязательств должником, если действия или бездействие самого кредитора привели к этому (ст. 80), а также, как было установлено ранее, ст. 79 Конвенции 1980 г. не распространяется на случаи ненадлежащего исполнения, выраженного в поставке товара с дефектом.

Фундаментальный характер нарушения предполагает, что кредитор в значительной степени лишается того, на что он был вправе рассчитывать на основании договора. Причем лишение может быть выражено как в разовом нарушении должником определенной обязанности (например, просрочка

---

[287] BGH, 24.09.2014 – VIII ZR 394/12. CISG-online 2545.

поставки), так и в нарушении множества обязанностей[288]. Последний случай менее вероятен при одновременном применении ст. 79 Конвенции 1980 г. Судебная практика признает, что стороны вправе прямо прописать в договоре, какие условия они рассматривают в качестве существенных и неисполнение каких обязанностей должно влечь возникновение у кредитора права расторгнуть соглашение[289].

Даже небольшое формальное нарушение обязанности должника может привести к значительным трудностям на стороне кредитора, что не должно в силу внешней незначительности нарушения приводить к лишению кредитора права расторгнуть договор. Так, Д. Лукофски[290] приводит в пример дело[291], рассмотренное Верховным судом Франции в 2013 г., когда неправильная маркировка срока годности всего лишь на 2 коробках с мясом из 928 привела к изъятию товара ветеринарной службой, что стало причиной значительных расходов покупателя на утилизацию товара и основанием для расторжения договора должником.

Ущерб, как условие установления существенного нарушения договора, не обязательно подразумевает возникновение у кредитора убытков по смыслу ст. 74 Конвенции 1980 г. Допускается также лишь появление вероятности наступления вреда в будущем[292]. Например, в рассмотренном ранее деле[293] 1991 г. показ на ярмарке обуви, заказанной на основе особой спецификации, до ее передачи покупателю без его разрешения стал основанием для расторжения договора до наступления даты исполнения обязательства производителем. В целом Конвенция 1980 г. исходит из того, что если до установленной для исполнения договора даты становится ясно, что одна из сторон совершит существенное нарушение договора, другая сторона может заявить о его

---

[288] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 201.

[289] BGH, 03.04.1996 - VIII ZR 51/95. CISG-online 135.

[290] Lookofsky, J. M. Op. cit. P. 160.

[291] Cour de Cassation, France, 17 December 2013. URL: http://www.cisg.fr/decision.html?lang=fr&date=13-12-17 (date of access: 26.05.2025).

[292] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 201.

[293] OLG Frankfurt am Main, 17.09.1991 – 5 U 164/90. Marlboro shoes case. CISG-online 28.

расторжении (ст. 72). Необходимо обратить внимание, что здесь используется более строгая степень предвидения по сравнению со ст. 71, предоставляющей право не расторгнуть договор, а лишь приостановить его исполнение[294].

Применительно к ст. 25 считается, что в ней речь идет не только о материальном вреде, но и об утрате существенных преимуществ, возникающих из договора. Так, даже репутационный ущерб, который может отразиться на успехе компании в будущем, может быть квалифицирован, как существенное нарушение договора[295].

Последним условием возникновения права на расторжение договора является предвидимость лишения кредитора существенной части преимуществ, на которые он рассчитывал. На практике предсказуемость играет роль только тогда, когда значимость нарушенного обязательства не указана точно в тексте договора или не установлена в ходе переговоров сторон[296]. Причем, согласно ст. 25 Конвенции 1980 г., наличие условия предсказуемости должно презюмироваться[297], т.е. бремя доказывания его отсутствия возлагается на должника.

Б. Николас отмечает, что при возникновении препятствия вне контроля фактически лишь покупатель будет иметь право на расторжение договора. За продавцом такого права не сохраняется, так как сложно представить, чтобы препятствие вне контроля помешало произвести платеж, что можно было бы квалифицировать как существенное нарушение договора со стороны покупателя и потребовать расторжения соглашения[298]. Тем не менее, отметим, что в деле 2021 г. международный коммерческий арбитраж ICC отметил, что покупатель может

---

[294] Абросимова Е.А. Материально-правовой и коллизионный аспекты критерия предвидимости в праве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 65.

[295] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 201.

[296] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 202.

[297] BGH, 03.04.1996 - VIII ZR 51/95. CISG-online 135.

[298] Nicholas, B. Op. cit. P. 236.

рассчитывать на освобождение от ответственности, если платеж в иностранной валюте запрещен государственным нормативно-правовым актом[299].

Согласно п. 1 ст. 82 Конвенции 1980 г., покупатель утрачивает право заявить о расторжении договора, если для покупателя невозможно возвратить товар в том же состоянии, в котором он его получил. Далее в данной статье устанавливаются исключения из этого предписания: a) если невозможность возвратить товар в том же состоянии не вызвана его действием или упущением; b) если товар пришел в негодность в результате осмотра (ст. 38); или c) если товар был продан в порядке нормального ведения торговли или были потреблен или переделан покупателем в порядке нормального использования до того, как он обнаружил или должен был обнаружить несоответствие товара договору.

Необычное расширительное толкование представленной норме было дано в ранее исследованном деле 2024 г.[300] Тогда суд постановил, что в силу принципа добросовестности при поставке технически сложного изделия с дефектом, предназначенного для последующей эксплуатации в экстремальных условиях, исключающих его возврат в том же состоянии, невозможность возврата товара в том же состоянии не является препятствием для расторжения договора покупателем.

Применительно к ст. 79 Конвенции 1980 г. на конкретных примерах необходимо рассмотреть существенные нарушения в виде: просрочки поставки и частичной поставки.

Просрочка поставки как основание для расторжения договора в связи с существенным нарушением договора рассматривалась в деле[301] 2014 г., в котором Верховный федеральный суд ФРГ очень подробно изучил иностранную практику применения соответствующих норм. В данном споре договоры купли-продажи были заключены между немецким покупателем и венгерским продавцом.

---

[299] ICC International Court of Arbitration. Urangesellschaft GmbH v. Nynco Trading Ltd. CISG 6665. 01 February 2021. 23069/GR. Lausanne. Point 271, 272.

[300] Rechtbank Zeeland-West-Brabant. 29.05.2024. № C/02/367340 / HA ZA 20-1. CISG-online 7014.

[301] BGH, 24.09.2014 – VIII ZR 394/12. CISG-online 2545.

Отношения сторон регулировались Конвенцией 1980 г. и субсидиарно применимым немецким правом. Согласно соглашениям сторон, продавец обязался произвести и поставить покупателю формы для изготовления пластиковых автомобильных деталей. По одному из договоров продавец допустил просрочку, что стало причиной спора.

Суд постановил, что по общему правилу простая задержка в исполнении не может влечь за собой возникновение у кредитора права на расторжение договора. Конвенция 1980 г. предусматривает для таких случаев обязанность кредитора устанавливать должнику дополнительный срок (п. 1 ст. 47). Тем не менее, просрочка может быть квалифицирована как существенное нарушение договора, если своевременная поставка представляет особый интерес для покупателя (например, такой интерес, что покупатель предпочел бы не получать товар вовсе, чем получать с задержкой[302]). При этом суд допускает, что могут возникнуть обстоятельства, при которых просрочка должника сама по себе будет иметь вес существенного нарушения договора (das Gewicht einer wesentlichen Vertragsverletzung).

Представляет интерес позиция суда относительно возможности восстановления договорных отношений после расторжения сделки. Высшая судебная инстанция отметила, что в случаях, когда договор расторгается по заявлению кредитора ввиду существенного нарушения договора в виде просрочки должника, последующее принятие исполнения кредитором восстанавливает договорные отношения. В представленном деле суд постановил, что принятие поставки, даже после расторжении договора, подлежит квалификации как изменение договорных отношений по ст. 29 Конвенции 1980 г. посредством повторного заключения договора конклюдентными действиями, согласно предписаниям субсидиарно применимого немецкого права, действовавшего на то время (абз. 1, 2 ст. 11 Вводного закона к ГГУ).

Нарушение в виде выполнения лишь частичной поставки товаров квалифицируется по правилам просрочки. В этом случае считается, что продавец

---

[302] OLG Düsseldorf, 24.04.1997 – 6 U 87/96. CISG-online 385.

нарушает обязательство по поставке не всех товаров, а лишь их части в надлежащие сроки. Частичная поставка и последствия необоснованного заявления кредитора о расторжении договора рассматривались в деле[303] 1997 г. Тогда стороны заключили договор купли-продажи от 24.10.1994. По нему продавец (Италия) поставил покупателю (Германия) 241 пару обуви и выставил счета-фактуры от 3 февраля 1995, 14 февраля 1995 и 3 марта 1995. В договоре стороны определили, что оплата должна быть в течение 60 дней после выставления соответствующих счетов-фактур. Покупатель отказался производить оплату и заявил о расторжении договора, так как продавец выполнил обязательство лишь частично и должен был поставить еще 243 пары обуви. Продавец обратился в суд с требованием взыскания частичной оплаты товара. Покупатель подал встречный иск с требованием возмещения убытков: реального ущерба и упущенной выгоды, а также о производстве зачета требований.

Суд постановил, что простая задержка исполнения не приравнивается к существенному нарушению обязательства. Заявление покупателя о расторжении договора в данном случае является безосновательным (unberechtigte Aufhebungserklärung) и не влечет последствия в виде прекращения договора. Однако в такой ситуации неразумно ожидать последующего исполнения от продавца, даже если при просрочке поставки Конвенция 1980 г. обязывает его исполнить обязательство позже. Необоснованное заявление о расторжении будет квалифицироваться по ст. 80 Конвенции 1980 г. как то, что кредитор сам своими действиями вызвал временное неисполнение (die einstweilige Nichterfüllung) должника. Следовательно, по мнению суда, продавец имеет право отложить исполнение своего обязательства до тех пор, пока покупатель не произведет предварительную оплату, показав признание договора и готовность принять товары. Аналогичная позиция о необходимости применения ст. 80 Конвенции 1980 г. в случае необоснованного расторжения договора отражена в деле[304] 2025 г.

---

[303] OLG Düsseldorf, 24.04.1997 – 6 U 87/96. CISG-online 385.
[304] OLG Köln, 06.02.2025 – 8 U 38/23. CISG-online 7282.

Расторжение договора влечет возникновение у стороны права потребовать возврата другой стороной того, что было первой стороной поставлено или уплачено по договору. Если обе стороны обязаны осуществить возврат полученного, они должны сделать это одновременно (п. 2 ст. 81 Конвенции 1980 г.). М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечают специфику последствий расторжения договора по Конвенции 1980 г. по сравнению с предписаниями права РФ, которое, наоборот, предписывает, что стороны по общему правилу не могут требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента расторжения договора (п. 4 ст. 453 ГК РФ)[305].

Какие-либо положения о праве стороны удержать из возвращаемой суммы свои фактические расходы на исполнение в международном договоре отсутствуют. В то же время высказывается мнение, что суд будет вправе без каких-либо прямых предписаний Конвенции 1980 г. по этому поводу скорректировать права и обязанности сторон при прекращении их контракта ввиду препятствия вне контроля и самостоятельно определить, кто кому что должен[306].

В России отношение к издержкам продавца базируется на буквальном толковании Конвенции 1980 г. Так, в Решении МКАС по делу № 216/2016[307] арбитраж взыскал с продавца сумму предварительной оплаты по п. 2 ст. 81 Конвенции 1980 г. ввиду расторжения договора из-за существенной просрочки продавца, обусловленной препятствием вне контроля. При этом третейский суд не принял во внимание довод продавца о наличии у него расходов на исполнение договора и не рассматривал данный фактор, как основание для удержания им части предоплаты.

---

[305] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. С. 73.

[306] Nicholas, B. Op. cit. P. 236; CISG-AC Opinion № 7. Op. cit.

[307] Решение МКАС при ТПП РФ от 19.01.2018 г. по делу № 216/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

§ 3. Исключение взыскания убытков и неустойки

В соответствии с п. 5 ст. 79 Конвенции 1980 г. требование возмещения убытков прямо исключается при действии правил о препятствии вне контроля. И. Швенцер отмечает, что данное ограничение относится к договорным обязанностям, которые еще не были выполнены и не влияют на существование договора или других обязанностей. Если договор был частично исполнен, то кредитор вправе продолжить осуществлять свои права в отношении исполнения, которое еще возможно[308].

Так, если непредвиденные количественные ограничения на экспорт позволяют должнику исполнить лишь часть обязательства, то кредитор не вправе требовать возмещения убытков, причиненных непоставкой соответствующей части продукции, превышающей установленную квоту. Но кредитор будет вправе взыскать с должника убытки, вызванные, например, просрочкой поставки тех товаров, которые смогли пройти таможенный контроль.

Помимо этого, должник обязан передать кредитору те суммы, которые получены в качестве страховой выплаты за утрату конфискованных товаров, если должник приобретает их как сопутствующую выгоду за препятствие, которое позволяет ему освободиться от исполнения. Тем не менее, сейчас доминирует позиция, которая признает, что такая обязанность вытекает из аналогии п. 2 ст. 84 Конвенции 1980 г. Данное обязательство возникает при условии, что соответствующие суммы должны быть так называемыми commodum ex re (дополнительной выгодой за товары сами по себе). Должник не может быть обязанным передать другие суммы кредитору, как например права, вытекающие из генеральной страховки от пожара или страховки на случай невозможности пользования[309]. Это правило распространяется только на выплаты за сами уничтоженные застрахованные товары[310].

---

[308] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1148-1149.
[309] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1149.
[310] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 673.

Доминирующая позиция относительно оговорок о неустойке состоит в том, что они не регулируются Конвенцией 1980 г. Следовательно, при их квалификации следует исходить из соответствующих национальных правил[311]. В то же самое время высказывается мнение, что данные оговорки охватываются общими принципами, на которых основана Конвенция 1980 г.: принцип свободы договора и возмещения ущерба[312]. В этом случае обращение к национальному праву не требуется. Однако такой подход не получил значительного распространения.

Формально п. 5 ст. 79 Конвенции 1980 г. разрешает кредитору требовать и взыскания неустойки. Хотя разумно полагать, что с учетом идеи, положенной в основу ст. 79, воля создателей данного международного договора на это не была направлена. Д. Масков также отмечает, что применение штрафных санкций в этом случае, несмотря на формулировку п. 5 ст. 79 Конвенции 1980 г., должно быть исключено[313]. Аналогичной позиции придерживаются и в России[314]. В п. 5 Заключения Консультативного совета № 10 отмечается, что если иное не определено соглашением сторон, то взыскание оговоренных в договоре сумм с должника исключается препятствием вне контроля. Однако конвенционное регулирование позволяет сторонам изменить это правило своим договором в силу предписаний ст. 6 Конвенции 1980 г.[315]

К. Бруннер, Б. Готлиб полагают, что договорная неустойка не подлежит взысканию, если она выступает в роли компенсации убытков и не имеет

---

[311] Tallon, D. Op. cit. P. 675; Graves, J. Penalty Clauses and the CISG. 2012. Journal of Law and Commerce. Vol. 30. Issue 2. P. 153.

[312] Zeller, B. Penalty Clauses: Are They Governed by the CISG? 23 Pace Int'l L. Rev. 1 (2011). P. 14.

[313] Maskow, D. Op. cit. P. 665.

[314] Асосков, А.В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров : постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения / Асосков А.В. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 100.

[315] CISG-AC Opinion № 10. Agreed Sums Payable upon Breach of an Obligation in CISG Contracts. Rapporteur: Dr. Pascal Hachem, Bär & Karrer AG. Zurich. Switzerland. Adopted by the CISG-AC following its 16th meeting in Wellington. New Zealand. 3 August 2012. Website of CISG Advisory Council. URL: http://www.cisgac.com/file/repository/CISG_AC_Opinion_No_10_English.pdf (Date of access: 28.04.2022).

кумулятивного эффекта[316]. Например, в деле 2003 г., рассмотренном МКАС[317], хотя международный коммерческий арбитраж и не применил ст. 79 Конвенции 1980 г., но он разъяснил, что вопросы соотношения убытков и неустойки в Конвенции 1980 г. не урегулированы. С учетом субсидиарного применения российского права суд отметил, что в ст. 394 ГК РФ предусмотрен зачетный характер неустойки. В настоящем деле неустойка, подлежащая уплате на основании решения, превышает сумму убытков. В связи с этим МКАС пришел к выводу о невозможности удовлетворения требования покупателя о возмещении указанных убытков. Другими словами, МКАС постановил, что кредитор должен выбирать между взысканием компенсационной неустойки или возмещением убытков. Данные требования взаимоисключают друг друга, если оба полностью покрывают ущерб и упущенную выгоду. Применение же ст. 79 Конвенции 1980 г. в представленном случае сделает невозможным взыскание как неустойки, так и убытков ввиду их одинаковой природы.

Аналогично в споре[318] 2017 г., возникшем из договора международной купли-продажи между продавцом (Украина) и покупателем (Россия), МКАС отметил, что поскольку на стороне продавца имеет место препятствие вне контроля, то он освобождается от ответственности в силу ст. 79 Конвенции 1980 г. (а также п. 3 ст. 401 ГК РФ – субсидиарно применимое право), что исключает взыскание неустойки.

Существует позиция, что, если неустойка согласована в форме, которая не зависит от размера потенциального ущерба, то необходимо устанавливать на основании толкования договора, взял ли должник на себя обязательство произвести выплату неустойки (contractual penalty) в случае наступления препятствия[319]. Данную точку зрения поддерживает И. Швенцер с оговоркой, что действительность такого соглашения будет определяться по применимому

---

[316] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 672-673.

[317] Решение МКАС при ТПП РФ от 04.04.2003 г. по делу № 134/2002 // СПС «КонсультантПлюс».

[318] Решение МКАС при ТПП РФ от 10.10.2017 г. по делу № 251/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[319] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 672-673.

национальному праву (п. «а» ст. 4 Конвенции 1980 г.)[320]. Здесь в качестве примера можно привести случаи, когда суды РФ отказываются взыскивать неустойку, которая носит карательный характер. Таким образом, при субсидиарном применении российского права, даже если суд придет к выводу, что стороны своим соглашением изменили положения ст. 79 Конвенции 1980 г. и предусмотрели штрафную неустойку, он должен будет отказать в ее взыскании, так как данное положение противоречит национальному праву.

Например, в Решении МКАС от 15.04.2019 г. по делу № М-59/2017 суд взыскал с ответчика неустойку, которая значительно превышала размер убытков. При попытке получить исполнительный лист на данное решение Арбитражный суд Уральского округа постановил, что неустойка является мерой гражданско-правовой ответственности должника в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств и носит компенсационный характер по отношению к возможным убыткам кредитора, направленный на восстановление нарушенных прав, а не карательный (штрафной) характер. В связи с этим суд отказал в выдаче исполнительного листа, так как приведение в исполнение данного решения МКАС противоречит публичному порядку России[321].

В 2017 и 2018 гг. Международный арбитражный суд при Белорусской Торгово-промышленной Палате рассмотрел несколько дел[322], в которых было заявлено требование о взыскании предусмотренной в договоре неустойки. Коммерческие отношения сторон регулировались Конвенцией 1980 г. и субсидиарно применимым правом Беларуси. Арбитраж пришел к выводу, что Конвенция 1980 г. не регулирует вопросы, связанные с неустойкой, в связи с чем

---

[320] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1149.

[321] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.2019 г. по делу № А60-30184/2019 // СПС «КонсультантПлюс». (Поддержано Определением Верховного Суда РФ от 28.02.2020 г. № 309-ЭС19-28614)

[322] Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 11.08.2017 г. по делу № 1635/19-17; Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 10.04.2018 г. по делу № 1652/36-17; Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 31.07.2017 г. по делу № 1604/66-16.

в данном аспекте необходимо обратиться к соответствующему национальному праву.

Из этого можно сделать вывод, что при применении ст. 79 Конвенции 1980 г. арбитраж Беларуси также пришел бы к выводу, что если неустойка не урегулирована в международном договоре, то подлежит применению национальное право. Согласно национальному праву Беларуси, неустойка является мерой ответственности[323], что исключает ее взыскание с должника при применении норм о препятствии вне контроля.

Считается, что абсолютное большинство национальных правовых систем признают должника обязанным уплатить договорную неустойку, только когда он несет ответственность за неисполнение[324]. В данной ситуации очень сомнительно, что стороны будут согласовывать обязанность должника уплатить определенную денежную сумму на случай применения к отношениям ст. 79 Конвенции 1980 г. Однако нельзя не отметить, что в деле[325] 1999 г. Международный арбитражный суд при Международной торговой палате (ICC) постановил, что должник не вправе рассчитывать на освобождение от установленной договором неустойки на случай непоставки товара, ссылаясь на ст. 79 Конвенции 1980 г., так как она освобождает только от обязанности возместить убытки и не распространяется на неустойки.

В 2022 г. международный коммерческий арбитраж ad hoc в г. Стокгольм рассмотрел дело Gasum Oy v. Gazprom Export LLC., в котором отметил, что договорная оговорка по типу take-or-pay clause (бери-или-плати), распространенная в контрактах на поставку природных ресурсов, является по своей природе неустойкой. Далее третейский суд постановил, что субсидиарно применимое шведское право, а именно ст. 36 Акта о договорах, рассматривает такие чрезмерно обременительные штрафные неустойки, которые существенно

---

[323] Акименко К.В. Некоторые теоретические и практические проблемы применения неустойки в гражданском праве Республики Беларусь // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2014. № 1 (35). С. 30.

[324] Brunner, C., Gottlieb, B. Op. cit. P. 725.

[325] ICC International Court of Arbitration. March 1999. Final Award № 9978. CISG-online 708.

превышают размер убытков стороны, в качестве «неуместных» (unconscionable) условий, которые не подлежат исполнению[326].

Таким образом, согласно доминирующей позиции, при применении ст. 79 Конвенции 1980 г. взыскание компенсационной неустойки должно быть исключено. Возможность взыскания штрафной неустойки в таком случае подлежит определению по субсидиарно применимому национальному праву, которое в большинстве своем исходит из недопустимости подобных положений.

§ 4. Допустимость взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами

В отличие от неустойки, проценты за пользование чужими денежными средствами регулируются ст. 78 и 84 Конвенции 1980 г. Так, если сторона допустила просрочку в уплате цены или иной суммы, другая сторона имеет право на проценты с просроченной суммы после расторжения договора. Если продавец обязан возвратить предоплату, он должен также уплатить проценты, начисленные на нее, считая с даты ее уплаты. Ставка процентов не определена Конвенцией 1980 г., что свидетельствует о том, что в данном случае имеет место внутренний пробел. Общие принципы, на которых основана Конвенция 1980 г., не позволяют его восполнить. В связи с этим П. Шлехтрим отмечает, что ставка процентов будет исчисляться на основе национального права, применимого к договору[327]. В то же время покупатель обязан вернуть продавцу весь доход, который он получил от использования товара. Проценты в этом случае не подлежат уплате.

И. Швенцер полагает, что право требования уплаты процентов по ст. 78 не является правом на возмещение убытков, подчеркивая различную природу

---

[326] Gasum Oy v. Gazprom Export LLC. Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151. Paras. 724-730.

[327] Schlechtriem, P. Uniform Sales Law - The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Manz. 1986. P. 107.

данных институтов[328]. Аргументом в поддержку представленной точки зрения может служить то, что, исходя из подготовительных документов Конвенции 1980 г., нормы о процентах и убытках были намеренно закреплены в разных разделах международного договора[329]. В ранних исследованиях даже отмечалось, что ст. 78 Конвенции 1980 г. по общему правилу не будет применяться, так как проценты проще будет взыскать, действуя в рамках ст. 74, посвященной возмещению убытков. Роль же ст. 78 Конвенции 1980 г. предполагалась для исключительных случаев, когда возникает препятствие вне контроля и должник освобождается от возмещения убытков, но не от процентов[330].

Такую позицию занял районный суд Виллисау (Швейцарии) в деле[331] 2004 г. Тогда суд постановил, что освобождение от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г. влечет лишь отпадение обязанности возместить убытки. Остальные же средства правовой защиты остаются доступными для кредитора. Обязанность уплатить проценты по ст. 78 не является обязанностью по возмещению убытков (keine Schadenersatzpflicht), а следовательно, она не зависит от того, может ли кредитор обосновать задержку платежа препятствием вне контроля.

В мире встречается и обратный подход. Д.И. Готанда и Т.Д. Сенешаль критикуют сложившуюся практику определения размера процентов по установленной процентной ставке. Авторы предлагают рассматривать проценты как убытки и увеличить размер присуждаемых сумм для достижения справедливой компенсации. Так, в их работе прослеживается связь ответственности и процентов[332]. В этом случае очевидно, что применение ст. 79 Конвенции 1980 г., исключающей ответственность, привело бы к отказу во

---

[328] Schlechtriem & Schwenzer. Op. cit. P. 1152.

[329] Leung, S.L. A critical evaluation of methods for the calculation of interest rate under Article 78 of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods («CISG»). The Comparative Law Journal of the Pacific. 2014. Special Issue: 19. Trade development through harmonization of commercial law. The New Zealand Association for Comparative Law. P. 267.

[330] Schlechtriem, P. Op. cit. P. 99.

[331] Amtsgericht Willisau (Court of First Instance Willisau). Switzerland. 12 March 2004. № 10 01 5. CISG-online 961.

[332] Gotanda, J.Y. and Sénéchal, T.J. Interest as Damages. 2009. Villanova University Legal Working Paper Series. 107. P. 491-536.

взыскании процентов. Отметим, что представленный подход обсуждался во время разработки Конвенции 1980 г., но не получил последующего закрепления[333].

Тем не менее, существуют страны, которые относят проценты к мерам ответственности даже при традиционном определении их размера по действующей процентной ставке. Например, в нашей стране взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами всегда квалифицируется, как мера ответственности. Следовательно, при наличии препятствия вне контроля и освобождении должника от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г. начисление процентов на предоплату будет недопустимо (точно так же как и взыскание убытков). Так, в Решении МКАС по делу № М-65/2019[334] арбитраж установил отсутствие оснований для применения ст. 79 Конвенции 1980 г., но разъяснил, что поскольку ответчик не освобождается от ответственности в рамках п. 1 данной статьи, то он будет привлечен к ответственности в виде обязанности уплатить проценты за пользование чужими денежными средствами. Другими словами, если бы у арбитража были основания освободить должника от ответственности по ст. 79 Конвенции 1980 г., то взыскание процентов бы исключалось.

Такая же логика прослеживается в деле[335] 1996 г., в котором Арбитражный суд при Венгерской торгово-промышленной палате указал, что Конвенция 1980 г. не имеет положений, определяющих порядок и условия начисления процентов за пользование чужими денежными средствами. В связи с этим третейский суд обратился к применимому национальному праву Югославии. Изучив соответствующую доктрину по данному вопросу, арбитраж принял решение, что право Югославии допускает начисление процентов за просрочку, если должник несет за нее ответственность («debtor is responsible for the delay»). Чтобы

---

[333] Yearbook of the United Nations Commission on International Trade Law. 1977. Volume VIII. P. 60 // Website of United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1977_en.pdf (Date of access: 18.11.2025).

[334] Решение МКАС при ТПП РФ от 27.12.2019 г. по делу № М-65/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[335] Arbitration Court attached to the Hungarian Chamber of Commerce and Industry. 10.12.1996. CISG-online 774.

определить, когда должник несет ответственность за просрочку, международный коммерческий арбитраж обратился к п. 4 ст. 262 Закона Югославии об обязательствах. Согласно данной норме, должник несет ответственность, если исполнение стало невозможным после того, как должник просрочил исполнение своего обязательства. В связи с тем, что в данном деле был установлен данный факт просрочки в отношении авансового платежа, суд обязал покупателя уплатить проценты за пользование чужими денежными средствами, начислив их только на ту часть долга (аванс), которая должна была быть уплачена до возникновения препятствия вне контроля. Обязанность по уплате оставшейся части цены договора возникла у покупателя после введения санкций ООН, а значит, югославское право исключает начисление процентов на нее.

В Решении[336] Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате отмечается, что при применении ст. 78 Конвенции 1980 г. для определения размера взыскиваемых процентов необходимо руководствоваться субсидиарно применимыми национальными нормами. Так, арбитраж обратился к ст. 366 Гражданского кодекса Республики Беларусь[337], которая называется: «Ответственность за неисполнение денежного обязательства». В данной статье закрепляется, что размер процентов определяется ставкой рефинансирования Национального банка.

На основании этого можно сделать вывод, что проценты за пользование чужими денежными средствами являются мерой ответственности в Республике Беларусь, применение которой при действии ст. 79 Конвенции 1980 г. будет исключено.

Таким образом, по исследуемому вопросу в мире отсутствует единая позиция. При наличии спора необходимо учитывать положения национального права, которое является применимым субсидиарно, а также национального права, которое действует в стране суда, так как существует вероятность, что суд будет

---

[336] Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 11.08.2017 г. по делу № 1630/14-17.

[337] Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-З // «Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь», 1999 г. № 7-9. Ст. 101.

толковать норму ст. 79 Конвенции 1980 г. через призму своего привычного законодательства.

Вопрос взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами в международной купле-продаже в целом является спорным не только ввиду сложностей при применении соответствующих положений Конвенции 1980 г. во время рассмотрения спора, но и при последующей попытке добиться признания и приведения данного решения в исполнение в государстве, отличном от места проведения разбирательства. Так, в 2005 г. Верховный суд Австрии рассмотрел дело[338], в котором был исследован вопрос признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения (Арбитражное решение Внешнеторгового арбитражного суда при Югославской торговой палате от 03.04.2002 г. № Т 20/00), которым должнику предписывалось выплатить значительные проценты (Zinsen), процентная ставка которых была определена самим соглашением сторон.

В данном деле продавец заключил договор купли-продажи (Kaufvertrag) с покупателем, который регулировался Конвенцией 1980 г. и субсидиарно применимым югославским правом. Договор содержал оговорку об уплате процентов за просрочку по оплате товара в размере 2% от суммы долга, начисляемых ежедневно (Zinsen von 2 % täglich abgerechnet) с капитализацией.

В своем решении арбитражный суд (Schiedsgericht) постановил начислить проценты за просрочку платежа в размере 0,2% в день (с ежедневной капитализацией), что соответствует процентной ставке 73% годовых (entspricht eine Verzinsung von 0,2% täglich einem Zinssatz von 73 % pa [pro Jahr]). Верховный суд Австрии постановил, что судебная практика исходит из того, что возможное присуждение процентов с учетом иностранной процентной ставки, которая существенно превышает внутреннюю (национальную) процентную ставку за просрочку платежа, установленную законом, не противоречит публичному порядку Австрии (widerspricht ... nicht dem ordre public). Аналогичное правило должно действовать для соглашения сторон о размере соответствующей

[338] OGH. 26.01.2005. № 3Ob221/04b.

процентной ставки, даже когда она существенно превышает национальную. Далее суд сослался на решение немецкого суда, когда процентная ставка в размере 30% годовых, действующая в Италии, не была признана противоречащей публичному порядку Германии.

Высшая инстанция отметила, что лимит ростовщичества (Wuchergrenze) закреплен в § 1335 Всеобщего гражданского уложения Австрии, который состоит в запрете процентов, превышающих основную сумму долга. Однако в данном случае данное положение неприменимо, так как оно не рассчитано на коммерческие отношения между хозяйствующими субъектами.

Суд обратил внимание на то, что размер процентов очевидно не противоречит и национальному праву страны, являющейся местом проведения арбитражного разбирательства (г. Белград, Югославия) (nach dem Recht des Sitzstaates offenbar nicht unzulässig).

После этого Верховный суд Австрии указал, что австрийское право не устанавливает ограничений свободы договора на закрепление размера процентов, до тех пока отсутствуют основания полагать нарушение соглашением добрых нравов (die guten Sitten) (§ 879 Всеобщего гражданского уложения Австрии). Нарушение договором добрых нравов может иметь место при наличии существенного неравенства встречных исполнений сторон (bei auffallendem Missverhältnis), когда к данному недостатку присоединяется еще элемент аморальности, как например, угроза экономического существования должника (Bedrohung der wirtschaftlichen Existenz), известная другой стороне.

Таким образом, Верховный суд Австрии пришел к выводу, что с учетом сроков начисления процентов и их капитализации эффективная годовая процентная ставка будет в размере 107,35%, что не только противоречит добрым нравам (sittenwidrig) по смыслу § 879 Всеобщего гражданского уложения Австрии, но и австрийскому публичному порядку (österr. ordre public). Уже в первый год проценты за просрочку платежа (в качестве компенсации за просрочку платежа и, следовательно, за реальный ущерб) превышают основную сумму долга (оставшуюся покупную цену) и, таким образом, нарушают основополагающие

принципы австрийского обязательственного права. По мнению суда, представленное национальное правило служит для защиты национальной правовой системы, которая должна быть защищена от вторжения правовых принципов, которые совершенно с ней несовместимы, и от недопустимого нарушения основополагающих ценностей австрийской правовой системы. Целью процентов является защита от инфляции, а не обогащение кредитора.

Подводя итог, можно сделать вывод, что национальные правопорядки достигли значительной определенности в рассматриваемом вопросе. С учетом того, что согласно преобладающему мнению, Конвенция 1980 г. предполагает в данном случае обращение к субсидиарно применимому национальному праву, результат правоприменения может быть достаточно точно спрогнозирован заранее.

По нашему мнению, при наличии препятствия вне контроля допустимо взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, так как наличие препятствия вне контроля ограничивает применение лишь Раздела II Главы IV «Убытки» (мера ответственности) и не затрагивает действия норм статей 78 и 84 Конвенции 1980 г., посвященным начислению процентов (мера защиты).

Размер процентов является внутренним пробелом конвенционного регулирования и подлежит определению на основе субсидиарно применимого права. Лишь установление нулевой процентной ставки в соответствующем государстве влечет невозможность их взыскания.

Подход российской судебной практики, не допускающий взыскания процентов при наличии препятствия вне контроля, основан на распространении национальной правовой концепции процентов, предусмотренных в статье 395 Гражданского кодекса РФ и являющихся мерой ответственности, на международные нормы в нарушение принципа учета международного характера Конвенции 1980 г.

Заключение

Препятствие вне контроля по Конвенции 1980 г. является важным институтом права международной торговли, предоставляющим должнику возможность избежать ответственности в случае наступления форс-мажорного обстоятельства. Настоящая работа позволила выявить проблемы, возникающие при толковании положений Конвенции 1980 г. о препятствии вне контроля, и предложить пути их решения.

Автором было сформулировано общее понятие препятствия вне контроля, под которым понимается юридический факт (событие или действие),

– возникновению которого нельзя было помешать (непредотвратимость);

– ввиду которого нельзя было выполнить обязательство альтернативным способом (непреодолимость);

– который возник после заключения договора;

– который не относился к сфере рисков, принятых на себя должником при заключении договора (вне контроля), который не мог и не должен был в момент заключения договора осознавать существенную вероятность создания этим юридическим фактом в будущем преград к исполнению (непредвидимость), которые осложнят его до такой степени, что от должника разумно нельзя будет его ожидать.

В ст. 79 Конвенции 1980 г. при описании того, насколько препятствие должно отягчать исполнение должника, отмечаются вовсе не возможности самого должника к исполнению (как в классических теориях невозможности исполнения), а возможность ожидания разумным лицом такого исполнения. В связи с этим делается вывод не только о том, что авторы Конвенции 1980 г. не были намерены сделать норму жесткой и привязанной исключительно к объективной невозможности исполнения, но и о том, что подход, реализованный в ст. 79 Конвенции 1980 г., отличается от традиционно описываемых в доктрине и применяемых в национальных правовых системах при формулировании юридических норм данного характера. Несмотря на использование в

Конвенции 1980 г. альтернативного варианта закрепления условия применения освобождения от ответственности, представленная модель наиболее приближена к смешанной теории невозможности исполнения.

Таким образом, ст. 79 Конвенции 1980 г. не исключает свое применение к препятствиям, которые обременяют одну из сторон и существенным образом изменяют равновесие договорных обязательств, но не делают исполнение объективно невозможным. Анализ судебной практики и доктрины не позволяет однозначно установить универсальных критериев степени обременения должника в данном случае. Это обусловлено замыслом авторов ст. 79 создать гибкую норму, которая была бы составлена без императивных ориентиров, позволив судам разрешать споры по справедливости в зависимости от распределения рисков между сторонами и обстоятельств конкретного дела: типа препятствий, сроков исполнения обязательства, возможностей должника, интереса кредитора в исполнении и т.д.

На основании анализа научной литературы, судебной практики и аутентичного английского текста Конвенции 1980 г. делается вывод, что принимаемые должником меры, направленные на выполнение обязательства при наличии или угрозе возникновения препятствия вне контроля, должны состоять в предотвращении его возникновения, если препятствие еще не наступило, и в его преодолении, если препятствие уже наступило.

Проблема отсутствия в тексте ст. 79 признака «непредотвратимости» должна решаться расширительным толкованием понятия «избежать», формально не подразумевающего оказания на препятствие какого-либо воздействия для недопущения его наступления (синоним: «миновать»). Буквальное толкование данного понятия привело бы к его отождествлению с понятием «преодолеть» и освобождению должника от обязанности принятия превентивных мер, состоящих в недопущении наступления препятствия вне контроля.

Автором обнаружено отличие английского и русского аутентичных текстов Конвенции 1980 г., в частности положений п. 4 ст. 79. Русский текст содержит понятие «обязательство», что вызывает вопросы о том, в каком

значении используется слово, а именно, «одна из обязанностей» или «все обязательство в целом». В английской редакции используется формулировка: «The party who fails to perform», что однозначно переводится не как неисполнение отдельной обязанности в рамках договора купли-продажи, а как неисполнение договора в целом. В немецком переводе ситуация аналогична английской версии.

Выявлено, что суды крайне неохотно применяют норму п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г. об освобождении от ответственности должника ввиду препятствия вне контроля на стороне привлеченного им третьего лица. Выделяемые в доктрине подходы по отнесению к понятию «лицо, привлеченное должником» хозяйствующих субъектов, выполняющих различные функции, не находят однозначной поддержки в судебной практике. Фактически данная норма не применяется, а те судебные решения, которые поддерживают применение положений п. 2 ст. 79 Конвенции 1980 г., существенно критикуются.

Таким образом, Конвенция 1980 г. – это универсальный международный договор, чьи нормы о препятствии вне контроля специально не создавались копирующими национальные предписания определенной страны, а значит, они не могут толковаться в контексте соответствующего применимого права. В связи с этим данные предписания имеют определенную специфику их интерпретации с учетом своей международной природы в отличие от норм национального права.

Список использованных источников и литературы

1. Международные договоры и иные международные документы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

2. Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 46-74.

3. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. ст. 772.

4. Конвенция об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII. - М. 1935. С. 326 - 339.

5. Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права от 25.06.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://clck.ru/38EM3t (Дата обращения: 26.01.2024 г.).

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Приложение. Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. 12 декабря 2001 г. - Док. ООН A/RES/56/83.

7. Резолюция 2205 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1966 г. // Сайт ООН. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/resolution/gen/nr0/787/99/img/nr078799.pdf?openelement (Дата обращения: 28.04.2022 г.).

8. Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Website of Publications Office of the European Union. URL: https://eur-

lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008R0593&qid=1649855259136 (Date of access: 13.04.2022).

9. Havana Declaration on «Current development challenges: the role of science, technology and innovation» // Official website of the UN. URL: https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2023/09/havana-declaration-2023.pdf (Date of access: 26.01.2024).

10. RES/53/S 6 «Extraterritorial Application of National Legislation: Sanctions Imposed Against Third Parties» 18.09.2014 // Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: https://clck.ru/38F89c (Date of access: 26.01.2024).

2. Нормативно-правовые акты Российской Федерации

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

13. Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» // СЗ РФ. 04.04.2022. № 14. Ст. 2244.

3. Зарубежное законодательство

14. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-З // «Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь», 1999 г. № 7-9. Ст. 101.

15. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 // Reichsgesetzblatt. S. 195 // Offizielle Webseite des Bundesministeriums der Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (Zugriffsdatum: 30.06.2024).

4. Официальные материалы

16. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 4.

17. Общеевропейское право купли-продажи (CESL) // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52011PC0635 (Date of access: 14.04.2025).

18. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). 2016 г. // Официальный сайт Международного института унификации частного права. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf (Дата обращения: 26.04.2022 г.).

19. Проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 27.03.2023 г. № A/HRC/52/L.18. Совет по правам человека. Пятьдесят вторая сессия. 27 февраля — 4 апреля 2023 года. Негативное воздействие односторонних принудительных мер на осуществление прав человека. URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/52/L.18 (Дата обращения: 02.06.2025 г.).

20. Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции 1980 г. // Официальный сайт Комиссии ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/cisg_digest_2016_r.pdf (Дата обращения: 09.04.2025 г.).

21. Совместное коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел РФ, Республики Индия и КНР от 18.04.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://clck.ru/38EPcV (Дата обращения: 26.01.2024 г.).

22. CISG-AC Opinion № 10. Agreed Sums Payable upon Breach of an Obligation in CISG Contracts. Rapporteur: Dr. Pascal Hachem, Bär & Karrer AG. Zurich. Switzerland. Adopted by the CISG-AC following its 16th meeting in Wellington. New Zealand. 3 August 2012. Website of CISG Advisory Council. URL: http://www.cisgac.com/file/repository/CISG_AC_Opinion_No_10_English.pdf (Date of access: 28.04.2022).

23. CISG-AC Opinion № 20. Hardship under the CISG. Rapporteur: Prof. Dr. Edgardo Muñoz. Universidad Panamericana. Guadalajara. Mexico. Adopted by the CISG Advisory Council following its 27th meeting. Puerto Vallarta. Mexico. 2 – 5

February 2020 // Website of CISG Advisory Council. URL: http://cisgac.com/opinion-no20-hardship-under-the-cisg/ (Date of access: 28.04.2022).

24. CISG-AC Opinion № 7. Exemption of Liability for Damages under Article 79 of the CISG. Rapporteur: Professor Alejandro M. Garro. Columbia University School of Law. New York. N.Y. USA. Adopted by the CISG-AC at its 11th meeting in Wuhan. People's Republic of China. 12 October 2007 // Website of CISG Advisory Council. URL: https://www.cisgac.com/file/repository/CISG_Advisory_Council_Opinion_No_7.pdf (Date of access: 28.04.2022).

25. ICC Force Majeure and Hardship Clauses. March. 2020. 6 p. // Website of ICC. URL: https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2020/03/icc-forcemajeure-hardship-clauses-march2020.pdf (Date of access: 28.04.2022).

26. Yearbook of the United Nations Commission on International Trade Law. 1977. Volume VIII. 315 p. // Website of United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1977_en.pdf (Date of access: 18.11.2025).

27. Yearbook of the United Nations Commission on International Trade Law. 1975. Volume VI. 303 p. // Website of United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1975_e.pdf (Date of access: 27.04.2022).

28. Yearbook of the United Nations Commission on International Trade Law. 1974. Volume V. 347 p. // Website of United Nations Commission on International Trade Law. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1974_e.pdf (Date of access: 27.04.2022).

5. Литература

5.1. Литература на русском языке

5.1.1. Монографии, учебники, диссертации, авторефераты

29. Абросимова Е.А. Материально-правовой и коллизионный аспекты критерия предвидимости в праве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 225 с.

30. Асосков, А.В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров : постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения / Асосков А.В. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. 300 с.

31. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. 780 с.

32. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. [М.М. Богуславский и др.; ред. В.И. Кулешова]. - М.: Юрид. лит., 1994. 320 с.

33. Викторова Н.Н. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: толкование и применение национальными судами государств: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 213 с.

34. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 511 с.

35. Евинтов В. И. Многоязычные договоры в современном международном праве. Отв. ред.: Ульянова Н.Н. — Киев: Наук. думка. — 1981. 132 с.

36. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения. автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Москва, 2017. 35 с.

37. Захарова О.Н. Непреодолимая сила и гражданско-правовая ответственность: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 175 с.

38. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах : (Учеб. пособие) / В.А. Ойгензихт. Душанбе: Тадж.ун-т, 1980. 111 с.

39. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). – 2-изд., испр. и доп. / Отв. Ред.: доктора юридических наук, заслуженные деятели науки Российской Федерации Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко – М.: ИНФРА-М: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2009. 608 с.

40. Международная купля-продажа товаров: Комментарий к правовому регулированию и к практике разрешения споров. - 4-е изд. испр. и доп. М.: Статут, 2010. 462 с.

41. Международное частное право = Private international law : учебник / В.А. Канашевский. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Международные отношения, 2019. - 1064 с.

42. Огнева К.О. Исключение и освобождение от ответственности за нарушение договора: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 220 с.

43. Санников Н.Г. Английское контрактное право. 2-е изд., испр. - М.: Р.Валент, 2010. – 192 с.

44. Талалаев А. Н. Право международных договоров. В 2-х т. Т. 2. Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М.: Издательство «Зерцало-М», 2019. 504 с.

5.1.2. Статьи

45. Агаларова М.А. Ограничительные меры (реторсии) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 1 (21). С. 52–56.

46. Акименко К.В. Некоторые теоретические и практические проблемы применения неустойки в гражданском праве Республики Беларусь // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2014. № 1 (35). С. 26-35.

47. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 86–100.

48. Алимова Я.О. Особенности регулирования форс-мажора в международном частном праве в «ковидную» эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3 (79). С. 119-128.

49. Алимова Я.О. Проблемы формулирования отдельных видов оговорок международного коммерческого контракта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12 (28). С. 20-32.

50. Асосков А.В. Коллизионное регулирование вопросов правоспособности юридического лица и полномочий его органов: как найти баланс между интересами участников юридического лица и потребностями гражданского оборота? // Вестник гражданского права. 2014. № 4. 28.С. 7–55.

51. Вилкова Н. Г. Конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров и практика разрешения споров Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате России // Хозяйство и право. 1995. № 9. С. 109-117.

52. Епифанова Т.О., Денисенко Р.В. Коронавирус как форс-мажор в трансграничном контракте // Вестник Евразийской академии административных наук. 2020. № 2 (51). С. 37-43.

53. Ерали А. Экономическое санкционное право или реторсия // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 166–168.

54. Загинайко Ю.Д. Санкции США и Европейского союза как основание неисполнения обязательства: вопросы судебной практики // Арбитражные споры. 2023. № 2. С. 86–98.

55. Зыкин И. С. Венская конвенция 1980 г. и обычаи международного коммерческого оборота // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: К 10-летию ее применения в России. М. 2001. С. 23–26.

56. Кожеуров Я.С. Война «санкций» и право международной ответственности // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 179-182.

57. Комаров А.С. Освобождение от ответственности при нарушении договора международной купли-продажи товаров // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 90-95.

58. Стригунова Д.П. Оговорки в международных коммерческих договорах с участием российских предпринимателей // Гражданское право. 2024. № 1. С. 34-37.

59. Тагаева С.Н. Пандемия как основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности в международных коммерческих

контрактах? // Наука, образование: предпринимательская деятельность в поведенческой экономике, формы реализации и механизмы обеспечения. Материалы Национальной научно-практической конференции. Под ред. Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. 2020. С. 266-271.

60. Хабиров А.И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226-259.

5.2. Литература на иностранных языках

5.2.1. Монографии, учебники, диссертации

61. Bien, F. Grundkurs Bürgerliches Recht IIa. Allgemeines Schuldrecht. Kursbegleitendes Skript. 2017. 96 S.

62. Brunner, C. Force Majeure and Hardship under General Contract Principles - Exemption for Non-Performance in International Arbitration, 2009. 589 p.

63. Commentary on the UN Sales Law (CISG) ed. by Christoph Brunner, Benjamin Gottlieb. - Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Kluwer Law International, 2019. 774 p.

64. Daniel, E.U., Mohnert, A. Vertragsrecht in der Coronakrise: Online-Tagung im April 2020. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG. Baden-Baden. 2020. 258 S.

65. Edward, L.R. Wirtschaftssanktionen und internationale Handelsschiedsverfahren: Internationaler Gerechtigkeitspluralismus im transnationalen Wirtschaftsverkehr. Mohr Siebeck Verlag. 2024. Tübingen. 612 S.

66. Froehlich J. Minor dissertation. The Vienna Convention: A uniform approach to fill gaps within the scope of the Convention. University of Cape Town School for Advanced Legal Studies. 2007. 91 p.

67. Heck, P. Grundriß des Schuldrechts. Aalen : Scientia, 1958. XVI, 492 S.

68. Honnold, J.O. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention : 3rd edition / J.O. Honnold. – Kluwer Law International, 1999. 541 p.

69. Lookofsky J. M. Understanding the CISG. A compact guide to the 1980 United Nations Convention on contracts for the International Sale of Goods. 6th (worldwide) ed. - Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Kluwer Law International B.V., 2022 ; Copenhagen : DJØF Publishing, 2022. 321 p.

70. McKendrick, E. Force Majeure and Frustration of Contract. 2-nd Ed. 1995. Lloyd's of London Press Ltd. 363 p.

71. Plate, J., Geier, A. Das gesamte examensrelevante Zivilrecht. Springer Berlin, Heidelberg. 2021. 7. Auflage. 2019 S.

72. Schlechtriem & Schwenzer. Commentary on the UN Convention on the international Sale of Goods (CISG). ed. by I. Schwenzer. 4th ed. Oxford University Press, 2016. 1602 p.

73. Schlechtriem, P. Uniform Sales Law - The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Manz. 1986. 116 p.

74. The Law of International Responsibility. Oxford Commentaries on International Law / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. Oxford. 2010. 1296 p.

75. Vogg, D.A.P. Leistungsstörungsrechte des BGB, der CISG, des DCFR und der Principles. Dissertation. 2010/2011. 301 S.

5.2.2. Статьи

76. Bridge, M. The CISG and the UNIDROIT principles of international commercial contracts. Uniform Law Review - Revue de droit uniforme, online. 2014. pp. 1-20.

77. DiMatteo, L. Contractual Excuse Under the CISG: Impediment, Hardship, and the Excuse Doctrines. 27 Pace Int'l L. Rev. 258 (2015). P. 258-305.

78. DiMatteo, L., Dhooge, L., Greene, S., Maurer, V. The Interpretive Turn in International Sales Law: An Analysis of Fiften Years of CISG Jurisprudence // Northwestern Journal of International Law & Business. Vol. 24. Issue 2. 2004. Winter. P. 299-440.

79. Eggers, S.M. Hardship within the scope of the CISG // Retsvidenskabeligt Tidsskrift (Rettid). 2020. 40 p.

80. Eisenberg, T. and Miller, G.P. Damages versus Specific Performance: Lessons from Commercial Contracts. 12. Journal of Empirical Legal Studies. 2015. 29-69 p.

81. Gotanda, J.Y. and Sénéchal, T.J. Interest as Damages. 2009. Villanova University Legal Working Paper Series. 107. P. 491-536.

82. Graves, J. Penalty Clauses and the CISG. 2012. Journal of Law and Commerce. Vol. 30. Issue 2. P. 153-172.

83. Hofer, A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention // Chinese Journal of International Law. Vol. 16. 2017. №. 2. P. 175-214.

84. Houtte, H.V. Changed Circumstances and Pacta Sunt Servanda // Gaillard (ed.). Transnational Rules in International Commercial Arbitration (ICC Publ. Nr. 480, 4). Paris. 1993. P. 105-123.

85. Ishida, Y. CISG Article 79: Exemption of Performance, and Adaptation of Contract Through Interpretation of Reasonableness ─ Full of Sound And Fury, but Signifying Something // Pace International Law Review. 30. 2018. P. 331-382.

86. Kanashevsky, V.A. Sanctions as a Force Majeure: The Approaches in Russian and Foreign Practice // Czech Yearbook of International Law. Volume XV. 2024. Force Majeure, Restrictions and Sanctions. P. 45-63.

87. Khanderia, S. Commercial impracticability under the Indian law of contract: the UNIDROIT principles as the way forward? // UCL Journal of Law and Jurisprudence. 2018. 7 (2). P. 52-71.

88. Lalive, P. Arbitration with foreign states state-controlled entities: some practical questions, in: Julian D. M. Lew (ed.). Contemporary Problems in International Arbitration. 1987. P. 289-296.

89. Leung, S.L. A critical evaluation of methods for the calculation of interest rate under Article 78 of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods («CISG»). The Comparative Law Journal of the Pacific. 2014. Special Issue: 19. Trade development through harmonization of commercial law. The New Zealand Association for Comparative Law. P. 245-288.

90. Lookofsky, J. Walking the article 7(2) tightrope between CISG and domestic law // Journal of Law & Commerce. Volume 25. Issue 1. 2006. P. 87-105.

91. Magnus U. CISG and CESL. JOUR. 2012/09/01. Max Planck Private Law Research Paper № 12/27. P. 225-255.

92. Maskow, D. Hardship and Force Majeure // American Journal of Comparative Law. 1992. 40. P. 657-669.

93. Mazzacano, P. The Treatment of CISG Article 79 in German Courts: Halting the Homeward Trend. Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper № 7/2013. 30 p.

94. Meškić, Z., Al-Eissa, M. Sale of goods contracts in Saudi Arabia: accession to the CISG, the civil transactions act and conflict rules // Anali Pravnog fakulteta u Beogradu. 2025. 73. 37 p.

95. Nicholas, B. The Vienna Convention on International Sales Law. 1989. 105. Law Quarterly Review. 201-243 p.

96. Oral, T. Exemption from liability according to the art. 79 of the Convention on International Sale of Goods (CISG) // Tribuna Juridică 20. P. 644-658.

97. Pignatta, F.A. Les moyens de sauver le contrat et le hardship dans la convention de vienne : une approche avec les droits d'amérique latine. R.I.D.C. 4-2017. P. 807-820.

98. Rothermel, M. Ereignisse (Coronavirus, Brexit, Embargos, Zölle, u.a.) und höhere Gewalt, Unmöglichkeit, Wegfall der Geschäftsgrundlage, Hardship, Frustration im BGB und in anderen Rechtsordnungen – braucht es eine Klausel? // Internationales Handelsrecht, Jun 2020, Vol. 20. Issue 3. 89-98 S.

99. Schwenzer, I. Force Majeure and Hardship in International Sales Contracts // Victoria University of Wellington Law Review. 2008. 39. P. 709-725.

100. Schwenzer, I. Interpretation and gap-filling under the CISG // Current Issues in the CISG and Arbitration. International Commerce and Arbitration. Vol. 15. 2014. P. 109-118.

101. Tallon, D. Damages, Exemption Clauses, and Penalties. 40 Am.J.Comp.L. 1992. P. 674-682.

102. Terry, P. Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law?, 30 Wash. Int'l L.J. 1. 2020. 27 p.

103. Zeller, B. Penalty Clauses: Are They Governed by the CISG? 23 Pace Int'l L. Rev. 1 (2011). 14 p.

6. Справочные материалы

104. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2.: Тип. М.О. Вольфа. СПб. - М. 1881. 807 с.

105. Collins Cobuild English Language Dictionary. [developed and comp. in the Engl. Dep. at the Univ. of Birmingham]. Ed. in chief John Sinclair. London; Glsgow : Collins; Stuttgart : Klett 1987. 1703 p.

7. Российская юридическая практика

106. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».

107. Решение МКАС при ТПП РФ от 09.12.2021 г. по делу № М-157/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Решение МКАС при ТПП РФ от 27.12.2019 г. по делу № М-65/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

109. Решение МКАС при ТПП РФ от 03.07.2019 г. по делу № М-243/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

110. Решение МКАС при ТПП РФ от 19.01.2018 г. по делу № 216/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

111. Решение МКАС при ТПП РФ от 10.10.2017 г. по делу № 251/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

112. Решение МКАС при ТПП РФ от 22.01.2009 г. по делу № 76/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

113. Решение МКАС при ТПП РФ от 17.12.2007 г. по делу № 35/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

114. Решение МКАС при ТПП РФ от 04.04.2003 г. по делу № 134/2002 // СПС «КонсультантПлюс».

115. Определение Верховного суда РФ от 18.02.2022 г. № 305-ЭС21-29228 по делу № А40-241276/2020 // КАД «Мой арбитр».

116. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2020 г. № 309-ЭС19-28614 // СПС «КонсультантПлюс».

117. Определение Верховного суда РФ от 11.10.2019 г. № 309-ЭС19-17365 по делу № А76-26950/2018 // КАД «Мой арбитр».

118. Определение Верховного Суда РФ от 21.07.2023 г. № 306-ЭС23-12503 по делу № А12-14936/2022 // КАД «Мой арбитр».

119. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.10.2023 г. по делу № А40-6734/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

120. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.10.2020 г. по делу № А41-90431/2019 // КАД «Мой арбитр».

121. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.04.2024 г. по делу № А40-302776/2022 // КАД «Мой арбитр».

122. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.2019 г. по делу № А60-30184/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

123. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.05.2020 г. по делу № А55-17758/2019 // КАД «Мой арбитр».

124. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.04.2023 г. по делу № А12-14936/2022 // КАД «Мой арбитр».

125. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 12.07.2023 г. по делу № А59-7138/2022 // КАД «Мой арбитр».

126. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2021 г. по делу № А40-241276/20 // КАД «Мой арбитр».

127. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2023 г. по делу № А40-6734/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

128. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2021 г. по делу № А66-839/2021 // КАД «Мой арбитр».

129. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2020 г. по делу № А41-90431/19 // КАД «Мой арбитр».

130. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2023 г. по делу № А40-302776/2022 // КАД «Мой арбитр».

131. Решение Арбитражного суда Самарской области от 16.10.2019 г. по делу № А55-17758/2019 // КАД «Мой арбитр».

132. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 27.12.2018 г. по делу № А76-26950/2018 // КАД «Мой арбитр».

133. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15.05.2024 г. по делу № А53-39419/2023 // КАД «Мой арбитр».

134. Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 05.05.2025 г. по делу № А26-7934/2024 // КАД «Мой арбитр».

135. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.09.2023 г. по делу № А40-302776/22-51-2445 // КАД «Мой арбитр».

136. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 06.04.2023 г. по делу № А40-6734/23-62-54 // КАД «Мой арбитр».

137. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.02.2023 г. по делу № А40-129186/2022-52-995 // КАД «Мой арбитр».

138. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.12.2023 г. по делу № А40-121033/2023-52-989 // КАД «Мой арбитр».

8. Иностранная юридическая практика

139. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 11.08.2017 г. по делу № 1635/19-17.

140. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 10.04.2018 г. по делу № 1652/36-17.

141. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 31.07.2017 г. по делу № 1604/66-16.

142. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 11.08.2017 г. по делу № 1630/14-17.

143. Separate Award, SCC Arbitration № V2014/078/080, 31 May 2017, CISG-online 4683.

144. Gasum Oy v. Gazprom Export LLC. Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151.

145. ICC International Court of Arbitration. Urangesellschaft GmbH v. Nynco Trading Ltd. CISG 6665. 01 February 2021. 23069/GR. Lausanne.

146. Cairo Regional Centre for International Commercial Arbitration. Case № 1527/2021. 19.02.2023.

147. ICC International Court of Arbitration. March 1999. Final Award № 9978. CISG-online 708.

148. Ad hoc Arbitral Tribunal. Stockholm (Sweden). 14.11.2022. CISG-online 7151.

149. ICC International Court of Arbitration. ICC-FA-2023-050. CISG 6849. Madrid (Treated steel case). 2023.

150. Arbitration Court attached to the Hungarian Chamber of Commerce and Industry. 10.12.1996. CISG-online 774.

151. Internationales Schiedsgericht der Bundeskammer der gewerblichen Wirtschaft - Wien; SCH-4366. 15.06.1994 // CISG online 121.

152. Davis Contractors Ltd v Fareham Urban District Council [1956] A.C. 696 // Online legal research service «Westlaw».

153. Fothergill v Monarch Airlines Ltd. [1981] A.C. 251 // Online legal research service «Westlaw».

154. Edwinton Commercial Corp v Tsavliris Russ (Worldwide Salvage & Towage) Ltd. [2007] EWCA Civ 547 // Online legal research service «Westlaw».

155. J. Lauritzen A.S. v Wijsmuller B.V. [1990] 1 Lloyd's Rep 1 // Online legal research service «Westlaw».

156. Banco San Juan Internacional Inc v Petroleos De Venezuela SA. [2020] EWHC 2937 (Comm) // Online legal research service «Westlaw».

157. Macromex SRL v Globex International, Inc. 2008 WL 1752530 // Online legal research service «Westlaw».

158. C. Czarnikow Ltd Appellants v Centrala Handlu Zagranicznego Rolimpex Respondents // [1978] 3 W.L.R. 274 // Online legal research service «Westlaw».

159. Ralli Bros v Compañia Naviera Sota y Aznar [1920] 2 K.B. 287 // Online legal research service «Westlaw».

160. MUR Shipping BV v RTI Ltd [2024] UKSC 18 // Online legal research service «Westlaw».

161. Gravelor Shipping Ltd v GTLK Asia M5 Ltd [2023] 2 Lloyd's Rep 239 // Online legal research service «Westlaw».

162. Schweizerisches Bundesgericht, 12.06.2006 – 4C.92/2006. CISG-online 1516.

163. OGH. 21.04.2004. № 7Ob32/04p.

164. OGH. 29.06.1999. № 1Ob74/99k.

165. OGH. 15.12.1998. № 1Ob289/98a. CISG-online 1535.

166. OGH. 21.04.2004. № 7Ob32/04p.

167. OGH. 26.01.2005. № 3Ob221/04b.

168. BGH, 01.12.1993 – VIII ZR 259/92.

169. BGH, 08.06.1983 – VIII ZR 77/82.

170. BGH, 12.03.2013 – XI ZR 227/12.

171. BGH, 24.03.1999 – VIII ZR 121/98. CISG-online 396.

172. BGH, 24.09.2014 – VIII ZR 394/12. CISG-online 2545.

173. BGH, 03.04.1996 – VIII ZR 51/95. CISG-online 135.

174. OLG München, 05.03.2008 – 7 U 4969/06. CISG-online 1686.

175. OLG Frankfurt, 16.9.2004 – 16 U 49/04.

176. OLG Düsseldorf, 04.07.2019 – I-6 U 2/19. CISG-online 4614.

177. OLG Hamburg, 04.07.1997 – 1 U 143/95. CISG-online 1299.

178. OLG Hamburg, 28.02.1997 – 1 U 167/95. CISG-online 261.

179. OLG Frankfurt am Main, 17.09.1991 – 5 U 164/90. Marlboro shoes case. CISG-online 28.

180. OLG Düsseldorf, 24.04.1997 – 6 U 87/96. CISG-online 385.

181. OLG Köln, 06.02.2025 – 8 U 38/23. CISG-online 7282.

182. LG Aachen, 14.05.1993 – 43 O 136/92.

183. RG, 23.02.1904 – Rep. II. 398/03 = RGZ 57, 116.

184. Amtsgericht Willisau (Court of First Instance Willisau). Switzerland. 12 March 2004. № 10 01 5. CISG-online 961.

185. Rechtbank Zeeland-West-Brabant. 29.05.2024. № C/02/367340 / HA ZA 20-1. CISG-online 7014.

186. Hof van Cassatie, Belgium. 19.06.2009 (Scafom International BV v. Lorraine Tubes S.A.S.). CISG-online 1963.

187. U.S. Court of Appeals (8th Circuit). 30.05.2024. № 23-2164. CISG-online 7006.

188. Tribunal de Commerce de Besancon. 19.01.1998. № 97/009265. CISG-online 557.

189. Rechtbank Zeeland-West-Brabant. 29.05.2024. № C/02/367340 / HA ZA 20-1. CISG-online 7014.

190. Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B. District Court Monza. 14.01.1993. 4267/88. CISG-online 102.

191. Hilaturas Miel, S.L. v. Republic of Iraq. U.S. District Court for the Southern District of New York. 20 August 2008 – 06 Civ 12. CISG-online 1777.

192. Chilean Sea Bass Inc. v. Kendell Seafood Imports, Inc. District Court. USA. 22.05.2024.

193. Romay AG v. Behr France S.a.r.l. Cour d'appel de Colmar. 12.06.2001. № 1 A 1998/00359. CISG-online 694.

194. Nuova Fucinati S.p.A. v. Fondmetall International A.B. District Court Monza. 14.01.1993. 4267/88. CISG-online 102.

195. Efetio Lamias. № 63/2006. CISG-online 5924.

196. U.S. District Court for the Northern District of Illinois. 06.07.2004. Case №1:03-cv-01154. CISG-online 925.

197. Cour de Cassation, France, 17 December 2013. URL: http://www.cisg.fr/decision.html?lang=fr&date=13-12-17 (date of access: 26.05.2025).

198. CIETAC. 07.08.1993. CISG/1993/11. CISG-online 1060.

199. (2023）最高法民申 2620 号.

200. 中华人民共和国. 天津市高级人民法院. 民 事 判 决 书（2020）津民终 433 号.

201. 最高人民法院《关于审理买卖合同纠纷案件适用法律问题的解释》已于 2012 年 3 月 31 日由最高人民法院审判委员会第 1545 次会议通过，现.予公布，自 2012 年 7 月 1 日起施行.

9. Интернет-ресурсы

202. Гражданский Кодекс Италии // URL: http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/Lib4.htm (Дата обращения: 15.04.2022 г.).

203. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/member-states (Дата обращения: 26.01.2024 г.).

204. Фогель В.А. Невозможность исполнения обязательства в немецком праве. 16 с. // URL: https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/1602 (Дата обращения: 30.06.2024 г.).

205. Gardiner, R. Treaty Interpretation. Oxford International Law Library. 2nd Edition. 2015 // URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/relatedrecords/cr2018_04585.pdf (Date of access: 26.05.2025).

206. Laudahn, J. Force Majeure – nach deutschem, französischem und US-amerikanischem Recht. Offizielle Webseite des Friedrich Graf von Westphalen & Partner mbB. URL: https://www.fgvw.de/neues/archiv-2020/force-majeure-nach-deutschem-franzoesischem-und-us-amerikanischem-recht (Zugriffsdatum: 16.01.2025).

207. Official website of the Asian-African Legal Consultative Organization. URL: https://aalco.int/Members (Date of access: 26.01.2024).

208. Official website of the Group of 77. URL: https://www.g77.org/doc/members.html (Date of access: 26.01.2024).

209. Official website of the U.S. Department of the Treasury. Speech Preview: Excerpts of Secretary Lew's Remarks on Sanctions at The Carnegie Endowment for International Peace // URL: https://clck.ru/38Eobq (Date of access: 26.01.2024).